Б. А. Успенский — СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Б. А. Успенский

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Б. А. УСПЕНСКИЙ

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

Ответственный редактор

О. С. АХМАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящей работы — предложить структурную лингвистическую теорию для типологической характеристики языков (на грамматическом уровне). Осуществлению этой задачи должно быть предпослано рассмотрение ряда вопросов как общетеоретического, так и практического характера (прежде всего общих вопросов типологии и структурной лингвистики); то или иное их решение и определяет направление анализа. При этом все теоретические выводы в работе направлены на конкретное решение сформулированной проблемы.

Структурная лингвистика эксплицитно ставит задачу выявления системы языка, различения существенного и случайного в языке и описания внесистемных явлений через системные. Очевидно значение этих принципов для типологического исследования языков: в самом деле, если не выделять иерархию существенного и случайного, если не рассматривать явления в системе, в их отношении к другим явлениям (того же языка), возникает опасность изучения и сопоставления случайных, атомарных фактов, которые сами по себе — вне их отношения к другим фактам того же языка — не несут информации о характеристике данного языка. Вместе с тем важно отметить, что едва ли не в любом лингвистическом исследовании заложено и используется интуитивное (имплицитное) представление о структуре языка, о существенном и несущественном в языке; речь идет здесь именно об эксплицитном выражении этого представления.

В связи с этим представляется оправданным максимально учитывать результаты лингвистической традиции при построении структурной типологической теории (соответственно их переформулируя). Такой путь может быть признан целесообразным как потому, что языкознание накопило уже довольно большой материал, часто уникальный, так и потому, что языкознание выработало во многом продуктивную (хотя часто и не выраженную эксплицитно) методику.

В настоящей работе поэтому во многих случаях мы стре-

мились не столько предложить новые понятия, сколько интерпретировать в современных терминах уже имеющиеся (или, иными словами, дать структурную экспликацию этих понятий). При этом очевидно, что интерпретация не может полностью отражать содержание интерпретируемого понятия, но отражает некоторый ограниченный аспект его значения. Такой подход позволяет зато с большей точностью оперировать получаемыми терминами. С другой стороны, основой и отправным пунктом предлагаемой типологической теории является традиционная морфологическая классификация языков (также интерпретируемая определенным образом).

Работа состоит из двух частей, каждая из которых делится на главы, и приложений. Внутри второй части установлена также — параллельно делению на главы — специальная разветвляющаяся рубрикация по параграфам.

Первая («Вводная») часть работы представляет собой свободное обсуждение некоторых общих проблем, имеющее целью прежде всего уточнить понятие «структурная типология языков». Мы рассматриваем предмет и задачи структурной типологии, соотношение типологического метода с другими методами лингвистического исследования. На основании критического рассмотрения различных типологических методов определяется методика структурной типологии. Вводится понятие языка-эталона для типологического сравнения.

В этой части работы мы, как правило, не определяем специально употребляемые термины, но пользуемся ими в их традиционном (обычном) смысле. Такой «нестрогий» характер изложения представлялся удобным для того, чтобы сформулировать общее понимание предмета работы и ее направленность.

Во второй («Основной») части книги мы, напротив, стараемся определить — содержательно или формально — все используемые термины. Эта часть представляет собой попытку построения оригинальной типологической теории, в которой реализуются общие выводы, сделанные в вводной части работы. Изложению самой теории предпослана развернутая система терминов и допущений. Исследуется структура языка-эталона для типологического сравнения языков на грамматическом уровне; для ее описания предлагается уточненная интерпретация традиционной морфологической классификации языков. Определяются общие трансформации, необходимые для описания конкретных языков относительно языка-эталона, т. е. указываются трансформации перехода от языка-эталона к реальным языкам; языки классифицируются по тем трансформациям, которые имеют место при таком переходе. Наконец, определяется возможность построения дополнитель-

ных языков-эталонов для решения специальных типологических задач и более полной типологической характеристики.

В конце работы помещены приложения, в которых рассматривается ряд конкретных проблем, затронутых по ходу изложения (в частности, сюда вынесен подробный анализ языковых универсалий), а также библиография.

Работа строится в виде последовательного изложения теории структурно-типологического языкознания и — при первом приближении — почти не требует специальных предварительных знаний. Знакомство с первой частью работы не необходимо для восприятия второй ее части (хотя и желательно); при необходимости мы делаем соответствующие ссылки на первую часть. В то же время вторую («Основную») часть работы рекомендуется читать последовательно.

Данная работа, насколько известно ее автору, — первый опыт монографического исследования на настоящую тему. Это обстоятельство может если не извинить, то объяснить многие ее возможные недостатки. Работа никак не претендует на окончательное решение поставленных проблем. Едва ли не главная ее цель — именно поставить проблемы, т. е. сформулировать их достаточно четко, и показать зависимость того или иного решения от тех или иных исходных предпосылок. Во многих случаях, предлагая какое-то определение, какую-то исходную посылку (которые, естественно, кажутся автору более удачными, чем другие), мы не можем утверждать, что именно данное определение и является оптимальным. Однако представлялось чрезвычайно существенным проследить связь данного определения и результатов типологической теории и наметить тем самым потенциальные возможности построения и развития типологии. В известном смысле это и составляло задачу данной книги.

С идеями настоящей работы (на разных этапах ее создания) ознакомились О. С. Ахманова, Луи Ельмслев, А. А. Зализняк, В. В. Иванов, П. С. Кузнецов, Ю. К. Лекомцев, И. А. Мельчук, Ю. В. Рождественский, Н. И. Толстой, С. К. Шаумян. Их советы и критические замечания существенно способствовали сокращению числа ее недостатков. Всем им автор приносит глубокую и искреннюю благодарность.

Примечание. Библиографические ссылки по ходу изложения приводятся без выходных данных (таким образом, при ссылках указывается лишь автор и название цитируемой работы). За указанием выходных данных цитируемых работ следует обращаться к библиографии.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

ПРЕДМЕТ И МЕТОД СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

Типологические методы исследования давно применяются в языкознании. Однако за последние десятилетия они приобретают все большее значение. Это прямым образом связано со стремлением лингвистов превратить лингвистику в точную науку — в частности строить лингвистическую теорию в виде исчисления (т. е. системы формализованных аксиом и формальных правил вывода). Для этого прежде всего необходимо устранить терминологическую путаницу, однозначно определить систему терминов и допущений. Возникает естественное желание определять термины таким образом, чтобы они не зависели от специфики данного языка, но были бы пригодны для описания любого языка.

Стремление к точным методам в значительной степени обусловлено практическими задачами лингвистики: машинным переводом, машинным поиском литературы и так далее. Особое значение в реализации этого стремления принадлежит современным методам исследования, в частности методам структурной лингвистики.

В настоящей работе поэтому будет идти речь о типологическом исследовании языка на современном этапе, т. е. о структурной типологии. По справедливому замечанию А. Крёбера, «сравнения ныне несут гораздо больше информации, чем они могли нести, когда не были определены такие понятия, как фонема и морфема» [1]. В самом деле, такие методологические принципы, как разграничение языка и речи [2], разграничение эмического и этического уровней в языке (т. е. противопоставление таких явлений, как фонема, морфема, графема с одной стороны и их вариантов — с другой) [3], рассмотрение языковых явлений в плане выражения

---

[1] A. L. Kroeber, *On typological indices I: ranking of languages.*

[2] См. F. de Saussure, *Cours de linguistique générale*, pp. 23—40. Дальнейшую разработку проблемы см. L. Hjelmslev, *Langue et parole.*

[3] Ср. K. L. Pike, *Language in relation to a unified theory of human behaviour*, I (Prelim.).

и в плане **содержания**, различение **открытого и закрытого** текста как предмета лингвистического исследования [4] и некоторые другие, — позволяют отличать существенное от случайного в явлениях языка, выявлять его структуру. Такие методы, как дистрибутивный анализ, трансформационный анализ и другие, позволяют делать это точным образом.

Именно структура языка и должна служить пунктом отправления, единицей отсчета при типологических сравнениях; в противном случае сравниваются отдельно взятые атомарные явления, которые сами по себе (вне их отношения к другим явлениям того же языка) малоинформативны [5]. Если различные структуры описываются в адекватных терминах и при одинаковых допущениях (ниже будет показано, что какие-то допущения неизбежны при достаточно полном лингвистическом описании), то сравнение этих структур и составит предмет структурной типологии. Таким образом, **структурную типологию** языков можно определить как систематизацию, инвентаризацию явлений разных языков по структурным признакам (т. е. признакам, существенным с точки зрения структуры данного языка).

В дальнейшем, говоря о типологии, мы будем иметь в виду структурную типологию языков (за исключением специально оговариваемых случаев).

* * *

Из определения типологии вытекают ее главные задачи.

В результате типологических исследований мы можем говорить о каких-то чертах, которые присутствуют во всех язы-

---

[4] Противопоставление «открытого» и «закрытого» текста (как предмета лингвистического исследования) недавно выдвинуто Х. Спанг-Ханссеном. Это противопоставление основывается на различении случаев, когда исследователь работает исключительно над данным конкретным материалом (над «закрытым» материалом), и тех случаев, когда он рассматривает данный текст как образчик «открытого», т. е. бесконечного материала (текста бесконечной протяженности).

Структурный анализ, как показывает Х. Спанг-Ханссен (в противоположность дескриптивному), может основываться только на рассмотрении открытого текста (закрытый материал в принципе не нуждается в структурном анализе). Это положение позволяет уточнить метод структурного анализа и, в частности, делать вывод о неизбежности постановки гипотез при структурном анализе (см. об этом ниже). См. H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description;* ср. нашу рецензию на эту работу в ВЯ, 1962, № 2.

[5] Э. Сепир был едва ли не первым лингвистом, четко постулировавшим, что прежде чем сравнивать языки, необходимо выявлять их структуру («it is necessary to structuralize before typologizing a given language» — ср. C. F. Voegelin, A. K. Ramanujan, F. M. Voegelin, *Typology of density ranges I: introduction,* p. 198); тем самым Сепир по праву может быть назван пионером структурной типологии.

ках или, напротив, вообще не могут встречаться в языке; отдельные явления мы можем ставить в связь друг с другом и по одному явлению предсказывать другое, т. е. устанавливать типологические законы. Таким образом мы можем говорить об общих признаках языка[6]. Итак, одна из основных задач типологии — построение общей теории языка, выявление универсальных (действительных для любого языка) соотношений и черт, или языковых универсалий[7].

Универсальные языковые соотношения (языковые универсалии) можно устанавливать, во-первых, на основании сравнения языков с неязыками (системами близкого порядка), например сравнения языков с другими знаковыми системами, с другими системами передачи и хранения информации и т. д. В этом случае сравнение производится в терминах, необходимых для описания как всех языков, так и сравниваемой с ними системы (т. е. в определенных экстралингвистических терминах); соответственно, речь идет тогда не о собственно лингвистической, а о семиотической, коммуникационной или другой типологии и о месте языков в этой типологии[8].

---

[6] Ср. L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse;* Л. Ельмслев, *Метод структурного анализа в лингвистике,* стр. 56.

[7] Языковым универсалиям была посвящена специальная конференция, состоявшаяся в 1961 г. в Нью-Йорке. Материалы этой конференции опубликованы в книге: «Universals of language», ср. нашу рецензию в ВЯ, 1963, № 5. Ср. также постановку проблемы в статье: B. W. and E. G. Aginsky, *The importance of language universals.*

Определение языковых универсалий и их классификацию см. в Приложении I (стр. 179—181 наст. изд.); в Приложении II (стр. 182—222) подытожены основные результаты в этой области.

[8] Изучение естественного языка в плане сравнения его с системами коммуникаций животных производилось Ч. Хокеттом (см. Ch. F. Hockett: *A course in modern linguistics,* Ch. 64; *Logical considerations in the study of animal communication; The problem of universals in language).* В последней работе выделяется 16 универсальных признаков, которые характерны для всех естественных языков человеческого общества, но каждый из которых может отсутствовать по крайней мере в одной из коммуникационных систем животных. Заметим, что автор под естественным (человеческим) языком понимает только язык устного общения («vocal-auditory communication»), исключая, таким образом, из рассмотрения такие явления, как письменный язык, язык жестов, язык барабанной сигнализации и т. д.; если же учитывать все эти явления, число универсальных характеристик соответственно уменьшится (в предлагаемом автором списке в этом случае надлежит, видимо, отбросить первые пять признаков). Ср. также по данному вопросу: В. В. Иванов, *Некоторые проблемы современной лингвистики,* стр. 160.

К универсалиям общего (экстралингвистического) характера относится и утверждение, что избыточность в любом языке равна приблизительно 50% (см. Ch. F. Hockett, *The problem of universals in language,* p. 19); это утверждение также вытекает из сравнения языков с другими системами передачи информации. Ряд универсалий того же порядка приводится в известной работе Ингве (V. H. Yngve, *A model and a hypothesis for language structure,* pp. 452, 465).

Во-вторых, языковые универсалии можно определять на основании непосредственного сравнения языков друг с другом, т. е. в терминах собственно лингвистических, необходимых и достаточных для описания некоторого языка *А* через сравнение его с любым другим языком *В*. Именно в последнем из указанных случаев и может идти речь о лингвистической типологии (универсалии такого типа можно называть «собственно лингвистическими» в отличие от первых «экстралингвистических» универсалий).

Собственно лингвистические универсалии могут различаться по объекту (фонологические, грамматические, семантические и другие универсалии; синхронические и диахронические универсалии [9]), по своей форме (элементарные и импликационные универсалии и т. д.), наконец, по характеру самого утверждения (абсолютные и статистические универсалии; дедуктивные и индуктивные универсалии и др.) [10].

А б с о л ю т н ы е (или п о л н ы е) универсалии не знают исключений. Относительно с т а т и с т и ч е с к и х (или н е п о л н ы х) универсалий («near-universals») известны единичные случаи исключений; однако такие случаи не нарушают высокой статистической вероятности устанавливаемого соотношения [11]. Случаи исключений, если они единичны, можно рассматривать как нехарактерные — возникающие, например, на переходном этапе от одной устойчивой системы к другой; сами же соотношения, обладающие высокой статистической вероятностью, можно, например, рассматривать как общие кодовые характеристики [12].

---

[9] Отметим, что синхронические и диахронические универсалии могут быть естественным образом связаны (это обусловливается, видимо, общей лингвистической методикой исследования и единым понятием простоты описания). Характерно, в частности, что некоторые синхронические универсальные закономерности проще всего понять, исходя из диахронических предпосылок (ср. J. H. Greenberg, Ch. Osgood, J. Jenkins, *Memorandum concerning language universals*, p. 261). В то же время, как отмечает Р. Уэллс, каждая синхроническая универсальная закономерность, сформулированная в виде импликации («если *А*, то *В*»), имеет и диахронический смысл: именно, если имеется язык, где есть *А*, но нет *В*, мы предскажем или появление *В*, или исчезновение *А* (см. S. Saporta, *Phoneme distribution and language universals*, p. 56). Ср. также: А. А. Зализняк, *О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией*, стр. 56; M. Halle, *On the role of simplicity in linguistic description*, p. 93.

[10] Подробная классификация универсалий приводится в Приложении I («Классификация языковых универсалий»). Там же даются определения различных типов универсалий.

[11] Вообще о применении статистических методов при типологических исследованиях см. ниже.

[12] С этой точки зрения рассмотрение исключений к неполным универсалиям может представлять большой интерес. Языки, составляющие исключение к некоторой универсалии, соответствуют часто определенному ареалу (см. список универсалий и примеры исключений к ним в Приложении II). Такие случаи могут дать основание делать вывод о ранних языковых контактах, выделять явления субстратного характера, наконец, ре-

В случае **дедуктивных** универсальных соотношений («definitional universals») универсальность соотношения явствует из самого определения соотносимых единиц или исходных допущений о языке. В тривиальном случае такие соотношения тавтологичны (т. е. верны, но не информативны) [13]; в более сложных случаях, когда универсальные соотношения такого рода не самоочевидны, их можно доказать (т. е. дедуктивно вывести).

В случае **индуктивных** универсальных соотношений («empirical universals») универсальность соотношения не вытекает из исходных допущений или определения соотносимых единиц, но постулируется эмпирически: если и найдется противоречащий случай, мы не изменим наших исходных допущений или определений. Иными словами, соотношения такого рода не связаны с определенными конструктами, характеризующими сущность соотносимых единиц: можно себе представить (или построить искусственно) язык, где не имеет место данное соотношение [14]. В то же время даже если такой язык и встретится реально, это не нарушит высокой статистической вероятности устанавливаемого соотношения (ср. выше разграничение абсолютных и статистических универсалий) [15].

В этом случае абсолютные индуктивные соотношения (т. е. такие, что всегда имеют место, но универсальность которых нельзя доказать) углубляют наши знания о сущности соотносимых явлений [16].

конструировать древнейшее языковое состояние (не противоречащее данной универсальной закономерности) и объяснять аномалию позднейшей языковой интерференцией.

[13] Наиболее тривиальный — и наименее информативный — случай предстает, видимо, тогда, когда утверждается универсальное присутствие некоторых операционных понятий (метапонятий) — например, высказывания типа: «во всех языках есть фонемы» (ср. S. Saporta, *Phoneme distribution and language universals*, p. 52).

Примером универсалии такого рода может служить и распространенное утверждение о наличии в каждом языке основных членов предложения (см., например: R. Jakobson, *Implications of language universals for linguistics*, p. 209; В. Скаличка, *Типология и тождественность языков*, стр. 34); члены предложения понимаются при этом как операционные понятия для описания синтаксического содержания.

[14] Аналогично различение «закона» и «генерализации» у С. К. Шаумяна (см. С. К. Шаумян, *Генерализация и постулирование конструктов в изучении структуры языка*).

См. там же о роли мысленного эксперимента при разграничении дедуктивных и индуктивных универсалий. В самом деле, индуктивная универсальная характеристика есть такая характеристика, что, если некоторая знаковая система и не обладает ею, мы все же можем называть эту систему языком.

[15] Заметим, что абсолютные (полные) индуктивные закономерности по существу всякий раз гипотетичны, поскольку при их установлении неизбежно исходят из рассмотрения ограниченного количества языков: всегда потенциально возможен противоречащий случай.

[16] Аналогичная ситуация может быть и в математике, где известны некоторые (найденные эмпирически) положения, которые фактически имеют место, но справедливость которых не удается доказать. Примером может служить так называемая проблема четырех красок: достаточность четырех красок для такой раскраски всякой географической карты (иначе говоря, любой конфигурации соприкасающихся площадей), чтобы две соседние страны были окрашены в разные цвета (ср. Ch. F. Hockett, *The problem of universals in language*, p. 5).

Очевидно, что индуктивные закономерности несут больше информации, чем дедуктивные — именно потому, что они не из чего не следуют и никак не предсказуемы [17]. Однако начало типологических исследований должно лежать, видимо, в четком формулировании дедуктивных универсальных соотношений [18].

Заметим, что абсолютные индуктивные универсалии, расширяя наши знания о языке, могут привести к принятию некоторых новых исходных допущений, на основании которых они превращаются в дедуктивные. Тем самым эмпирические (индуктивные) универсалии «представляют потенциальный материал для выведения дедуктивных законов» [19].

Приведем примеры некоторых универсальных языковых соотношений для фонологического и грамматического уровней [20].

Ф о н о л о г и ч е с к и й у р о в е н ь. Нет языков без гласных [21]; нет языков без смычных согласных [22]; во всех языках имеется не менее двух фонологически противопоставленных артикуляционных позиций для смычных [23]; во всех языках имеется фонологическое противопоставление смычных и несмычных [24]. Во всех языках есть слог структуры: «согласная — гласная» [25]; существует сложное взаимоотношение между противопоставленностью в языке кратких и долгих гласных и динамическим ударением [26].

[17] Ср. в этей связи замечание Л. Блумфилда: «Единственно полезные генерализации о языке суть индуктивные генерализации» (L. Bloomfield, *Language*, p. 20).

[18] Развиваемая далее (в «Основной части» данной работы) типологическая теория сосредоточивается на выявлении дедуктивных закономерностей. Основные индуктивные закономерности рассматриваются в Приложении II.

[19] J. H. Greenberg, Ch. Osgood, J. Jenkins, *Memorandum concerning language universals*, p. 263.

[20] Относительно полный список известных к настоящему времени синхронических фонологических и грамматических универсалий (индуктивных) приводится — с применением специальной системы записи — в Приложении II («Список синхронических универсалий из области фонологии и грамматики»).

[21] См. J. H. Greenberg, *Is the vowel-consonant dichotomy universal*. Автор исходит из функционального определения гласных; аналогичное утверждение можно, видимо, сделать, и определяя гласные в терминах дифференциальных признаков (акустических или артикуляционных). (Ср. R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, *Preliminaries to speech analysis: the distinctive features and their correlates*, § 2.226).

[22] R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, p. 21.

[23] Ch. F. Hockett, *The problem of universals in language*, p. 21.

[24] Ibid.

[25] См. R. Jakobson, *Retrospect*, p. 655.

[26] В. В. Иванов, *Типология и сравнительно-историческое языкознание*, стр. 36. (Ср. Р. О. Якобсон, *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*, стр. 24—26; R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, p. 7).

Грамматический уровень. Если в языке есть категория падежа или рода, в нем есть и категория числа [27]. Если в языке выражается тройственное число, в нем выражается и двойственное число, а если в языке имеется двойственное число, в нем есть и множественное число [28]; в то же время множественное число по определению не может быть без единственного. Во всех языках есть местоимения [29]; местоимения всех языков имеют три лица [30]. Существует определенная связь между наличием предлогов или послелогов в языке, постпозицией или препозицией определения и позицией глагола относительно именного субъекта и именного объекта (в данном языке) [31]. Можно указать, наконец, на общую зависимость порядка слов от формальной выраженности слов в языке [32].

Особенно показательно для выявления универсальных (инвариантных) признаков применение принципа дополнительной дистрибуции на интерлингвистическом (межъязыковом) уровне, т. е. установление таких признаков, которые никогда не сосуществуют в одном языке; тогда эти признаки могут считаться вариантами одной сущности. Например, ни

---

[27] См. J. H. Greenberg, *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements*, pp. 74, 80.

[28] Ibid., p. 74.

[29] Ch. F. Hockett, *The problem of universals in language*, p. 16; R. Jakobson, *Implications of language universals for linguistics*, p. 210.

[30] См.: Ch. F. Hockett, *The problem of universals in language*, p. 16; J. H. Greenberg, *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements*, p. 75.

[31] См. W. Schmidt, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde*. Исследования в этом направлении продолжены Дж. Гринбергом (см. J. H. Greenberg, *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements*, а также его доклад на 9-м Международном съезде лингвистов).

Устанавливаются следующие общие зависимости.

В языках с порядком слов «глагол — именной субъект — именной объект» могут быть только предлоги, но не послелоги (утверждается, что нет ни одного языка с таким порядком слов, где употреблялись бы послелоги). В языках с этим порядком слов определение, как правило, следует за определяемым именем (очень мало языков с данным порядком слов, где определение предшествовало бы определяемому).

В языках с порядком слов «именной субъект — глагол — именной объект» чаще постпозиция, а не препозиция определения.

В языках с порядком слов «именной субъект — именной объект — глагол» бывают, как правило, послелоги, а не предлоги и чаще препозиция, а не постпозиция определения.

В то же время почти не бывает языков, где именной объект стоял бы впереди именного субъекта.

Таким образом, по данным Гринберга, общая тенденция языков сводится к постпозиции, а не препозиции определения.

[32] См. Э. Сепир, *Язык*, стр. 50, также J. H. Greenberg, *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements*, p. 75.

в одном языке согласные не противопоставлены одновременно по огубленности и по фарингализации; поэтому эти признаки можно считать вариантами одного противопоставления (которому можно дать физиологическую интерпретацию). Точно так же и признаки напряженности, интенсивности, придыхания согласных оказываются дополнительно распределенными вариантами одного противопоставления [33]. Характерно, что применяемый при этом метод полностью соответствует тому, который используется для отождествления вариантов при внутриязыковом анализе (например, фонемных, морфемных или других вариантов). Методы, применяемые на интралингвистическом и интерлингвистическом уровнях, здесь совершенно изоморфны.

Таким образом, на основе типологических исследований можно построить универсальные системы, общие для всех языков. Такая система уже построена для фонологии: это система дифференциальных признаков Р. О. Якобсона и его соавторов [34]. Тем же исследователем предложена общая схема таксономии глагольных категорий [35]. Ю. Р. Куриловичем построена более частная система для характеристики временных и видовых категорий [36]. Л. Ельмслев предложил общую для всех языков систему падежей, где выделяются абстрактные семантические дифференциальные признаки падежей, не зависящие от специфики рассматриваемых языков [37]; по существу подход к этой же проблеме (в ином плане, чем у Ельмслева) содержится и в работах Якобсона [38]. И. А. Мельчук построил систему абстрактных синтаксических отношений, на основании которых может быть осуществлена синтаксическая характеристика разных языков [39]. Дж. Гринбергом предложена общая система характеристики терминов родства [40]. Можно привести и другие примеры аналогичных построений [41]. Отметим вместе с тем, что приведенные

---

[33] R. Jakobson, *Phonology and phonetics*, pp. 483, 484. Ср. R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics* (concluding remarks).

[34] R. Jakobson, C. G. Fant, M. Halle, *Preliminaries to speech analysis*...; R. Jakobson, M. Halle, *Fundamentals of language*.

[35] R. Jakobson, *Shifters, verbal categories and the Russian verb*.

[36] J. Kuryłowicz, *L'apophonie en indo-européen*, pp. 24—35; J. Kuryłowicz, *Aspect et temps dans l'histoire du Persan*.

[37] L. Hjelmslev, *La catégorie des cas, I—II*.

[38] См., например, Р. О. Якобсон, *Морфологические наблюдения над славянским склонением*.

[39] См. И. А. Мельчук, *Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов*; И. А. Мельчук, *Автоматический анализ текстов*.

[40] J. H. Greenberg, *The logical analysis of kinship*. Аналогичный подход излагается в работе: Л. А. Калужнин, Э. Ф. Скороходько, *Некоторые замечания о лексической семантике (на материале терминологии родства и свойства)*.

[41] Ср., в частности, универсальную схему характеристики грамматических показателей (по содержащейся в них информации), предложенную М. Холлидеем (M. A. K. Halliday, *Systematic description and comparison in grammatical analysis*). Аналогичную постановку вопроса см. М. А. Черкасский, *О типологии лингвистических объектов*.

примеры универсальных систем не представляют единственные решения поставленных задач [42].

Построение таких схем основывается на выявлении основных принципов (абстрактных признаков), необходимых и достаточных для характеристики сущности данного лингвистического явления. Подобные универсальные схемы можно рассматривать как исчисления — в том смылсле, что выделяются некоторые единицы и постулируются их свойства, обусловливающие их сочетаемость (ср. аналогичное понимание исчисления в глоссематике). При помощи понятий данных универсальных систем легко формулируются соответствующие дедуктивные универсалии [43].

Такова первая задача типологии — выяснение изоморфных явлений, общих всем языкам. В то же время типология устанавливает какие-то признаки, присущие части языков. На этом основании можно классифицировать языки. Типология и классификация языков по структурным признакам (типологическая классификация) прямо связаны друг с другом — одно подразумевает другое [44]. Действительно, цель типологической классификации — создание наиболее экономного способа кодирования информации о структуре языков мира. При этом разные языки описываются в одних символах; таким образом, выявляется изоморфизм различных языков. Классификация языков, основанная на типологии, предназначена помочь при исследовании незнакомых языков. Исследователь, обнаружив какие-нибудь закономерности, вправе искать (или гипотетически предполагать) сопряженные с ними явления. Таким образом, другая задача типологии — классификация языков — тесно связана с первой.

Таковы основные задачи типологии —выявление изоморфизма и алломорфизма разных языков. Типология есть подход к проблеме, занимавшей языковедов всех времен (от Коменского, Лейбница и грамматиков аббатства Пор-Руаяль до копенгагенских структуралистов), — к проблеме универсальной грамматики [45]. На основе типологии можно построить систему, общую для всех языков; введением дополни-

---

[42] В наши задачи не входит оценка удачности или неудачности того или иного решения; приведенные работы берутся в качестве иллюстраций.

[43] Имеются в виду дедуктивные универсалии тривиального типа (утверждения об универсальном присутствии некоторых операционных понятий), о которых говорилось выше (стр. 13, сн. 13).

[44] Ср. H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description*, p. 91; показывается, что описание так же зависит от классификации, как и классификация от описания: в самом деле, если мы определяем нечто, описывая его свойства, тем самым мы классифицируем, подразделяя эмпирический материал на случаи, которые удовлетворяют этим свойствам, и на те, которые им не удовлетворяют.

[45] Особый интерес к этой проблеме возникает в связи с теорией машинного перевода. См.: У. Уивер, *Перевод*, стр. 43, 44; О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина, *О точных методах исследования языка.*

тельных правил строятся надсистемы, характеризующие конкретные языки. Так связаны две задачи типологии.

«...Не будет ошибочным и утверждение, — писал Ж. Вандриес, — что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу. Именно эта идея лежит в основе опытов по общей лингвистике» [46].

Это высказывание Вандриеса перекликается со следующими словами Роджера Бэкона, высказанными несколькими веками раньше: «...Unde sciens grammaticam in uno idiomate scit eam in alio, quantum ad omnia quae sunt essentialia grammaticae. Quod tamen secundum eam non loquatur in illo nec loquentem intellegat, hoc est propter diversitatem vocum et diversas figurationes earum, quae sunt accidentalia grammaticae» [47]. Ср. также (его же): «Grammatica una et eadem est secundum substantiam in omnibus linguis, licet accidentaliter varietur» [48].

* * *

Рассмотрим некоторые прикладные задачи типологии. Заметим при этом, что, как часть теоретического языкознания, типология не связана непосредственно с практикой; тем не менее многие типологические результаты могут иметь практические приложения. К практическим приложениям типологии относятся в первую очередь такие области, как дешифровка и машинный перевод, а также — в той или иной мере — и многие другие разделы прикладного языкознания.

Мы уже отмечали выше, что типология может помочь при исследовании неизвестных языков: зная типологические соотношения, исследователь по некоторым закономерностям может восстановить целую систему. Это относится как к сравнительно-историческим реконструкциям (о них см. далее), так и вообще к дешифровке неизвестного языка. Можно утверждать, например, что любая дешифровка буквенного текста основывается (если нет каких-нибудь вспомогательных данных) на общих типологических предпосылках сочетаемости гласных и согласных, строения слога и др. [49]. В принципе

---

[46] Ж. Вандриес, *Язык*, стр. 217.

[47] Цитировано в работе: R. H. Robins, *Noun and verb in universal grammar*, p. 290.

[48] Цитировано в работе: R. Jakobson, *Implications of language universals for linguistics*, p. 209.

[49] Зная типологию сочетаемости гласных и согласных в речевом потоке (разных языков), исследователь может разделить знаки неизвестного языка по их дистрибуции на гласные и согласные — при гипотезе, что этот язык записан буквенным письмом. Такой метод применяет В. В. Шево-

аналогичный (хотя и более сложный) анализ может помочь и в выявлении грамматической структуры рассматриваемого языка и в расшифровке предложений этого языка на уровне грамматической (не семантической) правильности [50]. Заметим, наконец, что типологические данные позволяют определить вид письменности по количеству знаков (с чего начинается всякая работа по дешифровке) [51]. Вообще «общая задача дешифровки совпадает с задачей обнаружения универсальных законов языка и, в первую очередь, универсальной грамматики» [52]. При достаточной разработанности типологических систем дешифровку можно представить как последовательную подстановку различных типологически возможных систем в знаки дешифруемого текста; та система, с которой дешифруемый текст совпадает лучше всего, и будет считаться его интерпретацией. Такой подход уже намечен в отношении фонологической интерпретации алфавитных систем [53]; гораздо сложнее обстоит дело с грамматической интерпретацией, однако нет оснований сомневаться в ее возможности; менее ясной представляется пока возможность семантической ин-

---

рошкин при дешифровке карийского языка (см. В. В. Шеворошкин, *О начальном этапе дешифровки буквенных письменностей;* В. В. Шеворошкин. *О структуре звуковых цепей;* В. В. Шеворошкин, *К исследованию некоторых закономерностей строения звуковых цепей.* Результаты дешифровки изложены в работе: В. В. Шеворошкин, *Карийский вопрос* и др.).

Сходный метод выделения гласных и согласных графем на основе письменных текстов русского, английского, французского, немецкого и испанского языков излагается (в виде алгоритма) в работах: Б. В. Сухотин, *Экспериментальное выделение классов букв с помощью электронной вычислительной машины;* Б. В. Сухотин, *Алгоритмы лингвистической дешифровки.*

[50] См. Ю. В. Кнорозов, *Письменность индейцев майя,* стр. 229, 230.

[51] См. И. Фридрих, *Дешифровка забытых письменностей и языков,* стр. 153.

При определении вида письменности (буквенного, слогового, иероглифического) исследователи руководствуются прежде всего числом письменных знаков. В то же время это не единственный метод различения видов письменности: можно определить вид письменности по дистрибуции знаков (по кривой убывания) независимо от инвентарного количества знаков, имеющихся в данном тексте.

В настоящее время разработана методика определения вида письменности по небольшому отрезку текста (порядка 1000—2000 знаков), причем реальный инвентарь используемых в тексте знаков ограничен и не превосходит по количеству обычный буквенный алфавит. Эта методика разработана в виде алгоритма для электронной вычислительной машины; последней предлагается два текста одинаковой длины и с одинаковым инвентарным количеством знаков и дается задание определить (по дистрибуции знаков в тексте), какой текст написан буквенным, а какой — иероглифическим письмом (Ю. В. Кнорозов, устное сообщение).

[52] См. Б. В. Сухотин, *Общая задача дешифровки. Алгоритм установления связи слов в предложении,* стр. 61; ср. Б. В. Сухотин, *Алгоритмы лингвистической дешифровки.*

[53] Ср. упомянутые работы В. В. Шеворошкина (см. стр. 18, сн. 49).

терпретации текста неизвестного языка с применением типологических методов [54].

Другой большой областью приложения типологии является перевод, и прежде всего наиболее формализованная его область — машинный перевод.

Значение типологии для целей машинного перевода обусловливается прежде всего тем, что перед последним стоит проблема перевода со многих языков на многие (отсутствует ограничение несколькими языками) — т. е. проблема разработки языка-посредника и перехода от языка-посредника к конкретным языкам и обратно. Отсюда «в общем виде можно утверждать, что машинный перевод является прикладной типологией языков» [55].

Действительно, теория машинного перевода сводится в общем к системе правил по выбору оптимального алгоритма для языка данного типа [56]. Лингвистической основой составления таких правил является типологическое описание языковых значений и способов их выражения. При этом возможно построение чисто практических типологических исследований, рассчитанных на цели машинного перевода. Примером решения типологических задач в целях практики машинного перевода может служить предложенная И. А. Мельчуком универсальная схема для морфологического анализа языков [57]. Схеме предпосылается лингвистическая анкета, перечисляющая все те особенности языков, которые могут влиять на ход морфологического анализа. Общая схема морфологического анализа строится в виде операций, из которых

---

[54] Ю. В. Кнорозов считает, что дешифровка текстов неизвестного языка в принципе возможна лишь на уровне грамматической (но не семантической) правильности (при отсутствии каких-либо дополнительных сведений о данном языке или тексте): т. е. исследователь, дешифрующий русский язык (ничего о нем не зная), способен получить лишь фразы, аналогичные известной фразе акад. Л. В. Щербы («Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка»). Для дешифровки текста на уровне семантической правильности (т. е. для подстановки референтов в грамматически правильные структурные конструкции) необходимы дополнительные сведения, выходящие за рамки общей теории дешифровки (например, сведения по истории данного общества, билингвы и т. д.) (Ю. В. Кнорозов, устное сообщение; отчасти Ю. В. Кнорозов, *Письменность индейцев майя,* стр. 230).

О разграничении уровней грамматической и семантической правильности см. ниже («Основная часть», § 0.3).

[55] В. В. Иванов, *Некоторые вопросы машинного перевода в СССР,* стр. 3. Ср. В. В. Иванов, *Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами.*

[56] См. С. С. Белокриницкая, Л. Н. Быкова, М. Б. Ефимов, В. М. Жеребин, В. В. Иванов, Т. М. Николаева, Г. А. Тарасова, *О зависимости строения правил автоматического анализа от типа языка.*

[57] См. И. А. Мельчук, *Морфологический анализ при машинном переводе.*

составляется конкретный алгоритм; при этом указываются соотношения между ответами на вопросы лингвистической анкеты и строением соответствующей части схемы морфологического анализа. Данная схема целиком подчиняется эмпирике машинного перевода и обусловлена его методами (на современном этапе). Однако составление подобной схемы предполагает знание и организацию теоретической типологии. На основании такой эмпирической типологии возможно характеризовать чисто практическим образом различные языки и их типы [58].

В отличие от такой узко практической типологии типология теоретическая (которая лежит в основе подобных практических типологических построений) не направлена непосредственно на эмпирическую цель и обусловлена не методикой машинного перевода, а всей методикой современной лингвистики (которая лежит и в основе машинного перевода). В то же время очевидно, что сами практические построения такого рода имеют большое значение для развития типологической теории [59].

Перед эмпирической типологией (в частности, машинного перевода) не стоят вовсе многие проблемы, решение которых является определяющим при построении типологии теоретической. В частности, не стоит вопрос, должна ли типология исходить из рассмотрения «текста» или «системы» (т. е. из «закрытого» или «открытого» текста [60]), из случайного или системного в языке; соответственно, не стоит вопрос об иерархии уровней абстракции при типологических построениях; наконец, не стоит вопрос об исходной единице соотношения в разных языках (например, морфема или слово?) [61].

Названные вопросы не являются проблемами в эмпирической типологии, поскольку решение их дано заранее (эмпирически). Отсюда понятно, между прочим, что переход от теоретической типологии к эмпирической всегда возможен и относительно нетруден, в то время как переход в обратном направлении может быть невозможен вовсе.

Прикладные задачи типологии выступают также при обучении языкам, которое вообще можно рассматривать как практическое сравнение языков [62]. На практике это может означать, например, создание промежуточных (креолизованных) языков при переходе от иностранного языка к родному

---

[58] Ср. В. В. Иванов, *Некоторые вопросы машинного перевода в СССР*, стр. 9, 10: предлагается практическая характеристика (с точки зрения машинного перевода) инкорпорирующего типа языков.

[59] О значении машинного перевода для общей типологической теории см. М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание*, стр. 6.

[60] См. об этом ниже, стр. 35—37.

[61] См. ниже, стр. 52—53.

[62] Ср. V. Skalička, *Sur les langues polysynthétiques*, p. 13.

(скажем, с грамматикой иностранного и словарем родного языка — иначе говоря, использование ломаного родного языка при переходе от иностранного к родному языку).

Типологические данные могут быть полезными и для лексикографии — научной и практической. В частности, возможно, видимо, вывести зависимость между типом языка и целесообразным способом составления словаря данного языка [63]. Большое значение в теории и практике лексикографии имеет вопрос о необходимой грамматической информации, которой снабжается слово в словаре; количество этой информации также, по-видимому, обусловливается типом языка. В то же время научная подача этой информации предполагает разработанную типологию (например, единую для всех языков таксономию частей речи).

Данные типологии могут иметь большое значение и для практики создания письменности (т. е. определения принципов создания письменности, рациональной по отношению к тому или иному типу языка) [64].

Можно утверждать вообще, что типологические результаты могут иметь практическое приложение во всех случаях, когда ставится вопрос о межъязыковом перекодировании информации [65].

---

[63] Например, обусловленность корневого или алфавитного принципа составления словаря типом языка. Пока тут большую роль играет традиция: например, древнееврейские словари составляются по алфавитному принципу, в то время как словари арабского языка (типологически близкого древнееврейскому) составляются по корневому принципу. Для многих языков этот вопрос является спорным (особенно для младописьменных языков, где традиция не играет роли). В частности, это спорный вопрос для языка типа чукотского — ср. чукотско (луораветланско)-русский словарь В. Г. Богораза, составленный по корневому принципу, и одноименный словарь Т. А. Молл и П. И. Инэнликэя, составленный по алфавитному принципу.

[64] См.: Н. Ф. Яковлев, *Математическая формула построения алфавита;* Л. И. Жирков, *Ко всем ли языкам применим латинский алфавит?* и др.

[65] Ср. В. В. Иванов, Ю. К. Лекомцев, *Проблемы структурной типологии,* стр. 9, 10.

ГЛАВА 2

ТИПОЛОГИЯ И ДРУГИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего мы остановимся на соотношении типологического и сравнительно-исторического языкознания. В соответствии с традицией мы будем рассматривать их как равноправные и независимые области лингвистического исследования; затем мы рассмотрим некоторые основания для включения сравнительно-исторического языкознания в типологическое.

При этом надо учитывать, что типологические методы во многом отталкиваются от компаративистских; увлечение типологией у многих лингвистов связано с критикой генетического метода (например, Н. С. Трубецкой [1]). Поэтому типологический и сравнительно-исторический методы часто противопоставляются.

Этим объясняется, что типология (во всяком случае на современном этапе) мало пользуется достижениями компаративистики. Однако в принципе «диахроническая типология» (типология данных диахронии) возможна, т. е. возможна результативная систематизация фактов диахронического развития языка. Такая типология может быть как неструктурной [в определенном выше смысле, т. е. не связанной никак со структурными (синхроническими) признаками [2]], так и структурной.

Например, можно исследовать, какие переходы (фонетические, грамматические и др.) и при каких структурных условиях возможны при изменении языка во времени, а какие —

---

[1] См. Н. С. Трубецкой, *Мысли об индоевропейской проблеме,* где генетические проблемы решаются типологическими методами: дается шесть структурных признаков, к которым сводится понятие «индоевропейский».

[2] Необходимо оговориться, что лингвистическое исследование вообще может относиться к типологии (по предмету) и быть структурным (по методу), но не принадлежать к «структурной типологии» (в том смысле, который был определен выше).

Некоторые примеры таких исследований приводятся далее (см. стр. 57; ср. также стр. 32).

невозможны[3]; можно также рассматривать тенденции развития языков (и языковых типов)[4].

Типология языковых изменений может изучаться как в плане алломорфизма, так и в плане изоморфизма[5]. В последнем случае делается попытка установить некоторые универсальные законы или тенденции языковой эволюции[6]; при этом речь может идти как о развитии отдельных явлений[7], так и о развитии языков (языковых систем) или типов языков[8]. «Нужно надеяться, что подлинное структурное исследование диахронического плана станет возможным, когда будут изучены типологически возможные способы связи двух систем во времени»[9].

---

[3] Ср., например, P. Passy, *Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux;* M. Grammont, *Traité de phonétique* и др.

[4] См., в частности: V. Tauli, *The structural tendencies of languages, I;* idem, *Trend of the structural change of. languages;* W. Mańczak, *Tendences générales du développement morphologique;* V. Skalička, *Vývoj české deklinace. Studie typologická,* и другие работы. Ср. также W. Cowgill, *A search for universals in Indo-European diachronic morphology,* где применяется методика морфологической классификации Дж. Гринберга (см. о ней ниже) на диахроническом материале индоевропейских языков. Некоторые вопросы эволюции языка в связи с типологией обсуждаются в работе: M. Pavlovič, *Principe de corrélation et typologie linguistique.*

О работах Е. Д. Поливанова в области фонологической и фонетической эволюции (установление общих тенденций и конкретных закономерностей перехода) см. В. В. Иванов, *Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова* (там же библиография).

[5] См. выше, стр. 17.

[6] См. H. M. Hoenigswald, *Are there universals of linguistic change?*

[7] Ряд конкретных диахронических универсалий (касающихся возможности и условий монофтонгизации дифтонгов) приводится в работе: T. Milewski, *Le problème des lois en linguistique générale.* Универсальные закономерности появления носовых фонем рассматриваются в работе: Ch. A. Ferguson, *Assumptions about nasals; a sample study in phonological universals.* В качестве примера диахронической универсалии можно, наконец, привести постулат о постоянной распада некоторого основного словарного фонда, лежащий в основе глоттохронологических исследований (ср. H. M. Hoenigswald, *Are there universals of linguistic change?,* p. 26; также А. Б. Долгопольский, *Сохраняемость лексики, универсалии и ареальная типология).*

О типологии фонологических изменений в онтогенезе см. R. Jakobson, *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze:* выдвигается тезис об изоморфизме развития в онтогенезе и филогенезе (ср. Р. Якобсон и М. Халле, *Фонология и ее отношение к фонетике,* стр. 263 и сл.).

[8] См., например: А. Мартине, *Принцип экономии в фонетических изменениях;* Н. С. Трубецкой, *Мысли об индоевропейской проблеме,* стр. 76—77; L. Tesnière, *Synthétisme et analytisme;* V. Tauli, *The structural tendencies of languages, I;* idem, *Trend of the structural change of languages.*

Мысль об общей тенденции развития языков лежит в основе типологических построений акад. Н. Я. Марра и его школы (см., например, И. И. Мещанинов, *Новое учение о языке. Стадиальная типология).*

[9] В. Н. Топоров [рец. на кн.]: *Z. Stieber. Rozwój fonologiczny języka polskiego; С. К. Шаумян, История системы дифференциальных элементов в польском языке,* стр. 233. Ср. М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева,

Важным направлением диахронического типологического исследования является изучение структурных моделей языка, инвариантных при диахронических преобразованиях. Значение таких исследований выходит за рамки диахронической типологии; очевидно, можно считать, что мы приближаемся здесь к исследованию панхронии языка (ср. ниже).

Э. Сепиром установлено, например, что общая фонологическая модель языка, т. е. система взаимопротивопоставленных в языке звуков, сохраняется дольше, чем фонетическое качество этих звуков — т. е. звуки меняются, но противопоставленность их другим звукам остается [10]. Это же верно и для других моделей языка (прежде всего для грамматической модели) [11]. В результате в структуре языка можно выделить очень устойчивый инвариант; на это, в частности, указывают и совпадения между операционными понятиями и построениями, принятыми в синхроническом описании языка, и фактами, известными из истории этого языка [12]. Действительно, «язык как средство передачи информации должен отвечать двум условиям: во-первых, сохранять уже имеющуюся ценную информацию во времени, стремясь к панхроническому существованию, и, во-вторых, обладать известными ресурсами для передачи совершенно новой информации, изменяясь во времени. И то и другое достигается в языке тем, что в нем имеется узкая малоподвижная система максимально стандартизованных единиц и широкая очень подвижная система, надстроенная над первой системой... Вследствие этого в системе языка постоянны изменения, которые, если не превосходят определенный диапазон, остаются в пределах данной системы; если же они переходят заданный системой порог, то образуется другое состояние той же системы» [13].

Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание,* стр. 10—11.

[10] См. E. Sapir, *Sound patterns in language,* pp. 33—45. (Сепир говорит о звуках, имея в виду по существу фонемы.)

[11] То же верно и для фольклора, где традиция передает не текст, а определенную устойчивую модель — ср. доклад В. В. Иванова «Сравнительное языкознание и сравнительное литературоведение» на совещании в Горьком в 1961 г. (см. И. И. Ревзин, *Совещание в г. Горьком, посвященное применению математических методов к изучению языка художественной литературы,* стр. 192).

Изучение подобных инвариантных (в диахроническом изменении) моделей представляет интерес вообще для диахронической семиотики.

[12] См. работы А. А. Зализняка: *О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией;* его же, *«Условное ударение» в русском словоизменении,* стр. 28—29; *Синхронное описание и внутренняя реконструкция.*

[13] См. М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание,* стр. 11; проводится аналогия между малой неизменяемой системой и надстроенной над ней большой изменчивой системой в работе мозга.

Мы рассмотрели вкратце возможности использования результатов сравнительно-исторического языкознания в типологических исследованиях; остановимся теперь на рассмотрении обратной проблемы. Не будет преувеличением утверждать, что методы типологии могут весьма много дать для исследования истории языков и во многом дополнить результаты сравнительно-исторического исследования [14].

В самом деле, как известно, сравнительно-исторический метод не восстанавливает системы языка, но дает лишь набор форм без указания об их соотношении. По всей вероятности, восстанавливаемые праформы принадлежат разным эпохам (чего не учитывал А. Шлейхер, когда писал басню на индоевропейском праязыке). В то же время типологические методы позволяют работать над синхронической системой восстанавливаемого языка и таким образом дают возможность по одним фактам предполагать другие (сопряженные с ними). Действительно, зная связь явлений (типологические законы), возможно по одному явлению предсказать другое. Так, данные типологии ставят под сомнение существование в праиндоевропейском звонких придыхательных согласных на том основании, что в реальных языках не находится такой системы противопоставлений, какая реконструируется в праиндоевропейском [15]. Точно так же общие типологические за-

---

[14] О необходимости применения типологического метода при сравнительно-историческом исследовании см. J. Vendryes, *La comparaison en linguistique*. Критическое обсуждение этой работы и осмысление ее в структурном плане см.: L. Hjelmslev, *La comparaison en linguistique structurale*.

Можно утверждать при этом, что отдельные типологические методы давно применяются в сравнительно-историческом языкознании. В частности, всегда используется типология групп родственных языков, например: если во всех (в большинстве) языках данной группы имеется определенная грамматическая категория, она записывается в праязык. (В этом смысле праязык представляет собой свод информации по типологии плана содержания данной группы языков.). Ср. D. H. Hymes, *Positional analysis of categories: a frame for reconstruction,* ср. также Г. А. Климов, *К типологической характеристике картвельских языков.*

[15] Действительно, ни в одном языке не имеется тройственное противопоставление глухих, звонких и звонких придыхательных (типа [t] — [d] — [dʰ]); в то же время вполне возможно противопоставление [t] — [d] — [dʰ] — [tʰ] (что соответствует младограмматической реконструкции системы согласных, предшествующей ларингальной теории; последняя, как известно, объяснила глухие придыхательные из сочетания глухих с ларингальным). Точно так же типологически нереально противопоставление придыхательной взрывной и сочетания этой взрывной с ларингальной (типа: [dʰ] — [dh]). Исходя из этих соображений, предлагается объяснять звонкие придыхательные также из сочетания с ларингальной; тогда можно по-новому истолковать и развитие индоевропейских диалектов. См.: R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics;* В. В. Иванов, *Типология и сравнительно-историческое языкознание,* стр. 37; ср. В. В. Иванов, *Об исследовании древнеармянской фонологической системы в ее отношении к индоевропейской.*

кономерности (нет языков без взрывных; если в языке противопоставлены взрывная и аффриката, в нем есть и фрикативная) заставляют отвергнуть и переосмыслить пранивхскую систему согласных в том виде, в каком она реконструировалась ранее [16]. Зная общие законы языка, мы можем заключить, что возможно и что невозможно в языке (и на основании этого делать отбор фактов, сопоставляя их с другими). Например, индоевропейский праязык удается реконструировать с одной гласной; однако предварительно надо доказать, что такое явление типологически возможно. На конкретном языковом материале была показана возможность существования языков с одной гласной фонемой (аранта, абазинский) [17]; это дает основания аналогично строить реконструкцию праязыка. На основании сравнения с данными неиндоевропейских языков в индоевропейском реконструируется эргативный строй предложения (см. работы Х. Уленбека, П. Кречмера, И. Кноблоха и др. [18]). Можно привести и другие примеры использования данных типологии для сравнительно-исторических исследований [19].

Любая гипотеза о фонетическом переходе лишь тогда, видимо, может считаться сколько-нибудь обоснованной (и, соответственно,

---

[16] Именно, отвергнуть гипотезу о том, что в пранивхском не было ни взрывных, ни фрикативных, а были только аффрикаты, которые позднее развились в фрикативные и взрывные (см. Е. А. Крейнович, *Фонетика нивхского (гиляцкого) языка*, стр. 70). Ср. R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics* (Concluding remarks); R. Jakobson, *Notes on Gilyak*, p. 278, где пранивхская система согласных реконструируется в соответствии с данными типологии.

[17] См.: С. Д. Кацнельсон, *К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы;* А. Н. Генко, *Абазинский язык*, стр. 20; W. S. Allen, *Structure and system in the Abaza verbal complex.*

[18] C. Uhlenbeck, *Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen*, SS. 170—171; P. Kretschmer, *Objektive Konjugation im Indogermanischen;* H. Schnorr von Carolsfeld, *Transitivum und Intransitivum;* J. Knobloch, *La voyelle thématique -e-/-o-, serait-elle un indice d'objet indo-européen?* (в последней работе особенно отчетливо выражен типологический подход). Структурную интерпретацию этой реконструкции см. A. Martinet, *Linguistique structurale et grammaire comparée*, pp. 13—16.

[19] См. прежде всего выводы Бенвениста о неличном характере 3-го лица в индоевропейском (E. Benveniste, *Structure des relations de personne dans le verbe*), работу Соммерфельта о несвойственности местоимений древнейшему языковому состоянию (A. Sommerfelt, *Quelques réflexions sur l'origine des pronoms indo-européens*), согласующуюся с данными онтогенеза и общетеоретическими выводами Якобсона (см. R. Jakobson, *Shifters, verbal categories, and the Russian verb*, pp. 2—3).

Об использовании типологических данных при исследовании картвельской этимологии см. Г. А. Климов, *Этимологический словарь картвельских языков*, стр. 10, 20, 40. О типологических предпосылках реконструкции пракартвельского корня (связь длины корня с общим количеством фонем в системе языка) см. В. В. Иванов, *Некоторые проблемы современной лингвистики*, стр. 177.

достойной рассмотрения), когда возможность такого перехода подтверждается аналогичными фактами других языков. Иначе говоря, мы предполагаем, что звук *X* восходит к звуку **Y (X<*Y)* только тогда, когда возможность перехода аналогичных звуков засвидетельствована в истории других языков. В противном случае мы пытаемся восстановить гипотетические состояния **X′, *X″... (X<*X′ <*X″...<*Y)* таким образом, чтобы каждый переход *(X<X′, X′<X″* и т. д.) соответствовал фактам лингвистической типологии.

Таким образом, данные типологии показывают возможность или невозможность той или иной реконструкции; разумеется, возможность некоторой реконструкции сама по себе не может являться доказательством ее правильности [20] (вместе с тем ее типологическая невозможность является достаточным доказательством ее неправильности); однако совпадение реконструируемой системы с типологически возможной (и тем более — с типологически распространенной) повышает и вероятность данной реконструкции [21]. Исследование типологической вероятности той или иной реконструкции становится особенно важным тогда, когда возможно несколько интерпретаций данного материала (т. е. возможны различные реконструкции, объясняющие данные факты), причем все интерпретации представляются одинаково достоверными [22].

Основное значение типологии для сравнительно-исторического языкознания заключается, следовательно, в верификации сравнительно-исторических исследований.

В то же время и сами данные типологии могут служить основанием реконструкции [23]. Например, если реконструируемая система приближается к одной из уже известных (т. е. типологически возможной), может оказаться целесообразным предположить некоторые свойства, которые имеют место в этой известной системе (или заполнить пустые клетки реконструируемой системы на основании такого сравнения). Такой подход предполагает типологическое сравнение не отдельных фактов, а целых систем [24]. Однако типология систем пока еще очень мало разработана.

---

[20] Ср. М. М. Гухман, *Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования,* стр. 54.

[21] Ср. В. В. Иванов, *Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии,* стр. 46 (данные типологии фонологических систем подтверждают вероятность предлагаемой фонологической интерпретации ларингальных).

Ср. также В. Н. Топоров, *О введении вероятности в языкознание.*

[22] При достаточной разработанности типологических методов можно будет, очевидно, исчислять типологическую вероятность той или иной системы (того или иного явления).

[23] Ср., например, упоминавшуюся уже дешифровку В. В. Шеворошкиным карийского языка (см. стр. 18, сн. 49).

[24] С этой точки зрения данные абхазо-адыгских языков сами по себе недостаточно показательны для реконструкции всего одной гласной фонемы в индоевропейском праязыке, так как консонантизм этих языков го-

Таким образом, данные типологии могут быть полезны для сравнительно-исторического языкознания прежде всего тогда, когда речь идет о реконструкции некоторой (общей или частной) синхронической системы. Менее очевидна возможность применения типологии (во всяком случае на современном этапе развития типологических методов) для решения вопроса о генетических связях языков [25].

В последнее время все чаще высказывается мнение о том, что для установления генетических связей одних типологических данных недостаточно: необходимо нахождение единиц, сходных в обоих планах — и в плане выражения, и в плане содержания [26] (причем основное значение имеют совпадения в плане выражения, которые должны быть подкреплены относительным сходством и в плане содержания). Иными словами, для установления генетических связей необходимо нахождение материально совпадающих единиц, притом обладающих аналогичной функцией.

В то же время типологические сопоставления представляют основной материал для установления вторичных языковых связей — прежде всего так называемых языковых союзов («Sprachbünde») [27]. Для установления языковых союзов необходимы и достаточны аналогии в структуре (т. е. в плане содержания) сравниваемых языков; вместе с тем тут не необходимы уже материальные совпадения (т. е. совпадения в плане выражения). Вообще, если два языка обнаруживают

раздо богаче консонантизма, реконструируемого в индоевропейском, и, таким образом, системы в целом не совпадают [ср. критику этой гипотезы в упоминавшемся докладе Якобсона (R. Jakobson, *Typological studies...*)].

Очевидно, более показательны в этом смысле данные аранта.

[25] Примеры типологического решения генетических проблем представляют работы Мейнгофа по африканским языкам (например, C. Meinhof, *Die Sprachen der Hamiten* и другие работы), Сепира — по североамериканским языкам (см. E. Sapir, *Central and North American languages)*, исследователей, объединяющих в одну семью («урало-алтайскую») финно-угорские и тюркские языки на основании их типологического сходства (см. прежде всего H. Winkler, *Das Uralaltaische und seine Gruppen* и другие работы того же автора). Критику типологического подхода к генетической классификации языков см.: Г. Глисон, *Введение в дескриптивную лингвистику,* стр. 449—450; J. H. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of language.*

[26] Ср. J. H. Greenbreg, *A quantitative approach to the morphological typology of language,* pp. 178—179. Ср. определение родственных языков В. В. Ивановым: «два языка называются родственными, если предшествующие состояния этих языков, восстановленные методом внутренней реконструкции, могут быть поставлены в одно-однозначное соответствие, сохраняющее отношение между планом выражения и планом содержания и между элементами структуры каждого из этих планов. Это возможно только в случае, если может быть построена система правил (алгоритм) перевода одной системы в другую» (В. В. Иванов, *Вероятностное определение лингвистического времени,* стр. 66).

[27] См. о них ниже (стр. 38).

большое совпадение в структуре плана содержания — такое, которое трудно было бы объяснить случайными или побочными причинами, — естественно предположить интерференцию этих языков [28]. Показателен в этом отношении пример кетско-селькупского языкового единства: кетский и селькупский языки, будучи генетически не связанными, обнаруживают большое сходство в структуре плана содержания (при материальных различиях в плане выражения), объясняемое их интерференцией [29]. (Ср. также классические примеры языковых союзов — например, балканский языковой союз [30].)

Выше мы говорили — в соответствии с установившейся традицией — о типологическом и сравнительно-историческом методах как о взаимно независимых методах лингвистического исследования. Между тем есть известные основания для вывода о том, что оба метода не совершенно независимы и что сравнительно-историческое языкознание может быть в принципе представлено как частный случай языкознания типологического (понимая последнее в самом широком смысле) [31].

В самом деле, структурно-типологический и сравнительно-исторический методы противопоставляются, очевидно, прежде всего постольку, поскольку вообще могут противопоставляться в языке синхрония и диахрония. Действительно, структурная типология в первую очередь связана с синхроническим описанием языка (что вытекает из понятия структуры) [32], а сравнительно-исторический метод — с диахроническим описанием языка. Но типология при этом может сравнивать структуры языков, различные во времени и пространстве. Тем самым в конечном итоге типология исследует панхронию, хотя и связана в исходе с синхронией; соответственно, предмет исследования типологии покрывает, очевидно, предмет исследования сравнительно-исторического языкознания.

---

[28] Об интерференции языков см. U. Weinreich, *Languages in contact* (результатом интерференции и может явиться языковой союз).

[29] См. В. Н. Топоров, *О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях.* Наибольшие совпадения предстают в системе склонения обоих языков, системе счета и некоторых других областях.

[30] См. Kr. Sandfeld, *Balkanfilologien. En oversigt over dens resultater og problemer;* также Т. В. Цивьян, *Имя существительное в балканских языках (к структурно-типологической характеристике балканского языкового союза).*

[31] См. М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание.* Ср. также W. S. Allen, *On the linguistic study of languages.*

[32] Структурная типология, по определению, связана с синхроническим состоянием языка, поскольку сравнение языков происходит по признакам, существенным с точки зрения структуры каждого данного языка (т. е. с точки зрения его синхронического состояния — см. данное выше определение).

Далее, сравнительно-историческое (генетическое) сравнение в известном смысле можно представить как типологию связей плана выражения и плана содержания (в разных языках)[33]. Заметим к этому, что некоторые лингвисты (прежде всего Э. Сепир, Дж. Гринберг) предлагают вообще выделять специальный символический уровень языка, анализирующий соотношение между формой и значением, в то время как остальные языковые уровни (например, фонологический, грамматический, семантический) рассматривают значение без формы или форму без значения[34]. Иными словами, на символическом уровне анализируются отношения между планом выражения и планом содержания в языке[35]. Если принять это деление, сравнительно-историческое языкознание можно, видимо, определить как символическую типологию (т. е. типологию на символическом уровне). Проблемы этой типологии могут исследоваться при этом как в плане изоморфизма, так и в плане алломорфизма. В первом случае исследуются так называемые символические универсалии, т. е. универсальные для всех языков связи между выражением и содержанием[36]. Пример символической типологии, решаемой в плане алломорфизма, представляет генетическая классификация языков; действительно, языки классифицируются в ней по признаку их различия на символическом уровне (т. е. по особенностям связи плана выражения и плана содержания)[37].

Представляется, однако, что понятие «структура языка» может быть применено лишь при одноплановом исследовании

---

[33] Выше говорилось уже, что для решения генетических проблем необходимо оперировать единицами, сходными в обоих этих планах.

[34] См. J. H. Greenberg, *The nature and uses of linguistic typologies*.

[35] Об адекватности противопоставлений «форма — значение» (у Блумфилда) и «план выражения — план содержания» (у Ельмслева) см. R. Wells [рец. на:] *Recherches structurales*, p. 555 sq.

[36] Пример символической универсалии (статистической): почти во всех языках обозначение матери содержит носовую согласную (см.: J. H. Greenberg, *The nature and uses of linguistic typologies*; J. H. Greenberg, Ch. Osgood, J. Jenkins, *Memorandum concerning language universals*, p. 260).

[37] Продолжая это рассуждение, сравнительно-историческое языкознание можно было бы охарактеризовать в принимаемых далее терминах как типологию, выделяющую типы без определения специфических признаков (см. ниже, стр. 46). В самом деле, остается неопределенным количество и качество признаков, необходимых и достаточных для отнесения языка к тому или иному генетическому классу (типу). В то же время, по определению, один язык не может принадлежать более чем одному генетическому классу.

Попытка интерпретировать сравнительно-историческое языкознание в виде «типологии признаков» представлена в цитированной работе Трубецкого (Н. С. Трубецкой, *Мысли об индоевропейской проблеме*).

(при описании отношений одноплановых явлений в языке) [38]. Тогда, даже если и понимать сравнительно-историческое языкознание как типологию, оно не будет представлять «структурную типологию» в том смысле, который был определен выше [39] (при том, что сравнительно-историческое исследование может быть структурным по используемой методике).

Вообще, на настоящем этапе исследования более продуктивным кажется узкое, специфицирующее понимание типологии. Вместе с тем существенно осознавать возможные пути сближения типологии с другими направлениями лингвистического исследования.

* * *

Рассмотрим соотношение типологического и дескриптивного методов.

Типологическое исследование языка, т. е. исследование языка в плане сравнения его со всеми другими языками, противостоит стремлению некоторых исследователей описать язык исключительно средствами данного языка. Последнее особенно характерно для представителей дескриптивной лингвистики, которые подчас возводили это стремление в методологический принцип.

Это противопоставление чувствовалось давно; оно ощущалось, в частности, уже основателем дескриптивной лингвистики Фр. Боасом. Ч. Вёгелин указывает на конфликт между «идеологией Боаса» (стремлением описать каждый язык, исходя из его духа) и «боасовским планом описания языков» (предлагающим универсальную схему для всех языков) [40]. Этот конфликт характерен и для глоссематиков. С одной стороны, они стремятся выдвинуть некоторые абсолютные методы, сделать утверждения, верные для любого языка; с другой стороны, им присуща тенденция описать язык наиболее простым путем: выбор методов может зависеть от целей описания, от описываемого материала — отсюда к одному языку

---

[38] Структура языка представляет собой, таким образом, модель языка на заданном уровне абстракции (отвлекающемся от специфики выражения или содержания). С этой точки зрения можно говорить, например, о «структуре плана выражения», «структуре плана содержания», «грамматической структуре», «фонологической структуре», но нельзя говорить (в том же смысле) о «структуре» совокупности знаков, рассмотренных в целом. Вообще, естественно говорить о различных с т р у к т у р н ы х уровнях языка, но о с и с т е м е языка в целом.

[39] Поскольку типология эта не будет типологией (одноплановых) структур (ср. выше, стр. 23, сн. 2).

[40] C. F. Voegelin, *The Boas plan for the presentation of American Indian languages,* pp. 439—451. Ср. R. Wells, *Archiving and language typology.*

может оказаться удобным приложить иные методы описания, чем к другому [41].

Соотношение типологического и дескриптивного методов в синхроническом языкознании аналогично соотношению сравнительно-исторического метода и метода внутренней реконструкции в диахроническом языкознании.

Каждый метод имеет свои преимущества и дополняет один другой. Можно утверждать, что в любом сколь-нибудь ценном типологическом исследовании происходят компромисс и использование обеих указанных тенденций. Действительно, типологическое сравнение предполагает предварительный анализ языка, выявляющий некоторые признаки, существенные для данного сравнения (выделение тех или иных признаков обусловливается целью сравнения); в противном случае происходит навязывание языку чуждых ему категорий или сравнение языков по несущественным признакам. В то же время типологическое сравнение предполагает некоторые единые методы для анализа любого языка; в противном случае происходит сравнение несоизмеримых единиц (что обесценивает результаты сравнения). По словам Р. О. Якобсона, «описание системы без таксономии, так же как таксономия без описания отдельных систем, есть простое противоречие в терминах; оба метода обусловливают друг друга» [42].

Характерно, что обе указанные тенденции последовательно сменяли друг друга в истории языкознания.

---

[41] См.: H. J. Uldall, *Outline of glossematics*, p. 23; E. Fischer-Jørgensen, *On the definition of phoneme categories on a distributional basis*, p. 11; B. Siertsma, *A study of glossematics;* ср. также Б. А. Успенский, *Лингвистическая жизнь Копенгагена,* стр. 149.

[42] R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, p. 18; ср. R. Jakobson, *Implications of language universals for linguistics*, p. 209.

ГЛАВА 3

МЕТОДЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвисты по-разному подходили к решению типологических задач. Целесообразно выделить ряд бинарных дифференциальных признаков, на основании которых возможна характеристика метода и направления каждого типологического исследования [1]. Вместе с тем критическое рассмотрение возможных решений позволит уточнить метод структурной типологии и сформулировать задачи конкретного анализа в данной работе.

Ниже приводятся семь самых общих дифференциальных признаков, существенных для характеристики направленности того или иного типологического исследования. Первые четыре признака характеризуют типологическое исследование по его предмету, остальные — по методу. Приводимый список является открытым и может быть в случае необходимости расширен и дополнен (при более детальной характеристике). В каждом случае дается оценка возможных решений, определяющая выбор и направленность нашего дальнейшего анализа [2].

---

[1] Таким образом строится типологическая классификация типологических исследований. Ср. опыт классификации типологий у Дж. Гринберга (J. H. Greenberg, *The nature and uses of linguistic typologies*), В. Скалички (V. Skalička, *O současném stavu typologie*, продолжение этой работы см. в статье того же автора: *Z nové typologické literatury*). См. также: P. Hartmann, *Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen*; Т. С. Шарадзенидзе, *Классификации языков и их принципы*.

Вообще о типологической классификации лингвистических исследований см. работы Я. Малкиля (Y. Malkiel, *A tentative typology of etymological studies*; idem, *A tentative typology of Romance historical grammars*; idem, *A typological classification of dictionaries on the basis of distinctive features*), И. А. Мельчука (И. А. Мельчук, *Автоматический анализ текстов*).

[2] См. «Основную часть» настоящей работы.

1. Сравниваются ли тексты или системы различных языков?[3]

Представители дескриптивной лингвистики эмпирически понимают язык как закрытый текст[4], принципиально отказываясь от выделения системного и случайного в языке. Существенность информации у них определяется выбором текста. Соответственно, типологическая характеристика с этой точки зрения может основываться на сопоставлении непосредственно текстов разных языков (а не их систем). Примером может служить морфологическая классификация Гринберга[5] (сам Гринберг определяет ее как «прагматическую»[6]).

Противопоставление «система — текст» по существу тождественно противопоставлению «язык — речь» («langue — parole»). В самом деле, под языком (langue) понимается некоторая внутренняя система, лежащая в основе каждого речевого акта (т. е. в основе каждого текста, явления parole). В терминах логики можно сказать, что langue есть метасистема по отношению к parole, т. е. некая система, через которую описывается parole, на фоне которой явления parole сами становятся системными[7].

Различение «системы и текста», «langue — parole», выявление системы языка (langue) и изучение текста (parole) только по отношению к системе (langue) являются опреде-

---

[3] Противопоставление «система — текст» в некоторых лингвистических работах выступает как синоним противопоставления «парадигматика — синтагматика». В настоящей работе данные понятия различаются.

«Парадигматика» и «синтагматика» понимаются нами далее в соответствии с глоссематическим определением этих терминов (см. L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*, § 11); о понятиях «система» и «текст» см. непосредственно ниже в тексте.

[4] Ср. H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description*, Ch. I. (Понятия «закрытый, открытый текст» пояснялись выше, см. стр. 10, сн. 4).

[5] См. J. H. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of language*. Некоторые дополнения к этой классификации см. в работах: F. W. Housholder, *First thoughts of syntactic indices;* И. И. Ревзин, *Модели языка*, стр. 59. Применение методики Гринберга к диахроническому материалу см. в работе: W. Cowgill, *A search for universals in Indo-European diachronic morphology*.

Классификация Гринберга строится, по замыслу автора, как продолжение классификации Сепира (см. Э. Сепир, *Язык*, гл. VI). Однако Сепир считает необходимым, прежде чем сравнивать языки, выявлять их структуру (см. об этом выше, стр. 10, сн. 5). Гринберг же отказывается от этого (см. C. F. Voegelin, A. K. Ramanujan, F. M. Voegelin, *Typology of density ranges I:introduction*, p. 198).

[6] См. J. H. Greenberg, *The nature and uses of linguistic typologies*, p. 72.

[7] Ср. В. В. Иванов, *Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины*, стр. 12.

Значение приставки «мета-» определяется далее.

ляющими признаками всякого структурного исследования [8]. (В то же время указанное разграничение может выступать в разных видах и под различными углами зрения в зависимости от направления и цели исследования [9].)

Таким образом, структурная типология по определению должна исходить из системного сравнения (т. е. из сравнения систем) [10]; в противном случае, как уже говорилось, возникает опасность сопоставления малоинформативных атомарных фактов [11].

При этом, анализируя язык, исследователь всегда имеет дело с конкретным текстом; если он стремится выявить си-

---

[8] С этой точки зрения работы представителей дескриптивной школы не являются структурными.

Вообще, как это часто отмечают, сближение дескриптивистов и структуралистов (под последними мы понимаем последователей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра) достаточно условно (грубо говоря, обе школы сближает интерес к синхроническому анализу, но разделяет разграничение «langue» и «parole»). См.: С. К. Шаумян, *Проблемы теоретической фонологии*, стр. 3—4; H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description*, p. 90 [Х. Спанг-Ханссен определяет структурную лингвистику через прогностический (гипотетический) аспект структурного анализа]; В. А. Звегинцев, *Дескриптивная лингвистика*.

Как отмечает Э. Косериу, дескриптивная лингвистика представляет лишь методику (технику) сравнения, тогда как европейский структурализм представляет собой «абстрактное теоретическое построение (гипотезу), которым определяется методика сравнения» (см. С. К. Шаумян, *Проблемы теоретической фонологии*, стр. 4); ср. также W. S. Allen, *On the linguistic study of languages*.

Понятно в то же время, что сама техника исследования, разрабатываемая дескриптивистами, может быть с успехом применена в структурном лингвистическом анализе.

[9] Ср. соответствующее различение «кода» и «сообщения» (например, в работах Р. О. Якобсона), обусловленное изучением языка методами теории информации; противопоставление «открытого» и «закрытого» текста (Х. Спанг-Ханссен), о котором уже говорилось выше (см. стр. 10, сн. 4). Указанному разделению в какой-то мере соответствуют, наконец, и различение ступени наблюдения и ступени конструктов (в работах С. К. Шаумяна; см., в частности, С. К. Шаумян, *Проблемы теоретической фонологии*), и разграничение «абстрактных» и «конкретных» единиц [«знаков-событий» («sign-events») и знаков-схем («sign-designs»)] (см., в частности, R. Carnap, *Introduction to semantics*, § 3; подробнее о последнем разграничении см. ниже).

[10] Возможно построение типологии, исходящей как из системы, так и из текста (например, сравнивающей языки по степени легкости перехода от текста к системе или наоборот). Примером является классификация Ч. Базелла (С. Е. Bazell, *Linguistic typology;* подробнее об этой классификации см. ниже).

[11] См. выше, стр. 10. Под единицами «langue», таким образом, понимаются такие, которые несут наибольшую информацию с точки зрения структуры данного языка (так сказать, с «внутренней», дескриптивной точки зрения). Естественно при «внешних», типологических сравнениях оперировать именно такими единицами.

«...Введение системы или частных подсистем в качестве основных типологических единиц сразу же ставит типологические исследования на

стему языка, он должен выдвинуть гипотезу о существенности или несущественности некоторых явлений, наблюдаемых в данном тексте (т. е. предположить, что какие-то явления, наблюдаемые в данном тексте, встретятся в любом тексте этого языка, а другие, напротив, случайны), и провести предварительный анализ текста (выявить и исключить из рассмотрения внесистемные явления); этот предварительный анализ предполагает некоторую для всех языков единообразную методику.

Таким образом, структурный анализ предполагает постановку гипотез и неизбежно связан с предварительным анализом текста [12].

2. Сравниваются все языки или же характеризуются отдельные языки (группы языков)?

Иначе говоря, вопрос сводится к следующему: имеет ли место индукция? Все типологические (в собственном смысле слова) построения исходят по необходимости из ограниченного ряда языков, однако индуктивно распространяют некоторые черты на все языки; далее выборочно проверяется, насколько правомерна эта индукция. Таким образом, в основе сравнения лежат в этом случае некоторые индуктивно представляемые общие типологические закономерности. Они имеются в виду независимо от количества языков, составляющих предмет сравнения — предполагается, что любой $n+1$-й язык уложится в данную схему. (В дедуктивных типологических построениях индуктивный анализ определяет исходную систему терминов и допущений.)

Нередко лингвисты отказываются от такой индукции: исходя из материала конкретных языков или какой-то группы языков (определенной заранее), они ограничиваются их характеристикой. В этом случае типологии противопоставляется «характерология» («characterology» — термин В. Мате-

---

надежный лингвистический фундамент, позволяя делать заключения, относящиеся к языку (langue), тогда как характерные для современной типологии приемы — вычисление отношений числа гласных к числу согласных в системе и в тексте, определение среднего числа фонем, приходящихся на слог, и слогов, приходящихся на слово, и т. п. — несмотря на их несомненный интерес, не относятся непосредственно к характеристике языка, хотя с соответствующими поправками и могут быть иногда интерпретированы в связи с языком» (М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание*, стр. 7).

[12] См.: H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description*, Ch. I, III; М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание*, стр. 7.

зиуса[13]) или «сопоставительное описание» («konfrontační lingvistika»)[14].

Можно условиться говорить о сопоставительном описании в том случае, когда сравниваются некоторые конкретные языки (например, русский и татарский), и о характерологии в общем случае — как тогда, когда сравниваются конкретные языки, так и тогда, когда сравниваются языки некоторой определенной группы, объединенные каким-то (не типологическим) признаком.

Характеризуемая группа языков может выделяться по разным основаниям: например по признакам географической общности (ср. «языковые союзы» Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона[15]) или по признакам исторической общности. Примером последних могут служить уже упоминавшиеся структурные признаки Н. С. Трубецкого, типологически определяющие индоевропейскую группу языков[16] (аналогичные попытки делались и в отношении других групп языков[17]). Э. Бенвенист показал, что эти шесть признаков не могут считаться опреде-

[13] V. Mathesius, *On linguistic characterology with illustrations from modern English.*

[14] V. Skalička, *Typologie a konfrontační lingvistika.*

К такому направлению принадлежат, в частности, лингвисты, продолжающие традицию Ф. Финка (Э. Леви, П. Гартман и др.) (см. об этом V. Skalička, *O současném stavu typologie,* s. 228).

См., например, работы: E. Lewy, *Der Bau der europäischen Sprachen* (ср. также другие работы этого автора); P. Hartmann, *Zur Typologie des Indogermanischen;* idem, *Zur Erforschung von Sprachtypen...,* S. 47—55; H. Wagner, *Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln. Ein Beitrag zur geographischen Typologie des Verbums* (ср. также рецензию В. Н. Топорова на последнюю работу).

К характерологическому направлению par excellence принадлежат и работы, посвященные типологическому (в широком смысле слова) исследованию диалектов. По указанной проблематике см. Т. М. Судник, С. М. Шур, *Диалектология и структурная типология* (там же библиография).

[15] См. R. Jakobson, *Über die phonologischen Sprachbünde;* Р. Якобсон, *К характеристике евразийского языкового союза.*

[16] Н. С. Трубецкой, *Мысли об индоевропейской проблеме.* Ср. отчасти также P. Hartmann, *Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen.*

Нам осталась недоступна работа: R. Jakobson, *The significant features of Indo-European.*

[17] См., в частности, N. Holmer, *Ibero-caucasian as a linguistic type,* p. 42, passim; выделяются шесть формальных (грамматических) признаков для характеристики иберо-кавказского языкового типа; к последнему автор, помимо кавказских и баскского языков, относит и шумерский язык. Заметим, что по типологическому критерию (которым пользуется автор) сюда в той же степени может быть отнесен кетский язык (ср.: O. Tailleur, *Un îlot basco-causasien en Sibérie: les langues iénisséinnes;* также Б. А. Успенский, *Замечания по типологии кетского языка):* кетский язык характеризуется всеми шестью признаками, выделенными Н. Холмером, по крайней мере в той же степени, в какой им характеризуются некоторые кавказские языки.

лением понятия «индоевропейский», причем показал это чисто типологическим методом: им найден явно не индоевропейский язык [язык такелма, группы пенути (шт. Орегон)], для которого подходят все шесть признаков [18].

Бенвенист считает, что невозможно дать исчерпывающую типологическую характеристику историческим понятиям [19]; по-видимому, это утверждение можно распространить вообще на все экстралингвистические понятия [20].

Итак, объект типологии в собственном смысле слова не предполагает ограничения какими-то определенными языками (хотя результаты ее и могут быть применены к какой-то ограниченной языковой группе).

Тут возможна следующая аналогия между внутриязыковым (интралингвистическим) и типологическим (интерлингвистическим) анализом. Анализируя язык, лингвист исходит (неизбежно) из некоторого конечного набора информации (закрытого текста [21]) и гипотетически делает заключение о характере произвольного — потенциально бесконечного — текста данного языка (открытого текста). Это выражается в гипотезе о том, что некоторые явления данного закрытого текста встретятся в любом тексте данного языка и что определенные явления, напротив, нехарактерны для других текстов [22].

Точно так же при типологических исследованиях мы исходим из какого-то конечного набора языков (закрытого материала). На основании анализа этих языков мы делаем гипотетическое заключение о характере произвольного ($n+1$-го) языка (открытого материала): мы гипотетически предполагаем, что некоторые закономерности, наблюдаемые нами в данных исследуемых языках, встретятся в любом языке, т. е. они универсальны (изоморфны), а некоторые — специфичны (алломорфны) [23].

---

[18] E. Benveniste, *La classification des langues*, pp. 41, 42.

Надо сказать, что и сам Трубецкой не считал наличие своих шести признаков достаточным для отнесения языка к индоевропейским; он говорит еще о неопределенном критерии достаточного числа лексических соответствий (Н. С. Трубецкой, *Мысли об индоевропейской проблеме*, стр. 70).

[19] E. Benveniste, *La classification des langues*, pp. 42, 43.

[20] Ср. принцип гомогенности в методике структурной лингвистики и вообще точных наук (см. далее, стр. 51).

[21] H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description*.

[22] Ibid.

[23] В противном случае либо не верна наша исходная гипотеза, либо систему, которая ей не удовлетворяет, мы не называем языком. Можно видеть, что большое значение при этом принадлежит мысленному эксперименту (т. е. проверке дедуктивной теории на некоторых априорных системах, а не на эмпирическом материале).

Продолжая указанную аналогию, можно заметить, что подобно тому как типологическая характеристика определенного **языка** предполагает предварительный внутренний (дескриптивный) анализ этого языка[24], аналогично типологическая характеристика определенной **группы** языков предполагает предварительное характерологическое (сопоставительное) изучение языков этой группы: т. е. предварительное выявление характерологически релевантных признаков данной группы, которые затем сравниваются с аналогичными (сопоставимыми) признаками различных других групп[25].

В этом случае характерологический анализ предшествует типологическому и имеет вспомогательное значение для типологии в собственном смысле слова.

3. Сравниваются ли языки в целом или в пределах какого-нибудь уровня?

Некоторые лингвисты работают над комплексной характеристикой языков или языковых групп (ср. опять же «характерологию» В. Матезиуса или типологическое определение генетических групп Н. С. Трубецким). Однако при комплексном сопоставлении разных языков можно найти, по-видимому, сколько угодно дифференциальных признаков; при этом признаки могут не исключать друг друга.

Для систематизации этих признаков при типологическом сравнении целесообразно разграничивать уровни языка[26].

---

[24] См. выше, стр. 33, 37.

[25] См. Э. А. Макаев, *Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика*, стр. 7.

[26] Существенно отметить, что традиционная морфологическая классификация по замыслу ее создателей не была, видимо, связана с каким-либо определенным уровнем языка (в частности, с морфологическим уровнем). «Морфологической эта классификация была названа по аналогии с классификациями таких отделов естественных наук, как, например, ботаника и зоология, поскольку она исходит из внешних форм, а не потому, что она особый интерес проявляет к грамматической морфологии. Ко времени возникновения термина «морфологическая классификация» соответствующий раздел грамматики назывался всеми и всюду не «морфология», а «этимология» (см. В. П. Старинин, *Структура семитского слова*, стр. 6, прим. 4).

Характерно что В. Гумбольдт, интерпретируя (в 1822 г.) классификацию А. Шлегеля и добавляя к ней четвертый тип (инкорпорирующих языков), характеризует этот тип в плане анализа способов образования предложения, а не слова (в то время как остальные три типа характеризуются в плане анализа способов образования слова) (см. В. фон Гумбольдт, *О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода*, стр. 282). Таким образом, данная классификация для Гумбольдта никак не связана только с морфологическим уровнем, а есть просто классификация языков по существенным признакам их строя. Аналогично понимал задачи данной классификации А. Шлейхер (видимо, именно со времени Шлейхера эта классификация и называется «морфологической»; см., в частности, его работу «Zur Morphologie der Sprache»; ср. вообще естественнонаучную направленность его лингвистической деятельности). Несвязанность морфологической классификации языков с морфологическим уровнем языка и,

Последовательное сравнение языков в целом (а не их грамматических, фонологических или других моделей) на настоящем этапе не представляется возможным, если речь идет о типологии в собственном смысле слова [27], а не о характерологии. Поэтому все усилия современных ученых направлены на сравнение языков в пределах одного какого-нибудь уровня — фонетики [28], фонологии [см. прежде всего классическую работу Н. С. Трубецкого [29]; исследования А. В. Исаченко [30] и следующих ему И. Крамского и П. Ковалева [31] по славянским языкам [32]; близкие к ним исследования Т. Милевского [33] по американским и другим языкам; работы Ч. Вёге-

---

в частности, возможность изучения синтаксических и фонологических моментов при данной классификации отчетливо осознавал еще Бодуэн де Куртенэ [см., например, раздел «Классификация языков» в «Подробной программе лекций в 1876/77 учебном году», стр. 103 и в «Подробной программе лекции в 1877/78 учебном году», стр. 116, а также статью *Заметки на полях сочинения В. В. Радлова* (ср. также немецкий вариант статьи: *Die Klassifikation der Sprachen*)]; Бодуэн де Куртенэ вообще называл данную классификацию «морфологической или структурной» (см. его работы: *Подробная программа лекций в 1877/78 учебном году,* стр. 116; *О задачах языкознания,* стр. 215; *Языкознание,* стр. 110).

Переосмысление же морфологической классификации как классификации, изучающей соответствующую область грамматики, относится, скорее всего, к Ф. Ф. Фортунатову (см. Ф. Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение* — А. А. Реформатский, устное сообщение). Это переосмысление сохраняется в последующих интерпретациях данной классификации (в том числе и в большинстве современных ее интерпретаций). В то же время морфологическую классификацию в общем смысле (как ее понимали ранее) стали называть «типологической».

[27] Т. е. типологии, исходящей из открытого материала (см. выше).

[28] См., в частности, В. В. Шеворошкин, *О структуре звуковых цепей.* Ср. отчасти также: C. A. Reinhold, *Zur phonetischen Typologie der Sprachen;* E. P. Hamp, *The interconnection of sound production, perception and phonemic typology.* О фонетических универсалиях см. Дж. Гринберг, *Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных.*

Заметим, что именно фонетическое, а не фонологическое описание может быть целесообразным прежде всего тогда, когда исследуются линейные (синтагматические) последовательности звуковых единиц и возможности их комбинаций (см. Дж. Гринберг, *Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных,* стр. 43; ср. E. Fischer-Jørgensen, *On the definition of phoneme categories on a distributional basis,* p. 14).

[29] Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии.*

[30] А. Исаченко, *Опыт типологического анализа славянских языков.*

[31] J. Krámský, *Fonologické využití samohláskových fonémat;* P. Kovalyv, *The problem of the typology of the Slavonic languages.*

[32] О пионерских исследованиях Бодуэна де Куртенэ в области фонологической типологии и о связи их с современными работами по славянским языкам см. В. В. Иванов, *И. А. Бодуэн де Куртенэ и типология славянских языков.*

[33] T. Milewski, *Phonological typology of American languages;* ср. также T. Milewski, *Comparaison des systèmes phonologiques des langues caucasiènnes et américaines.*

лина и его школы (также на материале американских языков)[34]; наконец, ряд работ, строящих фонологическую типологию в универсальных терминах дифференциальных фонологических признаков Якобсона — Фанта — Халле[35]; и другие работы[36]]; морфологии (например, упоминавшиеся уже классификации Э. Сепира[37] и Дж. Гринберга[38]; классификации К. Тогебю[39], В. Скалички[40]; наконец, современные интерпретации традиционной морфологической классификации[41]); синтаксиса (например, работы Ч. Базелла,

---

[34] См.: C. F. Voegelin, *Six statements for a phonemic inventory,* T. Yegerlehner, C. F. Voegelin, *Frequences and inventaries of phonemes from nine languages* (иллюстрация конкретного применения принципов, предложенных в предыдущей работе); J. C. Pierce, *A statistical study of consonants in New World languages.* Ср. также H. Wolff, *Subsystem typologies and area linguistics* (на материале африканских языков).

[35] E. Stankiewicz, *Towards a phonemic typology of the Slavic languages;* М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур, *Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков* и близкая по методике работа: Т. Я. Елизаренкова, *К типологии фонологических систем некоторых новоиндийских языков;* также A. Avram, *Sur la typologie phonologique quantitative.*

[36] На современном этапе выделяются вообще два больших направления в построении фонологической типологии: 1) типологическое описание на уровне некоторых дифференциальных фонологических признаков (например, Якобсона — Фанта — Халле, см. выше); 2) типологическое описание на уровне самих фонем, причем выделяются некоторые общие (первичные) и специфические (вторичные) фонемы (сюда относятся работы школы Вёгелина, Милевского, Скалички).

[37] Э. Сепир, *Язык;* критическое рассмотрение см., в частности, в упоминавшихся работах Дж. Гринберга и Э. Бенвениста (J. H. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of languages;* E. Benveniste, *La classification des langues).*

[38] J. H. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of languages;* как указывалось, Гринберг считает свой метод продолжением метода Сепира.

[39] K. Togeby, *Structure immanente de la langue française.*

[40] См. V. Skalička, *Zur ungarischen Grammatik,* V. Skalička, *Typ češtiny* и другие работы этого автора. Критический разбор типологии Скалички (по изложению ее в ранних работах) см. L'Novák, *Základná jednotka gramatického systému a jazyková typologia.*

[41] См. о них П. С. Кузнецов, *Морфологическая классификация языков;* ср. также H. F. Wendt, *Sprachen,* где различные языки последовательно характеризуются в терминах одной из таких интерпретаций.

Как говорилось, в современных интерпретациях морфологической классификации обычно считается необходимым рассмотрение языков на морфологическом уровне (что, между тем, не было необходимо в самой классификации Шлегеля — Гумбольдта — Шлейхера, см. выше). В то же время и в них нередко наблюдается смешение уровней анализа. Среди критериев выделения языковых типов могут быть морфонологические (например, изменения на стыке морф как признак флективности), собственно морфологические (возможные типы структуры слова как признаки того или иного языкового типа), синтаксические (например, инкорпорации и аналитичность как признаки соответствующих типов). Ср. П. С. Кузнецов, *Морфологическая классификация языков,* стр. 25.

И. И. Мещанинова и др.[42]); грамматики в целом (без различения морфологического и синтаксического уровня — например, недавняя работа Ч. Базелла[43]); лексики[44] и т. д.[45].

---

[42] Эмпирически можно выделить следующие направления в построении синтаксической типологии.

I. Работы, основывающиеся на использовании членов предложения (или близких понятий) как универсальных категорий; при этом члены предложения определяются семантически, логически или не определяются вовсе. Сюда относятся, в частности, работы Ч. Базелла (C. E. Bazell, *Syntactic relations and linguistic typology)*, Т. Милевского (T. Milewski, *La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amerique du Nord;* idem, *Typologia syntaktyczna języków amerykańskich;* idem, *Typology of American Indian languages)*, И. И. Мещанинова (И. И. Мещанинов, *Новое учение о языке;* его же, *Типологические сопоставления и типология систем;* его же, *Различные виды классификации языкового материала;* его же. *Структура предложения*).

См. в этой связи принципиальные возражения Ельмслева против такого подхода (L. Hjelmslev, *Principes de grammaire générale)*.

II. Работы, ориентированные на определенные (синтаксические) трансформации (последние используются в качестве универсального эталона при типологическом сравнении). См., например: R. Růžička, *Zur syntaktischen Typologie moderner slavischer Literatursprachen;* C. F. Voegelin, *Typology of density ranges II: contrastive and non-contrastive syntax* [опыт практического применения методики Ч. Вёгелина для характеристики конкретного языка излагается в работе: B. R. Moore, *A statistical morpho-syntactic typology study of Colorado (Chibcha)*]; Б. А. Успенский, *Опыт трансформационного исследования синтаксической типологии.*

См. также С. К. Шаумян и П. А. Соболева, *Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке* (Заключение).

III. Работы, экстраполирующие на синтаксический материал квантитативную методику Гринберга (соответственно ее переформулируя). См., например, F. W. Housholder, *First thoughts of syntactic indices.*

[43] C. E. Bazell, *Linguistic typology;* ср. рецензию Л. Згусты (L. Zgusta) на эту работу.

[44] Лексическая типология разработана весьма мало. Обыкновенно лексические сравнения сводят к сравнению систем числительных, терминов родства, цвета, пространства, заимствований, образованию терминов (ср. программу такого рода исследований в статье: R. S. Wells, *Archiving and language typology)*. Такая типология представляет собой типологию языковых явлений, а не систем языков (см. ниже, стр. 45).

Более всего лексическая типология разрабатывалась, как кажется, в славянском языкознании (см., например: А. В. Исаченко, *К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков;* Н. И. Толстой, *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава)*. Из работ общего характера см. S. Ullmann, *Descriptive semantics and linguistic typology*; имеются конкретные исследования, написанные в плане данной работы (например: I. Stan, *Problems of linguistic typology);* см. также C. F. Voegelin, *Subsystem typology in linguistics* и другие работы этого автора.

О лексических и семантических универсалиях см. (в плане общей постановки вопроса): S. Ullmann, *Semantic universals;* U. Weinreich, *On the semantic structure of language;* Ch. E. Osgood, *Language universals and psycholinguistics;* А. Е. Супрун, *Семантические универсалии и семантические множители.*

[45] Иногда исследуется типология явлений, связывающих два каких-нибудь языковых уровня — например типологическое исследование фоноло-

Однако в принципе, вероятно, возможно и комплексное сравнение языков. Такое сравнение окажется очень продуктивным, если будет экспериментально доказана гипотеза о равновесии между простотой одних и сложностью других частей языковой системы (гласные — согласные, склонение — спряжение, грамматический строй — словарный состав и т. д.). Эта гипотеза высказывалась такими лингвистами, как А. Мейе, В. Брёндаль, Л. В. Щерба, Н. Ф. Яковлев [46]. В настоящее время высказывается и гипотеза о соотношении между разными уровнями одного языка [47].

Но подтверждение этих гипотез требует предварительной разработки методов структурной типологии. Необходимой же

гической структуры слова в работах П. Менцерата и В. Мейер-Эпплера (см.: P. Menzerath, W. Meyer-Eppler, *Sprachtypologische Untersuchungen*; P. Menzerath, *Typology of languages;* ср. рецензию И. И. Ревзина на эти и другие работы данных авторов — см. И. И. Ревзин, *О типологических работах П. Менцерата и В. Мейер-Эпплера)*. Ср. Т. Милевский, *Предпосылки типологического языкознания.*

[46] См., в частности: П. Сгалл, П. Новак, *Пражская типология и модели языка;* Л. В. Щерба, *Очередные проблемы языковедения.*

Ср. также: И. Леков, *Насоки в развоя на фонологичните системи на славянските езици; A. Issatchenko, Tense and auxiliany verbs with special reference to Slavic languages.*

[47] См., например, Р. О. Якобсон, *Морфологические наблюдения над славянским склонением.*

В указанных работах П. Менцерата и В. Мейер-Эпплера показывается связь между длиной слова и структурой слога в языке (с удлинением слова уменьшается отношение числа фонем в слове к числу слогов в нем); существует также связь между односложностью слова в языке и наличием в нем музыкального ударения (см. В. В. Иванов, *Некоторые проблемы современной лингвистики,* стр. 176). Данные большого количества языков позволяют говорить об обратно пропорциональной зависимости между количеством фонем в системе языка и средней длиной морфемы в этом языке (см.: Ch. F. Hockett, *A course in modern linguistics,* p. 93; О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина, *О точных методах исследования языка.* стр. 134; Т. Милевский кладет это положение в основу своей классификации языков — см. Т. Милевский, *Предпосылки типологического языкознания)*. См. также М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур, *Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков,* стр. 424 (связь строения морфемы, слога и слова в языке) и — в более общем плане — Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка* (рассматривается связь аналитического или синтетического строя языка, порядка слов в нем, места ударения в слове и фонологической специфики этого языка).

Некоторые случаи связи между фонетической структурой слова и способами выражения в нем грамматических значений иллюстрируются в работе В. Скалички «Typologie slovanských jazyků, zvláště ruštiny» (ср. рецензию И. И. Ревзина — И. И. Ревзин, [рец. на кн.:] *V. Skalička, Vývoj jazyka,* стр. 240—241). В другой его работе (V. Skalička, *Vývoj české deklinace. Studie typologická*) рассматривается зависимость между фонологической и грамматической эволюцией языка.

В большинстве случаев, как кажется, связи между уровнями носят вероятностный, но не необходимый характер (и, соответственно, комплексная типология всего языка в целом может быть, видимо, лишь вероятностной, а не структурной — см. ниже).

предпосылкой последнего является, очевидно, четкое разграничение уровней анализа и независимые типологические исследования на разных уровнях.

4. Сравниваются ли общие системы языков или частные системы определенных явлений в языках?

Типологическое исследование может характеризовать непосредственно языки (например, сравнивать системы разных языков на некотором уровне) или же ограничиться характеристикой какого-то отдельного явления в разных языках (т. е. ограничиться сравнением некоторой, заранее определенной подсистемы языка [48]). В последнем случае рассмотрение этого явления может быть ограничено как синтагматикой, так и парадигматикой языка (т. е. из общей системы языка могут выделяться некоторые подсистемы путем парадигматических или синтагматических ограничений) [49].

Примеры типологического изучения парадигматически ограниченных явлений языка на грамматическом уровне представляют различные исследования по типологии категорий, например по типологии рода (именных классов), падежа [50] и других категорий; также работы по типологии артикля [51], вообще указательных слов [52], числительных [53] и т. д.

Примерами типологического исследования синтагматически ограниченных явлений языка на грамматическом уровне могут служить работа Бенвениста по типологии придаточных предложений [54], исследования Ельмслева и Бенвениста по типологии именных фраз [55], различные исследования по типологии эргативной конструкции и др.

---

[48] Внесистемное сопоставление явлений разных языков можно признать бессодержательным.

[49] Типологическое исследование языка рассчитано на характеристику некоторого произвольного текста данного языка (на определенном уровне абстракции). В то же время типологическое исследование явления в языке рассчитано на характеристику некоторого заранее определенного (по заданным признакам) языкового материала.

[50] См., например, типологическое исследование этих категорий в работах Л. Ельмслева: L. Hjelmslev, *Animé et inanimé, personnel et non-personnel;* idem, *La catégorie des cas,* I—II. Ср. также многочисленные характерологические исследования этих (и других) категорий.

[51] См., в частности, И. Крамский, *К проблеме артикля.*

[52] См., в частности: H. Frei, *Systèmes de déictiques;* H. Frei, *Interrogatif en indéfini;* W. Schmidt, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde,* S. 327—334.

[53] См., например: Z. Salzmann, *A method for analyzing numerical systems;* W. Schmidt, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde,* SS. 357 sq.

[54] E. Benveniste, *La phrase rélative, problème de syntaxe générale.*

[55] L. Hjelmslev, *Le verbe et la phrase nominale;* E. Benveniste, *La phrase nominale en indo-européen.*

Надо сказать, что типология структурных языковых явлений часто (хотя и не обязательно) имплицитно предполагает некоторую общую типологию самих языков. Успех типологии отдельных явлений, релевантность выбираемых критериев могут зависеть именно от того, насколько хорошо исследователь представляет общую типологию и возможные границы данного явления в языке. При этом типологическая характеристика определенного явления в языке сама по себе не обусловливает типологическую характеристику языка; но полная типологическая характеристика языка может обусловливать и характеристику отдельных явлений в нем.

Тем самым структурная типология прежде всего должна, видимо, заниматься сравнением самих языков (языков в целом). Сравнение отдельных языковых явлений предстает как дополнительная (и более частная) задача [56].

5. Что является основанием типологической характеристики языка: соотнесенность его с некоторым языковым типом или же наличие в нем определенных признаков?

Старый классификаторский подход характеризует языки по соответствию их некоторым языковым типам, не выделяя эксплицитно признаки, определяющие тот или иной тип [57]. Так характеризуют языки классификации Шлегеля, Гумбольдта, Штейнталя [58], Мистели [59], Финка [60]. Они исходят из некоторых определенных языков или языковых групп как представителей данных типов; остальные языки характеризуются по соответствию этим типам и обычно описываются как переходные случаи [61]. Иными словами, данные классификации исходят из связи разнородных признаков в некотором языковом типе (и соответственно в типичном языке) [62]; при

[56] В принципе эта задача, возможно, может решаться и независимо от общей типологической теории, однако решение ее безусловно выигрывает от связи с общей типологией языков.

[57] Такой подход может применяться для типологической характеристики как языков, так и отдельных явлений (например, эргативной конструкции).

[58] H. Steinthal, *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues* (первоначальный вариант этой работы см. H. Steinthal, *Die Klassifikation der Sprachen, dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee*).

[59] F. Misteli, *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues.*

[60] F. N. Finck: *Die Klassifikation der Sprachen;* F. N. Finck, *Die Haupttypen des Sprachbaues.* Дополнения к последней классификации см. E. Lewy, *Apriorische Konstruktion der Sprachtypen.*

[61] Ср. Э. Сепир, *Язык,* стр. 96.

[62] См. P. Hartmann, *Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen,* S. 43. — Классификации XIX в. исходили, в частности, из

этом подобная связь, вообще говоря, не является необходимой (хотя и может быть статистически вероятной [63]). Можно говорить лишь о степени соответствия данного языка данному типу, причем методы измерения этой степени соответствия не определяются. Таким образом, не получается дискретного деления: один и тот же язык может быть в какой-то степени агглютинативным, в какой-то — флективным и т. д. [64].

При этом признаки того или иного типа могут относиться к разным уровням языка. Тем самым неразличение уровней языка в традиционных типологических исследованиях [65] прямо связано с общеметодологической направленностью этих исследований (соотнесением с типами без эксплицитного выделения признаков). С этим же отчасти связан, как можно будет видеть далее, вероятностный (статистический), а не структурный характер этих исследований.

Принципиальная возможность различных интерпретаций при описанном подходе обусловливает необходимость четкого и эксплицитного выделения признаков типологической характеристики; на основании наличия тех или иных признаков могут характеризоваться как языки (Сепир, Гринберг), так и языковые типы (Скаличка, различные современные интерпретации традиционной морфологической классификации) [66].

Заслуга Сепира в том, что он ввел координаты в классификацию языков, характеризуя языки сразу по нескольким признакам, относящимся к различным основаниям сравнения. Очевидно, что чем больше оснований сравнения (координат), тем подробнее типологическая характеристика.

Такое «координатное» сравнение языков представляется всецело необходимым, поскольку язык не одномерен [67] — для его описания нужны минимум две координаты (ср. синтагматическая и парадигматическая оси).

предположения о том, что некоторые морфосинтаксические черты данного языка служат признаком типа всего языка и, таким образом, достаточны для его характеристики (см. C. F. Voegelin, A. K. Ramanujan, F. M. Voegelin, *Typology of density ranges I*, p. 198).

[63] Ср., например, связь сингармонизма гласных и агглютинации в языке (см. Г. П. Мельников, *О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту*, там же библиография по данному вопросу); связь аморфности языка, его односложности и наличия в нем системы тонов; связь полисинтетизма языка, однофонемности глагольного корня в нем и наличия в нем системы родов (именных классов) (см. Б. А. Успенский, *Замечания по типологии кетского языка*, стр. 147, сн. 12, стр. 149, сн. 17); и т. п.

[64] Методологические принципы классификаций XIX в. подробно разбираются у П. Гартмана (P. Hartmann, *Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen*).

[65] См. об этом стр. 40, сн. 26.

[66] Ср. М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание*, стр. 7.

[67] Ср. В. В. Иванов, *n-мерное пространство языка*.

Поэтому, если характеризовать языки по одному какому-нибудь принципу (т. е. в одном измерении), в результате характеризуются не языки, но одномерные конструкции. Как отмечает Дж. Гринберг, типологические классификации обычно определяют не языки, а конструкции, характерные для языка [68]. Далее приходится определять характерность данной конструкции для структуры языка (например, статистическим подсчетом) или же вводить другие (дополнительные) основания сравнения, т. е. производить типологическое сравнение по нескольким признакам (что означает введение координат). Так может быть достигнуто матричное типологическое описание («скользящая» классификация [69]).

Представляется возможным показать вообще, что старое классификаторское понимание типа (не опирающееся на определение соответствующих признаков) может быть оправдано лишь при одномерном сравнении (иначе говоря, при одновопросной матричной анкете).

Старый классификаторский подход (выделяющий типы, но не признаки) может быть в принципе оправдан, если оценивать типологическую характеристику по количеству следующих из нее универсалий (универсальных соотношений): из двух типологий более ценной считается тогда та, из которой следует большее количество универсальных соотношений [70]. «Предпочтительнее за основу сравнения брать такие черты, выбор которых влечет за собой максимальное число других черт языка» [71]. Такой подход основывается, как можно видеть, на необходимой связи некоторых признаков [72]. Очевидно, что для того, чтобы показать такую связь, необходимо прежде предельно четко разграничить критерии сравнения в типологии и выделить различные типологические признаки [73].

---

[68] J. H. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of language*, p. 182.

[69] См. И. А. Мельчук, *Автоматический анализ текста*, стр. 485.

[70] Ср. S. Saporta, *Phoneme distribution and language universals*, pp. 48, 49; также Б. А. Успенский [рец. на кн.:] «Universals of language», стр. 115.

[71] В. В. Иванов, Ю. К. Лекомцев, *Проблемы структурной типологии*, стр. 8.

[72] Ср. в этой связи работы, исследующие обусловленность различных видов сигналов слова в языке типом данного языка, например: Г. П. Мельников, *Морфологический строй языка и способы словоразграничения;* Г. П. Мельников, *О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту.*

[73] Различные типологические признаки можно фиксировать в виде изоглосс, сближая таким образом проблематику типологической и ареальной лингвистики (см., в частности, P. Hartmann, *Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen* [употребляется термин «изотипы» («Isotypen»)]. Эта проблема в широком плане ставится также в работе: R. Jakobson, *Implications of language universals for linguistics*, p. 217 (предлагается картографировать дифференциальные признаки, грамматические понятия, способы выражения и т. д.). Один из немногочисленных результатов в этой области — исследование Н. С. Трубецкого по локализации именного склонения в языках мира — излагается в работе Р. О. Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза».

6. В каком виде дается информация о языке — в виде утверждений или в виде чисел (т. е. в виде качественных или количественных показателей)?

Мы получаем типологическую характеристику языка, задавая определенные вопросы о его структуре. Ответы на эти вопросы могут быть двоякого рода: «да — нет» или же в числовых величинах. В результате мы имеем дело с квалитативной или квантитативной типологией.

Количественным путем можно определить как степень участия какого-нибудь признака в структуре языка, так и степень соответствия анализируемого языка какому-нибудь типу.

Эту степень можно выразить общими словами (см. классификацию Сепира) или в числовых величинах (ср. классификацию Гринберга) [74].

Однако необходимо помнить, что статистика невозможна без теории (прежде чем считать, надо определить, что́ считать). В то же время статистики (в тайной или явной форме) трудно избежать [75]. Можно указать, в частности, что всюду, где происходит интерпретация определенной абстрактной модели на конкретном материале (т. е. переход от определений модели к применению этих определений для анализа реального языка), неизбежно появляются статистические критерии [76]. В то же время сама абстрактная модель может строиться нестатистическими методами (хотя в конечном итоге и отражает, возможно, некоторую интуитивную статистику [77]).

---

[74] Примерами квантитативной типологии могут также служить упоминавшиеся уже работы: P. Menzerath, W. Meyer-Eppler, *Sprachtypologische Untersuchungen;* P. Menzerath, *Typology of languages;* T. Yegerlehner, C. F. Voegelin, *Frequences and inventaries of phonemes from nine languages;* J. C. Pierce, *A statistical study of consonants in New World languages;* T. Milewski, *Phonological typology of American languages*; А. Исаченко, *Опыт типологического анализа славянских языков,* J. Krámský, *Fonologické využití samohláskových fonémat;* A Avram, *Sur la typologie phonologique quantitative.* См. также J. Krámský, *A quantitative typology of languages* и другие работы.

О возможностях привлечения электронной вычислительной машины для получения статистических типологических данных см.: J. C. Pierce, *Possible electronic computations of typological indices for linguistic structures;* H. Kučera, *Statistical determination of isotopy.*

О квантитативной типологии в общем плане см. также: S. Saporta, *Methodological considerations regarding a statistical approach to typologies.*

[75] «Почти любая лингвистическая работа использует (хотя часто и помимо сознания автора) статистические методы потому, что в языке есть явления редкие и частые, и без выделения частых явлений невозможны какие-либо лингвистические выводы» (Р. Л. Добрушин, *Математические методы в лингвистике,* стр. 42).

[76] И. И. Ревзин, *Модели языка,* стр. 16.

[77] Неявная статистика используется обычно при формулировании допущений в структурных лингвистических исследованиях.

Таким образом, можно принять положение о том, что «описание системы языка (кода) как таковой может быть дано методами математической логики и теории множеств без помощи вероятностей. Но вероятностный анализ оказывается необходимым для исследования текста (сообщения) в его отношении к системе (коду)» [78]. Иными словами, язык как предмет структурной лингвистики — это язык, обладающий нестатистической структурой; в то же время язык функционирует через речь, для которой характерна статистическая структура [79]. В упоминавшейся работе Х. Спанг-Ханссена показывается, что из эмпирически полученных количественных данных всегда может быть установлена структура языка в виде качественных показателей [80].

Из всего сказанного следует возможность и целесообразность построения структурной типологии неквантитативными методами [81].

7. Опирается ли данное типологическое исследование только на лингвистический анализ или на некоторые экстралингвистические предпосылки?

Иногда в основе типологического исследования лежит некоторая экстралингвистическая предпосылка (например, культурного или экономического развития общества, психологическая и др.) [82]. Ср. стадиальную типологию акад. Н. Я. Марра [83], типологию Я. ван Гиннекена [84], отчасти клас-

---

[78] В. В. Иванов, *Языкознание и математика,* стр. 8.

[79] См. С. К. Шаумян, Предисловие к сб. «Проблемы структурной лингвистики». Из аналогичного положения исходят и в глоссематике (призыв основываться на теории неколичественных функций — см., например, H. J. Uldall, *Outline of glossematics,* p. 18).

[80] H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description,* pp. 87—89. Ср. также гл. 1 работы Спанг-Ханссена, где различаются «ideal rule» (нестатистическое правило) и «general rule» (статистическое правило).

[81] По мнению Р. О. Якобсона, статические вероятностные законы характеризуют всякого рода переходы структурных (статических) состояний (в том числе и изменения во времени).

Из этого следует вероятностный, статистический характер диахронической типологии, но нестатистический характер типологии «статической» — см. R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics;* см. там же об аналогиях с квантовой механикой: «квантовая механика (и ...современная структурная лингвистика) морфологически детерминистична, тогда как временные процессы, переходы между стационарными состояниями регулируются статистическими законами вероятности» (стр. 22).

[82] Ср. V. Skalička, *Sur les langues polysynthétiques,* p. 12.

[83] См. И. И. Мещанинов, *Новое учение о языке,* гл. III.

[84] J. van Ginneken: *La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité;* idem, *Ein neuer Versuch zur Typologie der älteren Sprachstrukturen.*

сификации Штейнталя, Мистели, Финка[85] и некоторые другие исследования.

Структурную лингвистику (и вообще точные науки) характеризует принцип гомогенности: «в рамках данной теории научное объяснение не может строиться на фактах, лежащих за пределами ее предмета»[86]. Таким образом, структурная типологическая теория по определению должна исходить только из анализа лингвистических фактов. Это не исключает, однако, возможности различных нелингвистических интерпретаций ее результатов[87].

* * *

При построении типологии имеют место некоторые требования, не зависящие от направления и методов исследования (мы рассматриваем далее эти требования применительно к структурному типологическому исследованию).

Обязательным требованием для любого типологического исследования является максимальное уточнение системы терминов и допущений.

Как было сказано[88], всякая типология первоначально исходит из некой индукции: некоторые особенности ряда языков индуктивно распространяются на все языки. При таком распространении термины, ясные в отношении отдельных языков, теряют свою определенность. Тем самым обесцениваются и сами типологические построения.

Нечеткость терминологии является едва ли не основным недостатком большинства морфологических классификаций (в том числе и современных их интерпретаций). Неопределенными остаются такие основные понятия, как «слово», «предлог» («послелог»), «аффикс» (различие последних не всегда очевидно), «инкорпорация» и др.[89].

---

[85] О неформальной, «семантической» направленности типологических изысканий В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, В. Винклера, Ф. Финка, связанных с нерасчленением собственно лингвистических, психологических и других данных, см., в частности, P. Hartmann, *Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen,* SS. 34, 54, Ср. А. В. Исаченко, *Опыт типологического анализа славянских языков,* стр. 106.

Критику эволюционного и оценочного аспекта в типологической теории см. у Сепира (Э. Сепир, *Язык,* гл. VI).

[86] С. К. Шаумян, *О сущности структурной лингвистики,* стр. 44—46. Ср. Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии,* стр. 292; L. Bloomfield, *Language.*

[87] Ср. А. А. Холодович, *Из истории типологии.*

[88] См. стр. 37.

[89] Заметим, что в современных интерпретациях традиционной морфологической классификации (рассматривающих морфологический уровень языков — см. стр. 42, сн. 41) неясны сами границы «морфологии». Эти границы, вообще говоря, могут существенно меняться от языка к языку (определяясь типологическими особенностями рассматриваемых языков).

Прежде чем строить типологию, необходимо определить термины. Это невозможно сделать без некоторых допущений [90]. Отсутствие допущений неизбежно ведет к порочному кругу, когда термины определяются сами через себя. Четкое выделение аксиоматики, которая вообще имеет место в любом структурном лингвистическом исследовании [91] (так, принимается, например, что мы знаем рассматриваемый язык: в частности, что определенные явления, наблюдаемые в конкретном тексте, встретятся в любом тексте данного языка; при анализе одного языкового уровня принимается, что как-то решены проблемы иных уровней и т. д.), представляется особенно существенным при типологическом структурном исследовании.

При определении терминов целесообразно различать а б с т р а к т н ы е единицы [т. е. единицы в системе, «единицы-схемы» («sign-designs»)] и к о н к р е т н ы е единицы [единицы в тексте, «единицы-события» («sign-events»)] [92]. При этом в типологии, сравнивающей системы, а не тексты разных языков (см. выше), необходимо исходить в первую очередь из абстрактных единиц (единиц в системе, а не в тексте).

При построении типологии необходимо выбрать некоторую основную е д и н и ц у с о о т н о ш е н и я, определив ее таким образом, чтобы наглядным было ее присутствие во всех языках. Такой единицей для грамматического уровня может быть морфема, слово, синтагма и т. д. — при соответствующем определении [93].

М о р ф е м а, пожалуй, наиболее часто предлагается представителями разных направлений современной лингвистики в качестве единицы соотношения, исходной для построения грамматической ти-

---

[90] О сводимости друг к другу системы аксиом (допущений) и системы исходных понятий (терминов) см. П. К. Рашевский, *Геометрия и ее аксиоматика*, стр. 82: систему аксиом можно считать косвенным определением исходных понятий. Ср. L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*, § 8; также Б. А. Успенский, *Лингвистическая жизнь Копенгагена*, стр. 150.

[91] См. об этом H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description*, pp. 11—12, 80—81, 90.

[92] См. А. А. Марков, *Теория алгорифмов*, стр. 8—9 (определение «абстрактных» и «конкретных» букв), стр. 12—14 (определение «абстрактных» и «конкретных» слов); R. Carnap, *Introduction to semantics*, § 3 (различение «sign-designs» и «sign-events», соответствующих «абстрактным» и «конкретным» единицам).

Об использовании данного различения в лингвистике см. E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, *Towards the logical description of languages in their phonemic aspect*, § 4 (fn. 13). О значении этого различения для типологических исследований см. P. Hartmann, *Zur Erforschung von Spachtypen: Methoden und Anwendungen*, S. 42 (Anm. 28).

[93] Это определение может быть и неформальным.

пологии[94]. Как кажется, для этого имеются достаточно веские основания. Прежде всего любое определение морфемы предполагает ее присутствие в каждом языке (это не всегда имеет место с более сложными грамматическими единицами). Далее, можно, видимо, утверждать, что морфема, как более простая единица, интуитивно яснее, чем слово: в частности, тут не может быть таких переходных этапов, которые имеют место при оценке служебных форм в аналитических конструкциях (когда неясно, следует ли считать эти формы словом или морфемой). Наконец, через морфему проще, как будто, определить более крупные единицы, нежели, например, выделить морфемы из этих единиц.

Одним из фундаментальных допущений при построении типологии, исходящей из с л о в а как основной единицы соотношения, является, видимо, допущение о том, что известно (для каждого языка), какие словоформы принадлежат одному и тому же слову.

Отметим, что при определении границы слова, видимо, наиболее продуктивным является критерий «неограниченной интерполяции» Дж. Гринберга (границей слова является место, где возможна вставка бесконечного количества фонем), хотя и недостаточно пока разработанный[95].

Исходных (т. е. не выводимых друг из друга) единиц соотношения, вообще говоря, может быть и несколько. Так, Дж. Гринберг в своей классификации оперирует такими исходными единицами, как «слово», «морфема», «морф» и т. д., причем они считаются данными, а не выводятся одна из другой.

Типологии, исходящие из разных единиц соотношения (при одинаковой лингвистической методике), дополнительны по отношению друг к другу. Исчерпывающая типологическая характеристика языка может быть, видимо, в идеале достигнута через последовательные характеристики этого языка, исходящие из разных единиц соотношения.

Можно различать основную о п е р а ц и о н н у ю единицу соотношения при типологическом анализе и п р е д е л ь н у ю единицу соотношения (т. е. такую, в пределах которой происходит типологический анализ).

Выше мы говорили об операционных единицах. Предельной единицей соотношения в свою очередь может быть морфема [например, при морфонологическом типологическом анализе (когда операционной единицей соотношения является морфонема)], слово [при морфологическом типологическом анализе (например, когда операционной единицей является морфема)], синтагма, предложение [например, при синтаксическом типологическом анализе (в частности, когда операционной единицей является слово) или при общем грамматическом типологическом анализе без разделения на синтаксис и морфологию (например, когда операционной единицей соотношения является морфема)]; типологический анализ может быть ограничен и в пределах единицы, большей, чем предложение.

---

[94] Ср., в частности: L'.Novák, *Základná jednotka gramatického systému a jazyková typologia,* s. 7; работы Ч. Вёгелина и его школы (указанные выше); С. Е. Яхонтов, *О морфологической классификации языков,* стр. 13 и другие работы.

[95] См. J. H. Greenberg, *Essays in linguistics,* Ch. II.

В настоящем изложении в тех случаях, когда мы не указываем специально, какую единицу соотношения (операционную или предельную) имеем в виду, всегда подразумевается операционная единица соотношения.

Другим непременным требованием при типологических построениях является требование последовательности, т. е. максимальное разграничение критериев классификации [96] (уровней анализа). Это общее требование относится как к предмету, так и к методу типологического анализа.

Прежде всего, как уже выше говорилось, необходимо четко разграничивать уровни языка, относительно которых происходит типологическое рассмотрение.

При построении грамматической типологии особенно существенно разграничить морфонологический и собственно грамматический уровни [97]. В то же время при построении типологии, исходящей из морфемы как основной единицы соотношения, представляется целесообразным отказаться от традиционного разграничения морфологии и синтаксиса в связи с отсутствием универсального определения слова [98].

Далее, необходимо четкое разграничение уровней абстракции при самом типологическом рассмотрении. При этом можно принять, что типологический анализ должен производиться на достаточно общем уровне рассмотрения (поскольку он имеет целью сопоставление языков по некоторым наиболее существенным их признакам). В типологии, исходящей из системного сравнения, следует различать эмический и этический уровни анализа; очевидно, целесообразно сравнивать языки на эмическом уровне, как на более общем.

---

[96] Смешение критериев деления — стремление классифицировать сразу по нескольким критериям — является одним из основных недостатков традиционной морфологической классификации языков, результатом которого является возможность разного определения одних и тех же языков (подробнее см. ниже).

[97] Традиционная морфологическая классификация (в том числе и большинство современных ее интерпретаций) основывается прежде всего на рассмотрении морфонологии языков (ср. C. F. Voegelin, *Subsystems within systems in cultural and linguistic typology*, p. 594). Едва ли не основным здесь является вопрос о технике выражения морфем в языке. Этот вопрос, однако, может считаться вовсе не существенным при собственно грамматическом рассмотрении: так, морфемы различного вида (например, «внутренняя флексия» и суффикс) могут рассматриваться как идентичные с точки зрения выражаемой грамматической функции (ср. И. А. Мельчук, *О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках*).

Образующаяся таким образом морфонологическая классификация предстает как дополнительная по отношению к классификации собственно грамматической.

[98] Ср.: K. L. Pike, *Taxemes and immediate constituents* (особенно стр. 76); K. L. Pike, *A problem in morphology-syntax division;* L. Hjelmslev, *Principes de grammaire générale,* pp. 94, 154; его же, устное сообщение (1961 г.). См. также Z. S. Harris, *Methods in structural linguistics.*

Наконец, если исходить из системного сравнения, недостаточно ограничиться сравнением различных синхронических срезов языков. Внутри синхронии одного языка следует различать различные статические состояния («стили» — по Л. В. Щербе, «субкоды» — по Р. О. Якобсону [99]; ср. различение Lento- и Allegroformen в немецкой грамматической терминологии). Необходимо сравнивать различные языки в одном и том же статическом состоянии; таким состоянием, очевидно, должен быть «полный стиль» произношения (Л. В. Щерба) или «эксплицитный субкод» (Р. О. Якобсон) (ср. также Lentoformen). С этим связана, между прочим, необходимость восстановления и дополнения случаев эллипсиса при внутриязыковом анализе, предшествующем типологическому [100].

Выше вообще было показано, что типология, сравнивающая системы, а не тексты языков, необходимо предполагает некоторый предварительный анализ (каждого данного языка) [101]. Помимо восстановления и дополнения случаев эллипсиса при построении такой типологии необходима элиминация всех аномальных случаев (как-то: омонимии, исключений и т. д.), произведение дистрибутивного анализа, установление тождества вариантов и т. д. — с тем, чтобы типологическое сопоставление велось по существенным (для каждого данного языка), а не случайным признакам.

При этом предварительный внутриязыковой анализ представляется необходимым производить на более детальном уровне рассмотрения, нежели межъязыковой анализ (т. е. само типологическое сравнение). В самом деле, типологическое сравнение, как уже говорилось, должно происходить на некотором достаточно абстрактном (общем) уровне рассмотрения (подразумевающем отвлечение от всех моментов, несущественных с точки зрения данной типологической теории). Для того чтобы результаты типологического анализа соотносились с реальными данными, и необходим предварительный анализ. На более детальном уровне внутриязыковыми методами выделяются некоторые языковые единицы; затем на более общем уровне методами типологии производится отождествление определенных единиц разных языков. Тем самым структур-

[99] См.: Л. В. Щерба, *О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе;* R. Jakobson, *Retrospect,* p. 650.

[100] R. Jakobson, *Retrospect,* p. 656: эллиптические конструкции представляют собой статический языковой стиль (субкод), противопоставленный «полному стилю» («эксплицитному субкоду»). Ср. также L. Hjelmslev, *Le verbe et la phrase nominale,* p. 172: эллипсис считается фактом «parole» (и потому не должен рассматриваться при структурном исследовании языка).

[101] См. стр. 37.

ное типологическое исследование предполагает предварительное более детальное рассмотрение, ограниченное пределами самого языка.

* * *

Как можно видеть, построение типологии связано с предварительным решением многих вопросов; эти вопросы касаются как общего понимания задач и целей типологии, так и конкретных вопросов языкового анализа. Возможность использования разной терминологии и проведения различного анализа создает большие затруднения при типологических построениях.

Существует остроумная попытка использовать сами эти затруднения для построения типологической классификации (Ч. Базелл [102]). Автор предлагает перейти от споров к объектам споров. Анализируя несовпадения мнений, он приходит к выводу, что в разных языках предметом разногласий являются разные явления. Следовательно, мы можем классифицировать явления на основании проблематичности различных действий над ними и затем классифицировать языки на основании этой классификации явлений.

В частности, рассматривается проблематичность следующих факторов:

1) возможность однозначной сегментации (насколько однозначно можно провести границу между грамматическими элементами в языке);

2) возможность однозначной классификации [насколько однозначно можно классифицировать (т. е. объединять в парадигматические классы) грамматические элементы в языке].

На основании ответа на эти вопросы выделяются три типа языков:

I. Элементы классифицируются более или менее однозначно; однако членение их вызывает разногласия (например, латинский).

II. Проведение границ между элементами не вызывает затруднений, но классификация их порождает разногласия (китайский, вьетнамский).

III. Классификация и членение элементов возможны в одинаковой степени и не вызывают особых затруднений (например, турецкий).

Можно видеть, что по результатам эта классификация совпадает с классификацией А. Шлегеля (флективные, агглютинативные и аморфные языки) и может считаться одной из возможных современных ее интерпретаций. Классификация Ч. Базелла рассматривает не непосредственно языки, а от-

[102] C. E. Bazell, *Linguistic typology*.

ношение лингвистов к этим языкам (сам автор определяет свою типологию как «problem typology»), основываясь на том, что само это отношение определяется спецификой их типологии. Иными словами, предмет типологии Ч. Базелла составляют не собственно структуры языков, а степень легкости (однозначности), с которой эти структуры можно выявить (из текста) [103]. Тем самым типология Ч. Базелла, сама по себе интересная и нужная, не является «структурной типологией» в прямом смысле слова (выше мы определяли «структурную типологию» как типологию структур) [104].

---

[103] Сходные идеи высказывает П. Гарвин [см. P. Garvin, *On the relative tractability of morphological data* (особенно стр. 12, 20—22)]. Отмечая, что легкость или трудность морфологического анализа зависит от анализируемого материала, автор рассматривает влияние материала на результаты анализа и на его категории (такие, как «слово»).

Очевидна важность подобных исследований для теории машинного перевода, где выбор алгоритма обусловливается типологией данного языка (см. выше, стр. 20). Ср. В. В. Иванов, *Некоторые вопросы машинного перевода в СССР*, стр. 4—5: на основании критериев, близких изложенным выше (легкости и однозначности сегментации грамматических и лексических морфов), предлагается различать два типа языков: «слитноморфные» и «раздельноморфные»; показывается специфика анализа и синтеза у языков каждого типа.

[104] Можно сказать, что типология Ч. Базелла, будучи «структурной» (по методу) и «типологией» (по предмету), не является «структурной типологией» в том узком смысле, какой был определен выше (см. стр. 10, также стр. 32 и стр. 23, сн. 2).

ГЛАВА 4

ТИПОЛОГИЯ И ЯЗЫК-ЭТАЛОН

Как можно видеть из предшествующего изложения, типологические методы на современном этапе весьма страдают от некоординированности исследований, от отсутствия связующей идеи или общей направленности описания типологического инвентаря. Отсюда — несоответствие в терминологии, в принципах описания различных явлений или уровней.

Необходим конкретный критерий оценки.

Идея инвариантности лежит в основе всякого сравнения языков (как и вообще в основе всякого сопоставления) [1]. Необходим некоторый язык-эталон, от которого отталкиваются при описании и характеристике различных языков. Если имеется язык-эталон и известны правила перехода (соответствия) от него к характеризуемым языкам, то мы можем однозначно и последовательно описывать и характеризовать эти языки через данный язык-эталон. Таким образом, язык-эталон оказывается метаязыком по отношению к другим (характеризуемым) языкам [2]. Можно полагать, с другой сто-

[1] Ср. R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, pp. 22, 26.

[2] Термин «метаязык» заимствован в лингвистике из логики (см. работы Р. Карнапа, А. Тарского). Приставка «мета-» употребляется вообще для обозначения языка или теории, в символах которых описываются другой язык или теория. Тогда метаязык (metalanguage) противопоставлен языку-объекту (object-language). «Если мы исследуем, анализируем и описываем какой-то язык L_1, то мы нуждаемся в языке L_2, чтобы сформулировать результаты нашего исследования языка L_1 или правила использования языка L_1. В этом случае мы называем L_1 языком-объектом, а L_2 — метаязыком» (R. Carnap, *Introduction to semantics*, pp. 3—4).

Таким образом, приставка «мета-» применяется для указания системы, через сравнение с которой объясняется и описывается некоторая другая система. Например, анализируя эллиптическую конструкцию некоторого языка (скажем, русского), мы реконструируем соответствующую полную конструкцию, на основании сравнения с которой и возможно понимание данной эллиптической конструкции; в этом случае реконструируемая полная конструкция принадлежит метасистеме (по отношению к системе эллиптической конструкции). В других случаях мы обращаемся к некоторой искусственной системе, помогающей анализировать данный

роны, что оптимальным языком-эталоном при типологическом сравнении окажется дедуктивно выведенный метаязык, имплицитно использующийся при данном сравнении (метаязык, естественно, может меняться в зависимости от сравниваемого материала и условий сравнения) [3].

Все типологические классификации более или менее интуитивно строились относительно некоего подразумеваемого языка (предполагаемой «нормы») [4]. Однако такой язык четко не определялся; можно показать, что именно этим в большой

язык (или сравнивать рассматриваемые языки). Вообще, может оказаться удобным, — а иногда и неизбежным, — при анализе некоторого языка (или ряда языков) конструировать некоторую вспомогательную систему (систему метаязыка), объясняющую данный язык (это мы обычно и делаем неявным образом — примеры см. далее). Так, изменив рассматриваемый язык *A* (мы можем рассматривать при этом реальный язык или определенную его модель) по некоторому признаку (грамматическому, фонологическому, семантическому или другому), мы получим какой-то другой язык (обозначим его как A^1). Если мы будем говорить о языке *A*, пользуясь языком A^1 — и соответственно описывать язык *A* через сравнение с языком A^1, — то последний будет метаязыком по отношению к первому. Мы можем говорить далее (на определенном языковом уровне), что характеристика языков некоторого типа (*X*) предстает как характеристика метаязыка относительно языков определенного другого типа (*Y*), если каждый язык последнего типа (*Y*) можно описать через язык первого типа (например, если для каждого языка типа *Y* можно построить соответствующий язык типа *X*, через который описывается данный язык типа *Y*, тогда каждый такой язык типа *X* предстает как метаязык по отношению к соответствующему языку типа *Y*).

Таким образом, метаязык понимается в настоящей работе как некоторый определенный язык (естественный или искусственный), через который описывается какой-то другой язык. При этом рассматривается прежде всего система метаязыка, его структурная модель, характеризуемая (на определенном уровне анализа) в тех терминах, которые считаются существенными при построении данной теории (например, грамматическая, фонологическая или какая-либо другая модель); подобная характеристика метаязыка может сравниваться затем с аналогичными характеристиками других языков. Тем самым метаязык рассматривается — аналогично другим языкам — с точки зрения его лингвистической структуры. Наравне с другими языками он может составить объект типологического сравнения (для этого структура метаязыка должна быть охарактеризована в тех же терминах, что и структура других языков).

[3] Иными словами, если показать, что при типологическом сопоставлении двух языков реально используется некоторый метаязык, и этот метаязык сформулировать в виде определенной языковой системы, к которой сводятся данные языки, то данный метаязык (языковую систему) целесообразно считать языком-эталоном для данных языков (а языки эти в свою очередь можно единообразно охарактеризовать, указав правила соответствия их данному метаязыку). Задачей тогда является нахождение аналогичного метаязыка для сравнения всех реальных языков.

В дальнейшем изложении термины «язык-эталон» и «метаязык» используются, как синонимы; при этом мы употребляем термин «метаязык», когда делается акцент на соответствующую функцию языка-эталона при описании и характеристике других языков.

[4] Ср. И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Заметки на полях сочинения В. В. Радлова*, стр. 179.

степени объясняются недостатки данных классификаций. Присутствие метаязыка неизбежно при сравнительном анализе, он всегда использовался, но нечетко, расплывчато. Четкое его выделение способствует успеху анализа [5].

Неявное использование языка-эталона (метаязыка) происходит вообще в огромном большинстве лингвистических высказываний. В самом деле, простое лингвистическое утверждение, что в таком-то языке есть такое-то явление (например, некоторая категория), подразумевает неявную ссылку на какой-то язык или множество языков, в которых есть то же явление: утверждается, по существу, что в рассматриваемом языке есть то же, что и в этих языках (и нечто отличное от других каких-то языков). Иначе говоря, большинство лингвистических утверждений о свойствах конкретного языка (по крайней мере, утверждения вида: в таком-то языке есть то-то) имеют типологическую основу и подразумевают ссылку на какой-то эталон (эталон может меняться в зависимости от содержания утверждения).

Неизбежность использования языка-эталона при семантических исследованиях можно показать следующим рассуждением. Значение слова (вообще: отрезка текста) какого-то языка в принципе, видимо, нельзя определить иначе, чем сравнением с определенным текстом другого (или того же) языка [6] (если данное слово не термин [7]); при этом сама семантика текста, определяющего значение данного слова, также не определена. Действительно, если слово *а* (одного языка) переводится через слово *б* (другого языка [8]), то значения этих слов имеют что-то общее (пересекаются). Если мы так же приблизительно отождествим и другие слова этих двух языков, мы сможем точнее описать значение *а* через значение *б*. Сфера значения слова *а*, определяемая его сочетаемостью с другими словами того же языка, может совпадать по объему со сферой значения *б* ($а=б$), входить в нее ($а\subset б$), покрывать ее ($а\supset б$) или пересекаться с ней (соответственно, значение слова *а* в этих случаях может описываться через значение слова *б* плюс или минус значения некоторых других слов того же языка). Например, значение английского слова *swim* входит в значение русского *плыть*, поскольку *swim* не

[5] Ср. М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание*, стр. 3: «...само понятие специфичности языка и тем более определение степени специфичности предполагает соотнесение элементов этого языка с системой, находящейся вне его и принимаемой за начало отсчета; разница между этой последней системой и системой исследуемого языка и будет представлять собой меру специфичности этого языка».

[6] Ср. определение значения через перевод в работах по математической логике, общей семантике, теории информации. См., в частности: А. Чёрч, *Введение в математическую логику*, I, стр. 31—32; С. Е. Shannon, *The redundancy of English*, p. 157.

[7] В этом случае значение слова может быть определено через внеязыковую реальность.

[8] Приводимое рассуждение можно с тем же успехом применить и к внутриязыковому переводу (в этом случае мы придем, видимо, к «семантическим множителям» — см. о них ниже).

сочетается с неодушевленными предметами (соответственно, значение слова *плыть* можно описать, например, через значение слова *swim* плюс значение слова *float*).

Так можно определять значение слова с точностью до дифференциации языка-эталона. Остается выбрать или построить такой язык-эталон, чтобы эта точность была достаточной.

Отметим, что описанная процедура отражает, видимо, реальный эвристический процесс изучения иностранного языка (когда языком-эталоном выступает родной язык) [9].

Вообще в качестве языка-эталона (метаязыка) может быть использован любой язык. Это и делается обычно в учебниках иностранных языков, когда при описании иностранного языка эталоном является родной язык учащегося [10]; или при описании диалектов, когда диалекты описываются как отклонения от литературного языка [11]; часто при описании неизвестных языков, когда эталоном служит язык исследователя [но если исследователь обладает знанием нескольких языков разных систем, эталон (метаязык) меняется [12]]. Первые латинские грамматики описывались по греческому эталону (например, грамматика Присциана). А в дальнейшем латино-греческий язык-эталон применялся для составления грамматик других европейских языков (например, церковнославянского, английского) [13]. По санскритскому эталону строились тибетские грамматики. Подобным образом нередко составляются описания национальных и других языков [14].

Очевидно, это не самый удачный, хотя и достаточно последовательный, способ описания языка [15].

Иногда метаязык строится специально, т. е. предлагает-

---

[9] И, возможно, также частично моделирует и эвристический процесс обучения родному языку.

[10] Родному языку вообще естественно выступать в качестве языка-эталона (метаязыка) при языковой интерференции.

[11] Ср. Т. М. Судник, С. М. Шур, *Диалектология и структурная типология*, стр. 217.

[12] Из дальнейшего может быть видно, что при увеличении лингвистического диапазона исследователя (т. е. при увеличении известных ему языков разных систем) используемый им метаязык стремится к аморфному.

[13] Члены предложения можно представить как результат проекции на реальные языки метаязыка аристотелевской логики; в свою очередь последнюю можно, по-видимому, представить как продукт некоего лингвистического анализа (ср.: Б. Рассел, *История западной философии*, стр. 89, 219, 610; H. J. Uldall, *Outline of glossematics*, pp. 8—10; Б. Л. Уорф, *Лингвистика и логика*, стр. 193—194).

[14] О влиянии индоевропейской модели на традиционную грамматику тюркских языков см.: C. E. Bazell, *Linguistic typology*, p. 10; Е. Д. Поливанов, *Словарь лингвистических терминов*, стр. 118.

[15] Такая методика в принципе противостоит дескриптивной (о противопоставлении типологического и дескриптивного методов см. выше, стр. 32—33). Собственно говоря, американская дескриптивная лингвистика и появилась в результате реакции на такую методику.

ся некоторая система символов, удобная для того, чтобы описать объект с той или иной точки зрения [16]. При этом объектом описания может быть какой-то язык или совокупность языков, рассматриваемых на определенном уровне или в определенном аспекте.

Так, дифференциальные признаки Якобсона — Фанта — Халле образуют метаязык для фонологии, т. е. для описания языков на фонологическом уровне [17].

Семантические поля и семантические множители (и вообще — по определению — любая система структурной семантики [18]) могут составить метаязык для лексики.

Язык-посредник можно рассматривать как метаязык перевода, т. е. промежуточную систему, через сравнение с которой анализируются и описываются переводимые языки [19].

---

[16] Как обусловлено выше, мы не рассматриваем специально типологические метатеории, основывающиеся на экстралингвистических понятиях. Например, психологическая метатеория В. Финка, эволюционная метатеория О. Есперсена (эволюции культуры), антропологическая метатеория Я. ван Гиннекена, экономические метатеории М. Мюллера и Н. Я. Марра, концептуальная метатеория И. И. Мещанинова (и, отчасти, Э. Сепира) и другие; соответственно определяется норма (метаязык) и строится типология (ср. V. Skalička, *Sur les langues polysynthétiques*, p. 12).

Поскольку структурную лингвистику характеризует принцип гомогенности (см. выше, стр. 51), очевидно, что метаязык с точки зрения структурной лингвистики должен быть определен чисто лингвистически (т. е. быть языком в лингвистическом смысле).

[17] R. Jakobson, *Retrospect*, p. 650; ср. также М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур, *Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков*, стр. 427. В самом деле, можно считать, что мы имеем дело с некоторым искусственным языком-эталоном, фонология которого характеризуется всеми этими признаками; фонология любого другого языка описывается через сопоставление с этим языком-эталоном.

[18] Ср. С. Я. Фитиалов, *О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике*, стр. 100: «Реально, при попытке точного задания семантики языка мы всегда соотносим его с некоторым другим (естественным или искусственным) языком, семантика которого в точном смысле этого слова также предварительно не задана» (об этом см. также выше, стр. 60). Автор далее противопоставляет такую «семантику соответствия», типичную для структурной лингвистики, и «семантику реакции», которая прибегает к экстралингвистическим понятиям (и таким образом выходит за пределы структурной лингвистики).

[19] Как отмечает Ингве, некоторый промежуточный язык (т. е. язык-посредник) на практике присутствует едва ли не во всех алгоритмах машинного перевода. В самом деле, в словарях машинного перевода (составляющих часть алгоритма машинного перевода с одного языка на другой) словам одного языка приписываются собственно не сами эквивалентные слова другого языка, но адреса хранения этих последних (указания, как найти соответствующие слова другого языка). Эти адреса и образуют фактически некий промежуточный язык (см. V. H. Yngve, *Sentence-for-sentence translation*).

Эту мысль можно продолжить, утверждая, что и в обычных словарях сопоставляются не собственно слова, но некоторые ключевые словоформы (плюс приписываемая им грамматическая информация), т. е. особого рода абстракции, от которых можно перейти к сопоставлению слов.

В области диахронической лингвистики праязык все чаще понимается как метаязык, т. е. как чисто логическая система, вопрос о реальности которой не ставится [20].

Можно различать минимальный и максимальный язык-эталон [21]. Язык-эталон первого типа можно понимать как теоретико-множественное произведение всех характеризуемых (в определенном аспекте) языков (моделей), т. е. как инвариантную для всех этих языков модель; язык-эталон второго типа [22] можно понимать как теоретико-множественную сумму всех признаков описываемых языков (моделей) [23]. При этом в качестве точки отсчета при типологических сравнениях должен использоваться язык-эталон минимального типа; тем самым язык-эталон этого типа может считаться основным [24].

Структурную типологию можно построить, определив язык-эталон (метаязык) и трансформации перехода от языка-эталона к конкретным языкам и обратно (для разных уровней).

---

[20] «Символы, получившие название реконструированных фонем и форм, являются лишь особого рода записью результатов анализа языков, служащих объектом исследования сравнительно-исторического языкознания. Поэтому их следует рассматривать только как метаязык сравнительно-исторических исследований... Вопрос о реальности праязыка, являющийся исторической проблемой, нельзя смешивать с вопросом о записи, применяющейся для лингвистического описания праязыка. Предметом структурной сравнительно-исторической грамматики является изучение отображения одной языковой системы в другую. Абстрактная система может сохраняться в качестве инварианта при всех преобразованиях языка» (В. В. Иванов, *Теория отношений между языковыми системами и основания сравнительно-исторического языкознания,* стр. 7—8; ср. В. В. Иванов, *Вероятностное определение лингвистического времени,* стр. 67).

См. также по данной проблеме: W. S. Allen, *Relationship in comparative linguistics,* отчасти M. Halle, *On the role of simplicity in linguistic descriptions.* К истории вопроса см. Б. Дельбрюк, *Введение в изучение индоевропейских языков,* раздел «Праязык», стр. 183: праформы понимаются как «выражение в формулах имеющихся воззрений ученых на объем и характер языкового материала, который отдельные языки унаследовали от общего языка»; ср. также И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Языкознание,* стр. 113: праязыки понимаются как научные абстракции, как своды языковых материалов.

[21] Ср. А. А. Холодович, *Вопросы типологического описания языков.* Ср. ниже различение «простого» и «сложного» языков-эталонов (см. «Основную часть» наст. изд.), соответствующее данному различению.

[22] Например, при многоязычии наличие нескольких систем языков приводит к их слиянию и образованию новой системы (см. Л. В. Щерба, *Очередные проблемы языковедения*). Эта новая система в идеальном случае представляет теоретико-множественную сумму исходных языковых систем и может рассматриваться по отношению к исходным языкам как метаязык максимального типа (ср. В. В. Иванов, *Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами*).

[23] Ср. М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур, *О фонологических проблемах типологии,* стр. 112.

[24] Это обосновывается ниже (см. «Основную часть» настоящей работы, § 9).

Далее подобная задача ставится для грамматического уровня. Структура языка-эталона определяется в уточненных терминах традиционной морфологической классификации; языки различаются по степени близости к языку-эталону, т. е. по числу трансформаций перехода от структуры языка-эталона к структуре данного языка (трансформации описываются). При этом будет сделана попытка показать структурное соотношение разных типов языков путем внутриязыковых операций [25].

При проведении различных операций над языками по возможности будет соблюдаться принцип обратимости (reversibility) проводимых операций, т. е. возможности прийти к исходному состоянию при совершении какой-нибудь трансформации [26].

Показывается также возможность построения специального (дополнительного) языка-эталона для решения другой (более узкой) типологической задачи — сравнения частей речи разных языков. На основании решения этой задачи показывается возможность сравнения языков (определения степени близости к основному языку-эталону) одновременно по нескольким признакам.

* * *

Подведем некоторые предварительные итоги, заключающие рассмотрение настоящей «Вводной части» работы и обусловливающие вместе с тем направленность дальнейшего анализа (в «Основной части» работы).

Далее излагается опыт построения структурной типологической теории для характеристики языков на определенном языковом уровне. При этом структурная типология понимается как типология, сравнивающая системы различных языков (причем выбор и количество сравниваемых языков заранее никак не ограничены [27]). Типология, сравнивающая системы, противопоставляется как типологии, сравнивающей тексты [28], так и типологии, сравнивающей отдельные системные явления [29] разных языков.

Соответственно, мы рассматриваем в основном единицы

[25] Имеется в виду приведение структуры данного языка к структуре языка-эталона внутриязыковыми операциями (т. е. не выходя за пределы данного языка).

[26] Принцип и термин были предложены впервые в космоглоттике: принцип обратимости (reversibility) выдвинули сторонники языка идо, критикуя эсперантское словообразование.

[27] Таким образом, речь идет собственно о типологии, а не о характерологии.

[28] Тем самым структурная типология противопоставляется дескриптивистской.

[29] Тем самым общая типология противопоставляется частной.

в системе, т. е. абстрактные единицы (единицы-схемы)[30]. Случаи, когда имеются в виду единицы в тексте или конкретные единицы (единицы-события), будут оговорены специально[31].

Явления языка рассматриваются далее на эмическом уровне, когда произведен дистрибутивный анализ, установлено тождество вариантов, семантически и статистически выделяющиеся слова аномальной структуры заменены их структурными эквивалентами; различаются омонимичные элементы и сочетания. Мы исследуем статику языка, причем рассматривается «полный стиль» в терминах Л. В. Щербы («эксплицитный субкод»—по Р. О. Якобсону, «lentoformen» — в терминологии немецкой грамматики); это выражается, в частности, в том, что восстановлены и дополнены случаи эллипсиса[32].

Явления языка рассматриваются на определенном языковом уровне, а именно — на грамматическом. При этом мы не пользуемся различением морфологии и синтаксиса[33]. С другой стороны, мы исключаем из рассмотрения все морфонологические проблемы (которые имеют столь большое значение для традиционной морфологической классификации языков), предполагая их уже решенными[34].

Мы производим типологическую характеристику через выделение определенных типологических признаков (а не через непосредственное соотнесение с типами). При этом мы последовательно отбираем такие признаки, которые считаем наиболее существенными[35] для типологического сравнения и

---

[30] Укажем, между прочим, следующие свойства абстрактных единиц, существенные для дальнейших определений.

Нулевой элемент может выделяться только среди абстрактных единиц (т. е. только в системе, а не в тексте).

Класс некоторых единиц является, по определению, абстрактной единицей.

Грамматическая функция абстрактной единицы не может выражаться только ее позицией в тексте (например, порядком слов).

[31] См. далее § 0.5, § 0.5.1, § 0.7, § 2.2.2 «Основной части». В то же время случаи, когда имеются в виду абстрактные единицы, как обычные для настоящей работы, специально никак не оговариваются.

[32] О «полном стиле» («эксплицитном субкоде») и связанном с ним устранении эллиптических конструкций см. выше, стр. 55.

[33] Это связано с тем, что основной единицей соотношения принимается морфема, а не слово (см. несколько ниже).

[34] В частности, не рассматривается различная техника (способы) выражения морфем в языке (различие префиксов, суффиксов, «внутренней флексии», редупликации и т. д.). Морфемы, выражающиеся различными способами, могут считаться тождественными на грамматическом уровне (ср. § 0.2.1 «Основной части»).

[35] О разграничении более существенных и менее существенных признаков и связанном с этим разграничении уровней анализа (более общего и более подробного) см. несколько ниже.

которые находятся в соответствии с общими принципами и постулатами, принятыми в предварительном анализе. Мы исходим при этом из нескольких оснований сравнения, которые полагаются основными; таким образом, мы получаем возможность многомерного сравнения языков, о котором говорилось выше. Вместе с тем попутно указываются некоторые дополнительные основания сравнения (исходящие отчасти из некоторых допущений, отличных от принимаемых); характеристика по этим основаниям может дополнить получаемую характеристику[36]. В этом смысле предлагаемая классификация языкового материала является открытой.

Типология строится далее структурными, а не статистическими методами (т. е. как квалитативная, а не квантитативная типология). Мы основываемся при этом на следующем фундаментальном противопоставлении; различаются:

1. Единичные (исключительные) случаи, которые можно перечислить и задать в виде исключений к некоторым правилам.

2. Общие закономерности, которые нельзя задать перечислением объектов (т. е. в принципе нельзя указать все объекты, по отношению к которым действуют те или иные закономерности), а можно задать только в виде правил.

Изучается последнее (отметим, что большое значение при этом имеет метод мысленного эксперимента).

Предполагается вообще, что лингвистика, как теоретическая дисциплина, должна иметь дело с бесконечным («открытым») материалом — в том смысле, что принципиально невозможно количественно ограничить область ее рассмотрения. В интралингвистическом аспекте это относится прежде всего к открытому тексту — предмету структурной лингвистики (принципиально невозможно ограничиться при рассмотрении языка каким-то конечным текстом этого языка, как бы велик он ни был)[37]; к неперечислимости всех слов (и корней) данного языка[38] [всегда может быть спорадически добавлено новое слово (или корень), который будет считаться словом (корнем) данного языка]; к принципиальной неограниченности длины предложения в языке (мы не можем дать какого-либо ограничения в длине предложения языка — как бы длинно оно ни было, его всегда можно развернуть в еще более длинное)[39] и т. д. В интерлингвистическом (типологическом) аспекте это относится к принципиальной неограниченности (неперечислимости) языков, составляющих объект типологического анализа [здесь надо иметь в виду, что все диалекты (и идиолекты) могут считаться

---

[36] Эти основания сравнения, которые намечаются по ходу изложения, подытоживаются в Приложении VI: «Список предложенных критериев, дополнительных по отношению к использующимся в настоящей работе» (стр. 234).

[37] См. выше, стр. 10, сн. 4.

[38] Ср. «Основную часть» настоящей работы, § 0.2.1.

[39] Ср. «Основную часть» настоящей работы § 0.8, § 0.8.1.

принципиально равноправными языкам при типологическом анализе[40]; если же учесть еще и количество мертвых языков (в том числе и неизвестных нам), то открытость рассматриваемого типологией материала едва ли может вызвать сомнения][41].

Строимой далее типологической теории предпосылается развернутая система терминов и допущений (которые характеризуют сравниваемые грамматические модели языков). Термины определяются при этом, в соответствии со сказанным выше, на уровне абстрактных единиц (единиц в системе, единиц-схем). В работе применяются иногда рекурсивные определения[42]. Заметим, что определения терминов могут рассматриваться как интерпретация строимой теории на конкретном материале. Эта интерпретация по существу не влияет на самое теорию, но влияет на приложение этой теории к анализируемому материалу (т. е. на практические результаты теории). С этой точки зрения сама теория (если она не противоречива) не может быть неправильной в строгом смысле слова, но может быть лишь неудачной (плохо применимой)[43], либо несовершенной (т. е. описывающей языки с недостаточной степенью подробности[44]). В первом случае, очевидно, необходимо пересмотреть какие-то основные допущения, лежащие в основе теории; во втором случае достаточно добавить некоторые дополнительные критерии сравнения.

В качестве основной (операционной) единицы соотношения выбирается (продуктивная) морфема. В качестве предельной единицы соотношения берется предложение[45].

В дальнейшем по ходу изложения различных типологических проблем, возникающих при построении структурной типологии, мы проводим последовательное ограничение материала, исходя из иерархии более существенного (общего) и более частного (подробного). Это заключается в том, что мы последовательно различаем явления (факты) менее существенные, которые предполагают более подробный уровень рассмотрения, и более существенные, которые релевантны и

[40] Ср. М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур, *Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков*, стр. 427.

[41] Ср. стр. 39.

[42] О рекурсивных определениях в лингвистике см., в частности, И. И. Ревзин, *О логической форме лингвистических определений*, а также J. Bar-Hillel, *On recursive definitions in empirical sciences*.

[43] См. L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*, § 5.

[44] Это значит, что в ней не отражаются некоторые явления, которые мы считаем существенными.

[45] Продуктивная морфема определяется далее содержательно. Предложение никак не определяется; в то же время понятие предложения не участвует при определении других понятий (но используется как удобное рабочее понятие).

для более общего уровня рассмотрения. Мы исходим из того, что типологический анализ должен производиться на очень общем уровне рассмотрения[46]; в то же время указывается возможность перехода к более подробному уровню.

При этом типологическому анализу предшествует предварительный внутренний анализ языка, который производится на более подробном уровне рассмотрения.

---

[46] См. выше, стр. 54—55.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ПОСТРОЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВ

ГЛАВА 1

ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 0. СИСТЕМА ТЕРМИНОВ И ДОПУЩЕНИЙ

§ 0.1. Система допущений. Принимается, что исследователь обладает знанием сравниваемых языков; это выражается в следующих общих допущениях:

1. (Определение грамматической правильности)

он может определить предложение языка как грамматически правильное или нет.

2) (Классификация элементов)

он может определить грамматический контур предложения, т. е.:

а) разбить предложение на элементы;

б) выделить служебные и корневые элементы; разбить служебные элементы на классы и выделить категории; определить слова, разбить их на классы.

3. (Отношения эквивалентности)

ему известны отношения эквивалентности между элементами и сочетаниями элементов данного языка, и он может производить соответствующие операции.

Считается, что для сравниваемых языков все эти сведения заранее определены оптимальным образом.

Язык тогда можно представить, задав какую-то структуру (последовательность классов элементов) и ряд правил (эквивалентности), посредством которых эту структуру можно преобразовывать в бесконечное количество сочетаний элементов.

Можно утверждать, что развиваемая далее теория в равной мере применима при различном решении многих спорных вопросов, которые возникают при интерпретации приведенных выше понятий в конкретном анализе, хотя результаты классификации (а соответственно и результаты самой теории) и будут различны. Некоторая интерпретация этих понятий дается далее.

Излагаемая далее система терминов строится следующим образом. Вводятся два исходных (первичных) понятия («элемент», «правильность»), которые определяются содержательно, а не формально. Остальные понятия мы пытаемся вывести из этид двух; для этого в ходе изложения нам понадобится ввести некоторые вспомогательные понятия и уточнить (конкретизировать) принимаемые общие допущения.

§ 0.2. Элемент. Под **элементом** понимается минимальная продуктивная морфема или несвободное сочетание морфем, обладающее минимальностью и продуктивностью.

Минимальная — т. е. нечленимая на продуктивные морфемы.

Продуктивная — т. е. обладающая свободой вхождения в различные структурные сочетания (при этом устраняются семантические ограничения — см. ниже, § 0.3). Если сочетаемость какой-нибудь морфемы можно определить классами морфем (или сочетаний морфем), а не отдельными морфемами (сочетаниями), мы говорим, что она продуктивна (например англ. good,-ly) [1].

Если имеются два элемента, такие, что один элемент составляет часть другого (например, *plenty* и *plentiful),* то остаток, получаемый в результате вычитания (*-ful*), будет непродуктивной морфемой [2].

Элемент принимается за основную единицу соотношения между разными языками. Предложения различных языков можно представить как цепочки элементов.

§ 0.2.1. Корневые и служебные элементы. Элементы разных языков делятся на две группы:

группа I — **корневые** (или **корни**): их нельзя задать списком в языке;

группа II — **служебные**: их можно задать в языке списком [3].

Пример служебных элементов: флексия и предлог в русском *в стол-е,* огласовка и структура породы в арабском *yaktubu,* редупликационный элемент в индонезийском *orang-orang.*

---

[1] Сочетаемость элемента может определяться классом корневых элементов, классами служебных элементов (см. ниже, § 0.4) или классами слов (см. § 0.7.1).

[2] Это доказывается от противного.

[3] Аналогичный критерий использует А. Мартине (см. А. Мартине, *Основы общей лингвистики,* § 4—19).

Ср. также С. F. Voegelin, A. K. Ramanujan, F. M. Voegelin, *Typology of density ranges I:introduction* (стр. 201 и сноска 2 к этой странице); отмечается, что корни («major morphemes») преобладают в системе (по сравнению со служебными элементами — «minor morphemes»), в то время как служебные элементы преобладают в тексте (по сравнению с корнями).

Эмпирически можно выделить следующие способы выражения служебных элементов.

А. Элементы выражаются определенной линейной последовательностью фонем — например аффиксы (префиксы, суффиксы, инфиксы), флексии, предлоги, частицы и др. Эта последовательность фонем может быть и прерывистой [4], например конфиксы в арабском, чукотском языках [5].

Б. Элементы выражаются редупликацией, полной или частичной. Так в индонезийском, в древних индоевропейских языках, в дагестанских (например, в лакском), в некоторых африканских (например, в эве, готтентотском) и др.

В. Элементы выражаются изменением фонемного состава:

а) изменением гласных (например, огласовка в семитских [6] и атабасских [7] языках),

б) изменением согласных (например, выражение грамматических категорий различием смычных и спирантов в нивхском языке, в языках фуль, биафада [8]; чередование согласных в ирландском языке, в языке нутка [9] и в кетском языке).

Г. Элементы выражаются просодическими средствами (ударением, тоном и др.). Просодические изменения можно свести к изменению фонемного состава, т. е. их можно передать одним из перечисленных выше способов — без изменения грамматической структуры языка. Ср. мысленный эксперимент А. Мартине по передаче ударения в виде некоторой линейной последовательности фонем [10]; в этом отношении интересен также проект «романизации» китайского алфавита, где тон передается видоизменением написания слога: введением лишних букв, заменой одной буквы другой, удвоением букв и т. п. [11].

Различие между корневыми и служебными элементами определяется задачей выгодного описания языка и в общем может быть сведено к лексикографическому [12]: описание языка состоит из словаря и грамматики (последняя указывает, как составить предложения из элементов, указанных в словаре, и, соответственно, как анализировать предложения данного языка). При экономичном описании в словаре приводятся

---

[4] «Discontinuous morphemes» в терминологии З. Харриса (см. Z. S. Harris, *Discontionuous morphemes)*.

[5] Термин «конфикс» предложен Н. В. Юшмановым (см. Н. В. Юшманов, *Строй арабского языка*, стр. 29, 34; о конфиксах и других прерывистых морфемах в семитских языках см. В. П. Старинин, *Структура семитского слова)*.

[6] Подробное исследование огласовки в семитских языках см. в работе: K. Petráček, *Die innere Flexion in den semitischen Sprachen.*

[7] Э. Сепир, *Язык*, стр. 58.

[8] См. R. Jakobson, *Notes on Gilyak*, p. 273.

[9] Э. Сепир, *Язык*, стр. 59.

[10] См. A. Martinet, *Phonology as functional phonetics*, p. 11.

[11] См. С. Е. Яхонтов, *Проект китайского алфавита*, стр. 95.

[12] Ср. Л. В. Щерба, *Очередные проблемы языковедения*, стр. 183. Ср. также Р. Л. Добрушин, *Математические методы в лингвистике*, стр. 41: подчеркивается, что различие между словарем и грамматикой имеет не качественный, а количественный характер; грамматика определяется как совокупность приемов для более простого описания алгоритма перевода с одного языка на другой.

только корневые элементы; служебные элементы выгодно вынести в грамматику (если отвлечься от специфики текста — т. е. для любого текста данного языка) [13].

Таким образом, служебные элементы маркированы в языке. Разделение элементов на служебные и корневые считается заданным заранее для языка.

§ 0.3. Грамматическая правильность [14]. Структурное грамматическое исследование (и особенно — типологическое исследование) целесообразно ограничить анализом только грамматически правильных (для данного языка) предложений. Принимается, что исследователь, знающий язык, всегда способен определить, правильно или нет данное предложение грамматически. При этом разрешаются любые семантические аномалии — тем самым обеспечиваются право и возможность абсолютной субституции [15].

В самом деле, мы можем рассматривать систему языка как бесконечное количество всевозможных сочетаний из данного числа элементов, на которые наложены некоторые ограничивающие правила. Мы можем различать слой семантических, стилистических, грамматических и других ограничений. Чтобы решить вопрос о грамматике языка, естественно устранить все ограничения, оставив лишь грамматические.

Понятие грамматической или другой правильности (определенного отрезка текста) является одним из основных исходных понятий при построении современных моделей языка [16]

---

[13] Как известно, для различных специализированных текстов могут составляться различные списки служебных элементов (и в конечном итоге — различные грамматики).

Представляется целесообразным поэтому в грамматику данного языка выносить такие элементы, которые необходимы и достаточны для анализа любого текста данного языка.

[14] В терминах математической лингвистики понятию «грамматической правильности» соответствует понятие «грамматической отмеченности». Иногда говорят также: «грамматическая допустимость». Английскими эквивалентами являются «grammaticalness» и «grammaticality».

[15] Ср. классический пример Н. С. Хомского: «Colourless green ideas sleep furiously» (см. Н. Хомский, *Синтаксические структуры*, стр. 418).

[16] Ср., например, синтаксическую модель Н. С. Хомского (Н. Хомский, *Синтаксические структуры*), теоретико-множественную модель языка (см. О. С. Кулагина, *Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств;* В. А. Успенский, *К определению части речи в теоретико-множественной системе языка*) и другие модели языка (см. И. И. Ревзин, *Модели языка;* S. Marcus, *Lingvistică matematică. Modele matematice în lingvistică*).

В то же время это понятие введено отнюдь не в последнее время. Еще Г. Штейнталь различал «грамматическую» и «логическую» правильность, определяя, что такое предложение, как «Сей круглый стол — прямоуголен», правильно грамматически, хотя и неправильно логически. Позднее это положение развивал в своих работах Э. Гуссерль (см. С. Д. Кацнельсон, *О грамматической категории*, стр. 132).

и используется (явно или неявно) едва ли не во всех работах, которые исходят из системы, а не из текста. Как правило, все такие работы основываются на допущении, что мы можем отличить множество правильных отрезков текста от множества неправильных и что понятию правильности может быть дано конструктивное определение (не опирающееся на результаты строящейся модели) [17].

Видимо, можно дать следующее приближение к определению грамматической правильности.

Пусть известно, что такое **реально правильное** предложение данного языка (имеется в виду правильность во всех отношениях: и семантическая, и грамматическая, и др. Тут могут быть спорные случаи, но безусловно существует некое множество предложений, относительно которых не возникает сомнений, что они суть предложения данного языка. Мы будем брать именно такие бесспорные предложения [18]). Всякое предложение языка представляет собой цепочку некоторых

---

[17] В то же время неопределенность этого понятия вызывает иногда сомнение в его пригодности. См., например, недавнюю дискуссию Н. С. Хомского и А. Хилла в журнале «Word» (A. Hill, *Grammaticality*, N. Chomsky, *Some methodological remarks on generative grammar)*.

Попытки определить понятие «грамматической правильности» производят обычно на основании внеграмматических критериев.

Иногда используется психологический критерий [ссылка на реакцию информанта (т. е. на его лингвистическую интуицию)]; такой подход критикуется Хиллом (см. A. Hill, *Grammaticality)*.

Иногда предлагается фонетический критерий: например, грамматически правильная фраза определяется как такая, которая может быть произнесена с нормальной (для данного языка) интонацией (см. Н. Хомский, *Синтаксические структуры,* стр. 418—420).

Иногда прибегают к эмпирическому критерию: например, объявляют грамматически правильным множество фраз в каком-то (достаточно длинном) тексте данного языка (см. И. И. Ревзин, *О понятии «множества отмеченных фраз» в теоретико-множественной концепции О. С. Кулагиной;* там же критика такого подхода).

Для определения границ «грамматической правильности» иногда обращаются к поэтическому языку (особенно поэзии XX в.), в котором смысловые связи часто расшатаны, а формальные остаются. Ср. такие предложения: *«He danced his did»* (E. Cummings), *«A grief ago I saw him here»* (D. Thomas), «Немь лукает луком немным/В закричальности зари» (В. Хлебников). (См.: S. R. Levin, *Poetry and grammaticalness,* В. В. Иванов, *Некоторые вопросы машинного перевода в СССР;* ср. также специальное исследование: A. Liede, *Dichtung als Spiel. Studien zur Umsinnspoesie om die Grenzen der Sprache.)*. Однако в языке поэзии могут встретиться и явно «неграмматические» предложения (см., в частности, S. R. Levin, *Poetry and grammaticalness)*.

[18] Понятие «реальной» правильности несомненно более определенное, чем понятие «грамматической правильности», хотя бы потому, что все неопределенные случаи можно просто не считать «реально правильными».

Некоторое подмножество множества правильных предложений, достаточное для характеристики всего этого множества, можно, очевидно, задавать, в частности, списком для каждого языка.

элементов, именно: последовательность корневых и служебных элементов (см. выше, § 0.2, § 0.2.1).

Назовем **грамматически правильным** всякое предложение, которое можно превратить в реально правильное путем замены каких-то корневых элементов в этом предложении [19]. Уровень анализа, основывающийся на рассмотрении только грамматически правильных предложений, мы будем называть **грамматическим уровнем** [20] (соответственно, уровень рас-

---

[19] Тогда грамматически правильными оказываются, в частности, известное предложение акад. Л. В. Щербы («*Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка*») и аналогичные фразы, предложенные для немецкого языка Р. Карнапом («*Piroten karulieren elatisch*» — см. R. Carnap, *Logische Syntax der Sprache*, S. 2), а для английского — Л. Кэрроллом [«*Twas brillig and the slithy toves did gyre and gimble in the wabe; all mimsy were the borogoves, and the mome raths outgrabe*» — этот пример, ставший классическим, приводится в известной книге Ч. Фриса (Ch. Fries, *The structure of English*)].

В самом деле, нетрудно убедиться, что, заменяя корневые элементы в приведенных предложениях на некоторые другие, эти предложения можно превратить в реальные предложения соответствующих языков. (В то же время количество корневых элементов по определению никак не ограничено — см. § 0.2.1; поэтому корневые элементы в приведенных предложениях могут входить во множество корневых элементов соответствующих языков. Тогда предложения эти принципиально не отличаются от предложений с аномальной семантикой и могут рассматриваться как таковые).

[20] Сделаем следующее замечание (отчасти в традиционных грамматических терминах). В тех языках, где есть род, и он как-то морфологически выражен [так, в русском (см., например, А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, стр. 83—84), в испанском, французском языках (см. И. А. Мельчук, *Статистика и зависимость рода французских существительных от их окончания*)], показатели рода отделяются от корневого элемента (и входят в один класс служебных элементов; о классах служебных элементов см. § 0.4). Поскольку на грамматическом уровне мы можем произвольно менять корневые элементы в любом правильном предложении языка (это следует из определения «грамматической правильности»), каждое слово становится возможным представить во всех родах, имеющихся в данном языке. Это значит, что, например, в русском языке на грамматическом уровне для каждого слова мужского рода найдется соответствующее слово женского и среднего рода; из этих потенциальных слов лишь одно обычно реализуется в языке (на уровне реальной правильности предложений).

В тех же случаях, когда категория рода, имеющаяся в языке, никак морфологически не выражается в реальном языке (в словах данного класса), но выражается синтаксически (например, в согласовании этих слов с другими словами — так в существительных кетского языка), имеет смысл считать, что данная категория на грамматическом уровне выражается специально в словах соответствующего класса, и присоединять с этой целью к корню некоторый условный показатель рода. (Обоснование этой процедуры см. в § 0.9.1. Можно видеть, в частности, что, если не принять этого условия, согласование слов в подобных случаях перестает быть обязательным для грамматической правильности предложения; но тогда обесценивается само это понятие.)

Сказанное о роде верно и по отношению к классам глагола — и вообще по отношению к категориям, которые непосредственно не связаны с ситуацией (например, категория переходности — непереходности). При

смотрения реально правильных предложений можно называть **реальным уровнем**).

Понятие грамматической правильности имеет реальный лингвистический смысл, поскольку часто «для фразы, являющейся на первый взгляд бессмысленной, но грамматически допустимой, можно придумать контекст, в котором она станет осмысленной»[21].

Таким образом, речь здесь идет по существу о двух уровнях правильности предложения[22].

В строимой нами теории используются оба указанных уровня; при этом само типологическое сравнение производится на более общем (абстрактном) уровне «грамматической правильности»; более детальный уровень «реальной правильности» используется для предварительного внутриязыкового анализа, который предшествует межъязыковому (типологическому). Это положение находится в соответствии с ранее выдвинутыми общими установками о том, что предварительный (внутренний) анализ языка, предшествующий типологическому сравнению, необходимо производить на более детальном уровне, нежели само типологическое сравнение[23].

В дальнейшем понятие «реальной правильности» используется только в случае внутреннего анализа языка (предшествующего типологическому).

§ 0.4. Классы служебных элементов. Служебные элементы могут распадаться в языке на классы взаимозаменяемых элементов — такие, что в каждой данной позиции может присутствовать либо тот, либо другой элемент данного

описанном подходе можно утверждать, что на грамматическом уровне все языки суть «согласованные» (в смысле теоретико-множественной концепции языка) [См. В. А. Успенский, *К определению части речи в теоретико-множественной системе языка,* стр. 26 (второе предложение по превращению языка в «согласованный») (заметим, что «согласованные» языки у И. И. Ревзина называются «формально однородными» — см. И. И. Ревзин, *Модели языка,* § 28)].

Таким образом, на грамматическом уровне рассматриваются абстрактные идеальные модели, соответствующие анализируемым языкам. Реальный феномен, соответствующий такой абстрактной модели, представляет, например, определенный подклас русских существительных, которые изменяются по роду (типа: *супруг — супруга*). Вообще же реальный «согласованный» («формально однородный») язык представляет собой эсперанто [см. И. И. Ревзин, *О понятиях однородного языка и языка с полной трансформацией (ЯПТ) и возможности их применения для структурной типологии,* стр. 23].

[21] См. Р. Л. Добрушин, *Математические методы в лингвистике,* стр. 54; приводится пример «Охотничьих рассказов» Г. К. Честертона, где моделируются ситуации, которые наполняют смыслом предложения, считающиеся обычно лишь грамматически правильными (такие, как *«зажечь Темзу»*).

См. об этом также Б. А. Успенский, *Семиотика у Честертона,* стр. 152.

[22] О различении уровней правильности предложения см. N. Chomsky, *Some methodological remarks on generative grammar.*

[23] См. выше, стр. 55.

класса, но никак не оба вместе[24] (в числе элементов может быть при этом и нулевой элемент[25]).

Взаимозаменяемость служебных элементов и объединение их в классы можно, по-видимому, устанавливать на основании их свободной вариации в некоторой позиции[26]. Для этого можно предложить следующую процедуру. Возьмем какое-нибудь предложение данного языка, выделим в нем служебные элементы. Возьмем один из них и, не меняя остальных элементов в данном предложении, будем подставлять вместо него другие служебные элементы (из списка служебных элементов для данного языка) так, чтобы не нарушалась реальная правильность предложения. Затем то же сделаем и по отношению к другим элементам данного предложения; для анализа возьмем достаточно много предложений данного языка (т. е. достаточно много разных окружений).

Тогда служебные элементы рассматриваемого языка разобьются на пересекающиеся группы элементов, которые могут заменять друг друга в определенной позиции (пересекающиеся группы взаимозаменяемых элементов)[27].

Постулируем, что отношение взаимозаменяемости транзитивно[28]. Очевидно также, что оно симметрично и рефлексивно. Тогда

---

[24] В терминах математической лингвистики (теоретико-множественной концепции языка) это значит, что окрестность считается заданной. О понятии окрестности см.: О. С. Кулагина, *Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств*, стр. 203; В. А. Успенский, *К определению части речи в теоретико-множественной системе языка*, стр. 23. Некоторые основания выделения окрестностей приводятся у И. И. Ревзина («Модели языка», § 30).

[25] Понятие нулевого элемента уточняется далее (§ 0.5.1).

[26] Мы сознательно используем здесь некоторые принятые грамматические термины, с тем чтобы непосредственно ниже дать им интерпретацию.

[27] Если некоторый элемент в любой позиции данного языка (т. е. в любом окружении) может быть заменен на определенный другой элемент, первый элемент можно называть **«непротивопоставленным»** по отношению ко второму (в данном классе служебных элементов). Например, взаимно непротивопоставленными (или, во всяком случае, очень близкими к этому) являются, видимо, русские предлоги *в* и *на*. Можно отметить, что взаимная непротивопоставленность служебных элементов (в некотором классе) соответствует «формальной непростоте» оформляемых ими слов в смысле теоретико-множественной концепции языка — см.: О. С. Кулагина, *Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств*, стр. 206; И. И. Ревзин, *Модели языка*, стр. 85—86. (Мы пользуемся термином «формальная простота» для обозначения понятия, которое О. С. Кулагина и И. И. Ревзин называют «простотой»).

[28] Отметим, что, определяя отношение взаимозаменяемости как транзитивное, мы используем (в описываемой процедуре) явление нейтрализации в качестве связующего звена при переходе от одного служебного элемента к другому. Это соответствует общей идее (неоднократно высказываемой в лингвистической литературе последних лет) о возможности использования явления нейтрализации для парадигматического разбиения.

Ср., в частности: «Явление нейтрализации позволяет произвести определенное разбиение множества всех множеств, состоящих из данных элементов» (В. В. Иванов, *Понятие нейтрализации в морфологии и лексике*, стр. 57). Ср. также: «два элемента считаются противопоставленными по одному и только по одному признаку, если, и только если, это противопоставление нейтрализуется» (J. Cantineau, *Les oppositions significatives*).

служебные элементы данного языка разобьются на непересекающиеся классы[29].

При совершении описанных трансформаций необходимо придерживаться следующего правила: каждый раз при изменении служебного элемента необходимо следить, чтобы это изменение было возможным (при сохранении реальной правильности предложения) при достаточно большом количестве сопутствующих корневых элементов, а не зависело от какого-то определенного окружения; другими словами, необходимо, чтобы данное изменение было возможным в достаточно большом количестве случаев, а не в отдельных случаях, которые можно считать исключительными[30].

Относительно корневых элементов языка можно считать, что они вместе составляют один класс элементов.

§ 0.4.1. Пустые элементы. Служебные элементы, класс которых состоит всего из одного элемента (т. е. такие, которые не могут в некоторой определенной позиции быть заменены другими), назовем **пустыми.**

Пример пустого элемента: таджикский показатель изафета *-и* (например, *хонаи калон* 'большой дом'); действительно, его нельзя заменить в предложениях языка.

§ 0.4.2. Категория. Если (и только если) служебные элементы принадлежат одному классу, мы будет говорить, что они выражают какую-то **категорию** (или категории)[31]. Например: класс элементов, выражающих категорию числа[32].

Из сказанного следует, что два служебных элемента, относящихся к разным классам служебных элементов одного и того же слова[33] (т. е. такие, которые не имеют свободной вариации в некоторой позиции[34]), не могут выражать одну категорию[35].

Служебные элементы одного класса могут выражать как одну категорию, так и несколько категорий. Например, в рус-

---

[29] По известной теореме теории множеств (теорема формулируется следующим образом: «Всякое отношение эквивалентности, установленное между элементами множества *M*, удовлетворяющее свойствам рефлексивности, симметрии и транзитивности, определяет разбиение множества *M* на классы попарно-эквивалентных между собой элементов»). Доказательство этой теоремы см., например, в кн.: П. С. Александров, *Введение в теорию групп,* стр. 120—122.

[30] Исключительными в данном случае можно считать такие предложения (удовлетворяющие данному условию), которые можно перечислить в языке — ср. общее понимание исключительных случаев выше, стр. 66.

[31] Отсюда следует, что пустые элементы не могут выражать категорий.

[32] Можно говорить также: класс элементов, выражающий категорию числа.

[33] Формальное определение слова дается ниже (§ 0.7).

[34] См. § 0.4.

[35] Это положение соответствует, как кажется, и традиционному пониманию категорий; можно, видимо, показать, что если два непустых элемента, относясь к одному слову, не варьируются свободно в некоторой позиции, они либо выражают разные категории, либо являются дополнительными дистрибуционными вариантами.

ском языке показатели числа, падежа и др. у имени существительного составляют один класс; таким образом, один класс соответствует здесь нескольким категориям. В то же время в агглютинативных языках каждый класс служебных элементов соответствует одной какой-то категории[36].

Можно предположить, что для того, чтобы выделить категории, надо описать служебные элементы одного класса наиболее простым образом (в смысле М. Халле)[37].

О формах какой-нибудь категории мы можем говорить, как о «категориальных формах»[38]. «Категория», далее, используется как общий термин, не противопоставленный «категориальной форме» (последний термин может использоваться для уточнения).

Разделение служебных элементов на классы и выделение категорий считается известным для языка[39].

§ 0.5. Обязательные и факультативные служебные элементы. Если служебный элемент можно опустить в предложении без нарушения реальной правильности этого предложения, говорим, что этот элемент употребляется **факультативно** (в данном предложении). В противном случае говорим, что служебный элемент употребляется **обязательно** в предложении[40].

---

[36] Подробно об этом дальше (§ 2.3, § 3.1.3).

[37] Наиболее простым считается описание, которое обходится наименьшим числом дифференциальных признаков (см. M. Halle, *On the role of simplicity in linguistic descriptions*).

[38] Термин А. И. Смирницкого (см. А. И. Смирницкий, *Синтаксис английского языка*). Например, «число» есть категория, а «множественное число» — категориальная форма.

[39] К традиционному (более узкому) пониманию категории можно приблизиться, если ввести требование регулярности соответствия единиц плана выражения (элементов) каким-то единицам плана содержания. Это требование, однако, выходит за пределы принимаемых нами исходных допущений; поэтому мы ограничиваемся данным пояснением. (Понятие «категории» потребуется нам для определения агглютинативных языков — см. § 3.1.3; для решения прочих типологических задач, ставящихся в настоящей работе, можно было бы обойтись понятием «класса служебных элементов»).

Определение категории с обращением к плану содержания см. З. М. Волоцкая и Т. Н. Молошная, *О некоторых понятиях морфологии*, стр. 161, 162.

[40] Очевидно, можно показать разницу между предлогом и омонимичным ему наречием (типа: *I laughed* at *him* и *He was laughed* at) в английском языке как разницу между обязательным и факультативным употреблением одних и тех же элементов. В самом деле, употребление элемента в функции предлога — обязательно, а употребление этого же элемента без вводимого слова — факультативно (факультативно употребляемый элемент получает здесь ударение, поскольку он менее предсказуем — и, соответственно, несет больше информации, — чем элемент, употребляемый обязательно).

То же может быть отнесено и к скандинавским языкам (ср. характерный пример из датского, где один и тот же элемент используется снача-

Так можно различать конкретные служебные элементы (элементы-события). Для того чтобы перейти к характеристике абстрактных служебных элементов (элементов-схем), надо рассмотреть употребление того или иного элемента в языке (т. е. во всех предложениях языка).

Служебные элементы, которые всегда употребляются факультативно в языке, называем **факультативными** служебными элементами. Факультативными, таким образом, называются служебные элементы, которые всегда могут быть устранены из предложения без нарушения его реальной правильности. Например: элементы, выражающие род в английском; уменьшительность в русском; число в японском и индонезийском; будущее время в кетском языке; различные категории в аморфных языках; падеж (направительный и объектный) в древнееврейском; рефлексивность, итеративность, интенсивность в эсперанто и т. д.

Все эти категории выражаются факультативными элементами. Если их убрать (и устранить вызванные ими автоматические структурные изменения), реальная правильность предложения не нарушится.

Нефакультативные служебные элементы назовем **обязательными.** Тем самым обязательными являются элементы, необходимые для построения реально правильного предложения.

Таким образом, обязательные служебные элементы могут употребляться как обязательно, так и факультативно в некотором контексте (предложении). (Например, в русском сочетании *на столе и на стуле* повторение предлога факультативно[41]). Вместе с тем факультативные служебные элементы по определению всегда употребляются факультативно в предложении: если хотя бы в одном предложении данный служебный элемент употребляется обязательно, значит, он — обязательный служебный элемент.

Классы обязательных служебных элементов выражают какие-то **необходимые категории,** т. е. информацию, которая обязательно присутствует в предложениях языка (соответственно, про них всегда можно сказать что-то определенное в высказывании).

Далее нас будут почти исключительно интересовать обязательные служебные элементы (в дальнейшем говоря: «служебный элемент», мы имеем в виду: «обязательный служебный элемент»; факультативные служебные элементы оговариваются особо). При этом в основном мы будем рассматривать обязательное употребление служебных элементов.

ла факультативно, а непосредственно после — обязательно: *Hvordan skulde da dette hjerte strække* til til *at frelse menneskers liv!).*

[41] Т. е. второй конкретный элемент *на* употребляется факультативно.

Таким образом, прежде всего будут рассматриваться минимальные (необходимые и достаточные) условия реальной правильности предложения (в то же время всегда может быть указана возможность факультативной вставки служебных элементов). Различение обязательных и факультативных служебных элементов имеет непосредственное значение для выделения нулевых элементов (см. § 0.5.1) и — в связи с этим — для определения слова (см. § 0.7) [42].

§ 0.5.1. Нулевой элемент. Можно принять, что **нулевой** элемент (значимое отсутствие элемента) может выделяться только среди обязательных непустых служебных элементов (так как только, если категория необходимо присутствует в языке, само отсутствие элемента, ее выражающего, определенным образом говорит о ее значении; и наоборот: отсутствие элемента лишь тогда значимо, когда мы предполагаем, что категория, им обозначаемая, должна быть обязательно как-то выражена) [43].

Различение нулевого элемента и отсутствия факультативного элемента имеет следующий реальный смысл.

В плане содержания: различаются случаи, когда отсутствие показателя несет определенную информацию (например, в английском отсутствие показателя числа у существительного есть признак единственного числа), и случаи, когда отсутствие показателя не несет никакой информации (например, в индонезийском отсутствие показателя числа никак не специфицирует значение существительного, которое может быть по смыслу и в единственном и во множественном числе).

В плане выражения: нулевой элемент противопоставлен другим элементам в некотором классе взаимозаменяемых служебных элементов [44] и не может быть произвольным образом заменен во всяком предложении; в то же время фа-

---

[42] Поскольку различение обязательных и факультативных элементов и элиминация факультативных элементов производятся в предварительном анализе языка (предшествующем типологическому анализу), эти операции основываются на более подробном уровне «реальной правильности» предложения (см. § 0.3).

О возможности иного (более общего) подхода к различению обязательных и факультативных служебных элементов, основывающегося на понятии «грамматической правильности» при выделении факультативных элементов, см. Приложение IV («Об одной более общей грамматической модели», стр. 228—231). Там же рассматриваются некоторые изменения в результатах анализа, следующие за принятием этого более общего подхода.

[43] См.: И. А. Мельчук, *К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике*, стр. 29, 30; О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина, *О точных методах исследования языка*, стр. 34, 35; Б. А. Успенский, *Типологическая классификация языков как основа языковых соответствий*, стр. 53.

[44] О противопоставленности служебных элементов в классе см. § 0.4.

культативные элементы всегда можно опускать в предложении без нарушения его реальной правильности (по определению) [45].

Аналогичная проблема (дифференциации различных видов невыражения) существует и на других уровнях (например, в фонологии [46]). Можно утверждать, что различение видов невыражения существенно и вообще для семиотики [47].

Определение нулевого элемента и различение видов невыражения имеет большое значение при грамматическом анализе. Определение грамматической правильности предложения очень часто сводится к расстановке и различению нулей различных видов [48]. Определение нулевого элемента имеет также первостепенное значение для выделения слова в языке (в системе, а не в тексте [49]) — см. ниже, § 0.7.

§ 0.6. Структура некоторой последовательности элементов (структурная конструкция). **Структура** некоторой последовательности элементов (или **структурная конструкция**) определяется как последовательность классов (определенных единиц: элементов, слов и др.) — в отличие от последовательности некоторых данных элементов [50]. Так, фра-

---

[45] Разницу между нулевым элементом и отсутствием факультативного элемента можно охарактеризовать в глоссематических функциях: *или-или* и *и-и* (т. е. в терминах разделительной дизъюнкции и конъюнкции). См. L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*, § 11.

Факультативные служебные элементы тем самым по некоторым свойствам близки к лексическим.

[46] В фонологии необходимо различать нуль, выражающий отсутствие некоторого дифференциального признака (обозначается: —), и нуль, выражающий отсутствие противопоставления по данному признаку (обозначается: 0) (см. E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, *Towards the logical description of languages in their phonemic aspect*, § 2; С. К. Шаумян, *Проблемы теоретической фонологии*, стр. 144, 145).

[47] Например, в некоторых обществах неношение обручального кольца является «нулевым знаком» (в указанном смысле): оно несет информацию, что данная особа не состоит в браке.

В других же обществах неношение обручального кольца не несет никакой информации относительно того, жената ли данная особа, поскольку ношение его, будучи женатым, факультативно.

[48] Ср. H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description*, Ch. I.

[49] Т. е. для выделения абстрактного слова (слова-схемы). При выделении конкретного слова (слова-события) понятие нулевого элемента не требуется (ср. стр. 65, сн. 30).

[50] Слово «структура» употребляется в лингвистике также в сочетании «структура языка» — в значении, отличающемся от приведенного (именно это значение данного слова и использовалось во «Вводной части» настоящей работы в связи с определением понятия «структурный»).

В тех случаях, когда возможно неоднозначное понимание, мы будем пользоваться термином «структурная конструкция» (вместо: «структура»). Вместо сочетания «структура языка» мы говорим далее: «язык» (см. определение в § 0.1).

за[51] языка может быть представлена (на различных уровнях рассмотрения) как цепочка элементов[52] или как структура — т. е. последовательность классов элементов[53] или классов слов[54] (или классов каких-нибудь других единиц).

§ 0.6.1. Отношения в предложении или структуре. Если из наличия какого-то класса Y в некоторой структуре можно предсказать наличие в ней класса Z, но не наоборот, мы говорим, что Y **относится** к Z (в этой структуре). То же говорим мы и о конкретных членах этих классов — элементах (или сочетаниях элементов) y класса Y ($y \in Y$) и z класса Z ($z \in Z$): мы говорим, следовательно, что y относится к z во фразе, соответствующей данной структуре. (Например, служебный элемент может относиться к корневому, прилагательное — к существительному и т. д.)

Можно говорить вообще, что Y относится к Z (в языке), если Y относится к Z во всех структурах (т. е. во всех предложениях) данного языка.

Мы будем считать известным, чтó к чему относится (в данной структуре, данном предложении или данном языке). Можно говорить соответственно, что мы знаем функцию элементов (сочетаний) или классов в предложении, структуре предложения или языке (о понятии функции более подробно и в более общем плане см. § 0.9).

§ 0.6.1.1. Связки. Среди служебных элементов выделим такие, которые всегда в равной мере относятся к нескольким корням в предложении (т. е. не могут относиться только к одному какому-либо корню в предложении). Элементы такого типа можно назвать **связками**. Соответственно (и это является формальным признаком таких элементов), если производить свертывание[55] до какого-нибудь корневого элемента, к которому относится служебный элемент-связка, элемент-связка пропадает (отсутствует в свернутой конструкции). Если же производить свертывание так, чтобы элемент-связка оставался в свернутой конструкции, последняя содержит не менее двух корневых элементов[56]. К связкам относят-

---

[51] Под «фразой» можно понимать некоторое конкретное предложение языка или его часть.

[52] См. § 0.2.

[53] Т. е. последовательность классов корневых элементов и различных классов служебных элементов, выделяющихся в языке.

[54] О классах слов см. ниже, § 0.7.1.

[55] О свертывании см. ниже, § 0.8.

[56] Таким образом, мы не можем свернуть грамматически правильную последовательность со связкой в грамматически правильную последовательность, содержащую всего один корневой элемент и связку среди служебных элементов.

ся такие служебные элементы, как союзы (разных языков), соединительные гласные (например, русские соединительные гласные *-о-*, *-е-*, чукотская соединительная гласная *-ы-*) и некоторые другие.

В дальнейшем, при формулировании различных отношений в языке (в частности, отношений эквивалентности [57]), мы будем, как правило, отвлекаться от существования связок. (Предполагается, что можно наперед дать некоторые общие для данного языка правила, обусловливающие появление связок в определенных структурных позициях). В то же время возможность вставки связок будет учитываться.

§ 0.7. Слово. **Слово** определяется как сочетание корневого элемента и обязательных служебных элементов [58] (не являющихся связками), которые к нему относятся. Структурно слово представляет собой сочетание типа *Xnm...*, где *X* — класс корней, а *n*, *m* — классы служебных элементов [59].

Примеры слов: русские — *стола, столом, на столе* [60], английские — *walls, have done*, кетское *dedaqajetin* ('мы-его-посылаем') [61] и т. д. (где элементы: русские *-а, -ом, на — е*; английские *-s, have — ed;* кетские *d-, -q-, -aj-, -et-, -in* [62] — заданы списком в каждом языке и обязательны).

---

[57] См. § 0.8.

[58] При определении абстрактного слова (слова-схемы) должны учитываться и нулевые элементы (см. выше, стр. 83). В дальнейшем, как правило, имеется в виду именно абстрактное слово.

[59] Таким образом, пользуясь традиционной терминологией, можно сказать, что мы оперируем понятием словоформы (при этом абстрактной словоформы — определенной в системе, а не в тексте). Мы не задаемся вопросом: «относятся ли данные словоформы к одному и тому же слову?» (этот вопрос в то же время является одним из самых существенных в типологии, исходящей из слова как единицы соотношения — ср. стр. 53). Традиционное понимание слова (а не словоформы) можно интерпретировать как сочетание конкретизированного корневого элемента *X* и классов служебных элементов *n, m,* которые относятся к *X*. Однако на грамматическом уровне конкретизация корневых элементов бессодержательна (см. § 0.3). В то же время структурное сочетание класса корней (а не конкретизированного корня) *X* и классов *n, m* есть уже модель всего класса слов (см. § 0.7.1), а не индивидуального слова.

[60] Ниже будет определено отличие служебных элементов в словах *на столе* и *стола* (§ 2.2.1). Пока же нам существенно не отличать служебные элементы предложного типа от флексий или др. Аналогичный подход можно обнаружить у Бодуэна де Куртенэ (см. И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Языкознание,* стр. 114).

[61] Примеры из кетского языка здесь и в дальнейшем приводятся по материалам комплексной Кетской экспедиции 1962 г., участником которой был автор; в примерах представлен имбатский диалект кетского языка.

[62] Приводим значения кетских служебных элементов: *d-* — показатель 1-го (и 3-го) лица подлежащего; *-q-* — каузативный элемент; *-aj-* — показатель мужского рода единственного числа дополнения, а также настоящего времени; *-et* — глагольный элемент с неопределенным (видовым) значением; *-in* — показатель множественного числа подлежащего.

Слова некоторых языков могут быть распространены как факультативными служебными элементами, так и корневыми элементами. Например, чукотское *ны-тур-тэн'-тэйкы-к'инэт*[63] ('ново-хорошо-делают'), английские *a brick house, a good man*, русское *столик* — суть распространения слов: *ны-тэйкы-к'инэт* ('делают'), *a house, a man, стол* и, таким образом, представляют образования бо́льшие, чем слова[64].

Выделение слова удобно при описании многих языков, но не всех (так как в предлагаемом определении оно присутствует не во всех языках). Понятие слова удобно, в частности, потому, что при различных трансформациях становится возможным заменять сразу один комплекс элементов на другой (а не по частям).

§ *0.7.1.* Класс слов. Слова в языке распадаются на классы. Структура *Xn* какого-нибудь слова определяет состав **класса слов**, которые могут образоваться по этой структуре путем подстановки возможных членов класса корневых элементов *X* (а их по определению сколь угодно много) и всех возможных членов класса служебных элементов *n*.

Мы будем обозначать элементы, слова, классы элементов или слов общим термином «грамматическая единица» (или «единица»).

§ *0.8.* Эквивалентность. Две грамматические единицы (или последовательности таких единиц) называем **эквивалентными**, если мы умеем заменять их друг на друга в любом предложении данного языка, не нарушая его грамматической правильности.

В более строгом виде определение эквивалентности можно сформулировать следующим образом.

Говорим, что две грамматические единицы (или сочетания единиц) находятся в отношении «эквивалентности 1-го ранга», если

---

[63] Примеры из чукотского заимствуются из работ П. Я. Скорика (П. Я. Скорик, *Грамматика чукотского языка*, ч. I; его же, *Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация*; его же, *Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений)*.

Автор благодарен П. И. Инэнликэю за консультации по вопросам грамматики чукотского языка.

[64] Как можно видеть, предлагаемое понимание слова отличается от обычного. Слово (точнее: словоформу) в обычном понимании можно будет ближе определить как сочетание корневого элемента и относящихся к нему обязательных служебных элементов — «аффиксов» (определение см. в § 2.2.1) и факультативных служебных элементов (подробнее см. в § 2.2.2, сн. 39).

Заметим вместе с тем, что данное определение слова содержательно совпадает, по-видимому, с пониманием слова как предельного (потенциального) минимума предложения (в работах Г. Свита, Э. Сепира, Л. В. Щербы), т. е. минимальной свертываемой (см. § 0.8) единицы (ср. В. В. Виноградов, *О формах слова)*.

всегда (т. е. в любом окружении) возможна их взаимная замена и при этом не нарушается грамматическая правильность предложения[65].

Говорим, что две грамматические единицы (или сочетания) находятся в отношении «эквивалентности 2-го ранга», если, зная отношения эквивалентности 1-го ранга (и прибегая к соответствующим трансформациям), мы всегда можем заменить эти единицы друг на друга в предложениях данного языка без нарушения грамматической правильности последних.

Говорим, что две грамматические единицы (или сочетания) находятся в отношении «эквивалентности *n*-го ранга», если, зная отношения эквивалентности *n* — *1*-го ранга (и прибегая к соответствующим трансформациям), мы всегда можем заменить эти единицы друг на друга в предложениях данного языка без нарушения грамматической правильности последних.

Говорим, что две грамматические единицы (или сочетания) «эквивалентны», если между ними имеет место отношение эквивалентности любого ранга.

Принимается, что если мы знаем язык, нам известны отношения эквивалентности для этого языка.

Различается эквивалентность двух взаимоисключающих типов[66]:

1. Эквивалентность, на основании которой можно производить **свертывание** и **развертывание** конструкции. Отношения эквивалентности такого типа имеют вид $YZ \leftrightarrow Z$, т. е. одна часть формулы включает в себя другую; можно говорить, что компонент *Y* (который не повторяется в обеих частях формулы) о т н о с и т с я[67] к компоненту *Z* (повторяющемуся в обеих частях формулы), или о п р е д е л я е т *Z*. Например, формула $AN \leftrightarrow N$[68] означает, что существительное может быть развернуто в сочетание существительного с прилагательным, и наоборот: сочетание существительного с определяющим его прилагательным может быть свернуто до существительного.

2. Эквивалентность, на основании которой можно производить **субституцию**; сюда относятся все отношения эквивалентности, которые формулируются иначе, чем указано выше. Например, эквивалентность элементов в слове или слов в

---

[65] Отметим, что данное определение отношения эквивалентности 1-го ранга построено формально аналогично определению отношения взаимозаменяемости, приведенному выше (см. § 0.4) с той, однако, разницей, что в настоящем определении используется квантор всеобщности, а в определении взаимозаменяемости — квантор существования.

[66] Ср. различение эндоцентрической и экзоцентрической конструкций в дескриптивной лингвистике; эндоцентрической называется конструкция, которая равна по функции одному из своих компонентов; экзоцентрической называется конструкция, в которой не выделяются непосредственно составляющие (см. L. Bloomfield, *Language*, p. 194; там же отмечается, что эндоцентрические конструкции более показательны для языка).

[67] Ср. § 0.6.1 (употребление глагола «относиться»).

[68] Систему записи см. ниже (в конце главы «Исходные понятия», стр. 94—95).

предложении; эквивалентность $Nless \leftrightarrow A$ (в английском языке), (V+причастный показатель) $\leftrightarrow A$ (в разных языках)[69].

Отношения эквивалентности первого типа (свертывания и развертывания) представляются более показательными для характеристики языка. На более общем уровне анализа (в частности — при типологической характеристике языков) можно ограничиться исследованием отношений свертывания и развертывания; отношения субституции могут быть указаны особо (дополнительно) для каждого данного языка.

Отношения эквивалентности в языке могут описываться на уровне элементов и на уровне классов. Эквивалентность отдельных элементов в языке может быть задана их непосредственным указанием — т. е. указанием, какие элементы (сочетания) эквивалентны друг другу; эквивалентность с участием классов задается в виде общих **правил эквивалентности.**

Далее будут рассматриваться в основном п р а в и л а э к в и в а л е н т н о с т и д л я с в е р т ы в а н и я и р а з в е р т ы в а н и я. (Говоря: «правило эквивалентности», мы имеем в виду в дальнейшем «правило эквивалентности для свертывания и развертывания»; правила эквивалентности для субституции оговариваются специально).

Во всех языках, по-видимому, действует следующее правило эквивалентности для свертывания и развертывания: $Z_1 \alpha Z \leftrightarrow Z$ (где Z_1 и Z могут быть корневыми элементами или словами одного класса, а α — союз[70]); по этому правилу в

---

[69] При условии соблюдения последовательности свертывания (т. е. если предварительно свернуть до глагола все, чем он определяется). При этом последовательное свертывание представляет собой «грамматическое понимание» (т. е. понимание функции элементов на грамматическом уровне). Возможность разного понимания определяется возможностью применить разный порядок свертывания.

Соответственно, если говорится, что какая-нибудь структура **многознач-**, это значит, что над ней могут быть произведены разные по порядку операции. При этом для многозначных структур удается обычно найти в речи хоть одно предложение, которое может быть по-разному понято [так, английское предложение *He gave up smoking* (структура *NVVing*) может быть понято двояко в зависимости от того, относят ли (и, соответственно, свертывают) *smoking* к *gave up* или к *he*].

[70] **Союзы** можно определить вообще как служебные элементы (связки), которые связывают эквивалентные друг другу элементы или сочетания так, что образующаяся группа (союзное сочетание) эквивалентна любому из исходных компонентов.

Иначе говоря, союзом называем элемент α — такой, что действуют условия: $Z \leftrightarrow Y$, $Z\alpha Y \leftrightarrow Z$, $Z\alpha Y \leftrightarrow Y$.

При этом союзы могут соединять (в данном сочетании) и неэквивалентные друг другу члены (поэтому правило эквивалентности в тексте сформулировано более широко, чем приведенные условия). В частности, можно утверждать, что союзы могут соединять различные слова одного класса слов (в том числе отличающиеся по своим формам).

В реальных языках союзы могут легко опускаться и в этом случае никак материально не выражаются (заметим, что в письменном русском

любом языке предложение может быть развернуто в сколь угодно длинное за счет союзов, и напротив, любое союзное сочетание может быть свернуто до члена этого сочетания. Поскольку можно принять, что союзы наличествуют в любом языке, их присутствие в отдельных языках или языковых типах не будет специально оговариваться при характеристике языка или типа. Однако возможность свертывания и развертывания при помощи союзов будет учитываться.

Зная какое-нибудь предложение языка и отношения эквивалентности, мы можем образовывать всевозможные сочетания, всякий раз утверждая, что в речи возможно хоть одно предложение, соответствующее образованной структуре. При этом длина порождаемых таким образом предложений не ограничена; ее предел можно считать бесконечным в том смысле, что любое предложение некоторой конечной длины, как бы длинно оно ни было, можно всегда развернуть в еще более длинное[71]. (При этом не все правила эквивалентности позволяют неограниченное развертывание; специально об этом см. § 0.8.1.)

§ 0.8.1. Типы связи. Для характеристики правил эквивалентности для свертывания и развертывания (по их применению) мы вводим понятие **типа связи**, выражаемого тем или иным правилом (интерпретируя — в используемых нами терминах — традиционные понимания различных типов синтаксической связи).

Мы используем следующие критерии при различении и характеристике типов связи:

а) ограниченность развертывания при данном типе связи: возможно ли бесконечное развертывание конструкции при помощи правила, выражающего данный тип связи (т. е. возможно ли бесконечное циклическое обращение к данному правилу)[72];

языке союзом является запятая). Мы можем проверять, имеет ли место союзное сочетание путем вставки союзов.

[71] Так, в старом маньчжурском письменном языке предложения могли достигать длины нескольких десятков страниц (что считалось особым достоинством канцелярского стиля); их длина не была как-либо ограничена (см. О. П. Суник, *Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков,* стр. 47); примером предложения практически неограниченной длины может служить детское стихотворение «Дом, который построил Джек» (ср. И. И. Ревзин, *Модели языка*, стр. 140). Наконец, реальный порождаемый текст действительно бесконечной длины представляет собой стихотворение «У попа была собака...» [показательно, что это стихотворение возможно записать лишь так, как записывают периодические дроби в математике — вводя многоточие (т. е. ссылаясь на индукцию)].

[72] Иначе говоря: можно ли (в каждом отдельном случае) формально ограничить применение правила эквивалентности для свертывания и развертывания (т. е. правила вида $YZ \leftrightarrows Z$) при развертывании конструкции — или же возможно всякий раз, последовательно подставляя сочета-

б) ограниченность свертывания при данном типе связи: возможно ли свертывание конструкции до любого члена при помощи правила, выражающего данный тип связи.

В результате получаем следующие определения.

Координационный тип связи характеризуется как такой, при котором конструкция может быть свернута до любого ее компонента; в то же время развертывание при данном типе связи может быть неограниченно длинным. Формально можно опознать (в тексте) конструкцию с координационным типом связи через наличие союзов или возможность их вставки [73].

При атрибутивном и комплетивном типах связи конструкция может быть свернута до какого-то определенного (а не любого) ее компонента. Но при **атрибутивном** типе связи развертывание может быть как угодно длинным (поскольку количество определений не может быть формально ограничено); при **комплетивном** же типе связи развертывание невозможно вовсе или ограничено [так, количество дополнений (например, при развертывании глагола) всегда ограничено [74] — или же можно утверждать, что дополнения связаны каким-то иным типом связи, например, координационным или атрибутивным [75]]. Можно предложить соответ-

---

ние *YZ* вместо *Z*, получать сколь угодно длинную последовательность *YYY...Z*?

[73] Эту трансформацию (вставки союзов) следует производить на уровне реальной правильности предложения, а не его грамматической правильности.

При более подробном уровне рассмотрения (чем тот, который применяется в настоящей работе), ближе отражающем языковую действительность, целесообразно было бы использовать критерий тождественности значения при трансформации вставки союзов (для определения координационного типа связи в тексте). Например, в сочетании *датская научная мысль* можно вставить союз, но образующееся сочетание *датская и научная мысль* не тождественно исходному; ср. сочетание *бледное взволнованное лицо,* где вставка союза не меняет значения. Можно, видимо, предложить соответствующие трансформации для формального применения этого критерия.

Если же основываться только на уровне реальной правильности предложения (как это делается здесь), большинство сочетаний такого рода будет отнесено к координационным; это, однако, не должно сказаться на результатах дальнейших рассуждений.

[74] Ср. M. A. K. Halliday, *Categories of the theory of grammar.*

[75] Иначе говоря, если в результате развертывания имеется длинная последовательность дополнений (*N*) при глаголе (*V*), которая может быть неограниченно продолжена (т. е. сочетание: *VNNNN...),* можно утверждать, что развертывание происходит не за счет непосредственного наращения дополнений при глаголе, а путем развертывания одного из дополнений при глаголе в атрибутивное или координационное сочетание (которые, по определению, могут быть как угодно длинными). Таким образом, мы утверждаем в этом случае, что при развертывании было применено не только правило *VN*↔*V* (выражающее комплетивный тип связи), но

ствующие трансформации для формального опознания этих типов связи в тексте.

Последовательно также выделить и тип связи, при котором конструкция может быть свернута до любого ее члена (как при координационном), но развертывание ограничено (как при комплетивном типе). Такой тип связи можно называть **аппозитивным.** В самом деле, в конструкциях с приложением всегда можно опустить любой компонент; в то же время при помощи приложения конструкцию нельзя развернуть в неограниченно длинную.

Предикативный тип связи характеризуется прежде всего невозможностью свертывания.

Исходя из данных определений типов связи можно формально определить и соответствующие члены предложения. Заметим, что обычно применяется обратный порядок, когда типы связи определяются через члены предложения; однако определение самих членов предложения основывается тогда на внелингвистических критериях [76].

Мы говорим о сочетаниях (конструкциях), в которых выражен координационный, атрибутивный, комплетивный, предикативный, аппозитивный тип связи, соответственно как о **координационных, атрибутивных, комплетивных, предикативных, аппозитивных** сочетаниях (конструкциях). Конструкцию, где имеет место только предикативный тип связи, можно называть также **ядерной** конструкцией.

Характеристика правила эквивалентности для свертывания и развертывания определяется тем типом связи, который оно выражает; соответственно определяется и применение данного правила. Так, правило $VN \leftrightarrow V$ [77] (выражающее комплетивный тип связи) относится к числу ограниченно применимых, а правила $AN \leftrightarrow N$ и $Y\alpha Z \leftrightarrow Z$ (выражающие атрибутивный и координационный типы связи) — к числу бесконечно примени-

---

и правило $NN \leftrightarrow N$ (выражающее координационный или атрибутивный типы связи).

Заметим, что данные определения типов связи не опираются на понятия тех или иных классов слов (частей речи) — последние используются лишь для иллюстрации тех или иных типов связи. Определения различных классов слов будут даны ниже (в § 7).

[76] В общем аналогичный подход можно, видимо, найти у некоторых древнегреческих грамматиков (в частности, у Аполлония Дискола). Ср. следующее замечание М. Н. Петерсона: «Аполлоний спрашивает, не из каких частей составлено предложение, но — как соединяются слова в предложении. Он ничего не говорит о субъекте и объекте, предикате и атрибуте. Вместо этого у него говорится только об отношении между словами» (см. М. Н. Петерсон, *Русский язык,* стр. 68; там же и далее о соответствии идей Аполлония Дискола современным синтаксическим идеям).

[77] Мы будем обозначать комплетивную связь в правилах эквивалентности формулами вида: $ZY \leftrightarrow Z$ [т. е. определяющий компонент (Y) в комплетивном сочетании (ZY) ставится после определяемого (Z)].

мых[78]. Это позволяет упорядочить применение правил — в частности, регламентировать порядок применения правил при свертывании.

Отношения (неэквивалентности), выражающие предикативный тип связи, могут быть уподоблены отношениям эквивалентности и записаны в аналогичном виде. Например, предикативное сочетание (ядерная конструкция) структуры *NV* может быть записана в виде: *NV*↮*V*,*N V*↮*N* или короче: *NV*↮*N*,*V*[79]. Соответственно отношения такого вида на некотором уровне абстракции уподобляются правилам эквивалентности для свертывания и развертывания и вместе с ними условно обозначаются далее как таковые (т. е. как «правила эквивалентности»)[80]. Однако в первую очередь под правилами эквивалентности будут иметься в виду, естественно, правила собственно свертывания и развертывания.

§ 0.9. Ф у н к ц и я. Мы говорим, что знаем **функцию** единицы (сочетания единиц), если известно, к чему она о т н о с и т с я или что о п р е д е л я е т[81] (может относиться или определять) или что к ней относится или ее определяет (может относиться или определять) — в предложении или в языке[82]. Говорим соответственно, что единица (сочетание единиц) *Z* обладает той же функцией, что и единица (сочетание) *Y*, если *Y* можно подставить вместо *Z* [в данном предложении (структуре предложения) или вообще в языке (т. е. в любом предложении языка или его структуре)][83]. Функция грамматической единицы может быть описана через отношения эквива-

---

[78] К правилам бесконечного применения относятся вообще все правила, выражающие атрибутивный или координационный типы связи. Развертывание при помощи остальных правил — ограничено.

[79] Формулами последнего вида (типа: *YZ*↮*Y*, *Z*) можно условиться обозначать предикативную связь.

[80] На том основании, что, хотя правило типа *YZ*↮*Y,Z* и показывает неэквивалентность правой и левой частей, эту неэквивалентность можно рассматривать как частный случай эквивалентности.

При необходимости уточнения мы можем говорить о правилах собственно свертывания и развертывания (или: правилах свертывания и развертывания в собственном смысле слов) и о правилах эквивалентности, выражающих предикативный тип связи.

[81] В смысле § 0.6.1 или § 0.8.

[82] Отметим, что высказывания: «к чему относится (что определяет) данная единица» или «что относится к данной единице (что ее определяет)» — соответствуют рассмотрению функции единиц как в предложении, так и в языке (т. е. как конкретных, так и абстрактных единиц).

В то же время высказывания вида: «к чему может относиться данная единица (что она может определять)» или «что может относиться к данной единице (что может ее определять)» — соответствуют рассмотрению функции единиц в языке (т. е. абстрактных единиц).

[83] Под функцией, таким образом, понимается прежде всего свойство (данной единицы), а не объект. Употребление этого термина тем самым отличается от математического; в то же время именно такое понимание более характерно для лингвистической литературы (ср., в частности, М. Н. Петерсон, *Очерк синтаксиса русского языка*, стр. 33—34; H. J. Uldall, *Outline of glossematics*, p. 8).

лентности. При этом отношения субституции говорят о равенстве функций; для описания самих функций достаточно указания на отношения свертывания и развертывания.

Выше (§ 0.6.1.) говорилось, что функция единицы в предложении[84] считается известной; она всегда может быть конкретно указана (например, всегда можно указать функцию конкретного элемента в предложении[85]). Точно так же может быть указана и функция единицы в языке[86]; при этом можно говорить о некоторой специальной функции данной единицы (например, утверждая, что она может определять какую-то другую единицу в языке) или описывать функцию данной единицы полностью (перечисляя все ее специальные функции в языке).

Мы будем рассматривать в основном функции единиц в языке, т. е. абстрактных единиц (случаи, где это не так, будут оговорены особо).

Всякое значение в работе сведено к функциональному.

§ 0.9.1. Выражение функции единиц на грамматическом уровне. Таким образом, под функцией понимается абстрактное грамматическое значение данной единицы. Информация о функции единицы и есть собственно грамматическая (синтаксическая — в семиотическом смысле этого слова) информация о роли этой единицы в предложении или в языке.

О функции абстрактной единицы можно говорить только, если она как-то формально выражается в данной единице[87]. Если формальные характеристики двух единиц совпадают, эти единицы не могут различаться по функции (на данном уровне описания).

На грамматическом уровне функция абстрактных единиц (в частности, слов) может выражаться лишь в служебных элементах (в самом деле, корнèвые элементы не различаются на грамматическом уровне).

В то же время информацию о функции единицы мы считаем наиболее существенной грамматической информацией, которая должна сохраняться на грамматическом уровне. Поэтому, если на реальном уровне рассмотрения некоторая функция слова (т. е. информация о связи слов, несоблюдение которой мы рассматриваем как нарушение грамматической правильности предложения) регулярно выражается в корневом элементе (данного слова)[88], то при переходе на

---

[84] Т. е. конкретной единицы, единицы-события.

[85] Ср. J. H. Greenberg, *Essays in linguistics*, p. 14.

[86] Т. е. абстрактной единицы, единицы-схемы.

[87] Вместе с тем функция конкретной единицы может выражаться позицией в предложении (ср. стр. 65, сн. 30).

[88] Если данная функция так выражается нерегулярно (т. е. выражается лишь в определенных корневых элементах), то такие корневые элементы можно считать служебными.

грамматический уровень эту функцию необходимо выразить некоторым (условным) служебным элементом — с тем, чтобы при этом переходе не терялась собственно грамматическая информация [89].

Функция слова может выражаться обязательным служебным элементом некоторого класса, т. е. элементом, выражающим какую-то необходимую категорию [90] (необходимые категории, присущие данному классу слов в отличие от других, и могут обозначать некую общую функцию слов этого класса), и/или обязательным пустым элементом [91]. На грамматическом уровне пустые элементы не несут иной информации, кроме выражения функции.

* * *

ЗАМЕЧАНИЯ ПО СИСТЕМЕ ЗАПИСИ

1. Общие замечания

Фразы языков записываются как цепочки элементов. При этом корневые элементы обозначаются символом (X), а служебные элементы записываются в их конкретном виде. Служебные элементы записываются на эмическом уровне, т. е. произведен дистрибутивный анализ, восстановлены и дополнены случаи эллипсиса, семантически и статистически выделяющиеся слова аномальной структуры заменены на их структурные эквиваленты.

Запись линейна: например, фузия и умляут разлагаются в последовательность [арабское слово представлено как корень + огласовка (+ изменение структуры породы, если необходимо)]; редуплицированная форма записывается как корневой элемент + служебный элемент, обозначающий повторение (как это и делается в индонезийской орфографии).

Фразы языков могут записываться и как структуры, т. е. как последовательности классов (а не конкретизированных элементов или сочетаний).

---

[89] В частности, если некоторая категория (например, род) выражается в языке не морфологически, а только синтаксически — например в согласовании с другими словами (мы сознательно используем здесь термины в их традиционном смысле), то на грамматическом уровне надо либо не считать соблюдение этого согласования необходимым для грамматической правильности предложения, либо выразить данную категорию специальным (условным) служебным элементом. В первом случае теряется информация о функции слова; поэтому мы выбираем второе решение (ср. примечание о категории рода в § 0.3, сн. 20).

[90] См. определение категории (в § 0.4.2) и необходимой категории (в § 0.5).

[91] Например, элементы, образующие функцию наречия (русск. *-о*, эспер. *-е*, англ. *-ly* и фр. *-ment*); причастные и деепричастные формы, обозначающие атрибутивную функцию глагола; герундиальные формы; эспер. *-а*, *-о*, обозначающие функции прилагательного и существительного; многочисленные элементы, образующие имя от глагола в турецком; суффиксы «nomina agentis» с аналогичной функцией и т. д.

2. Символы

Используются следующие символы для формализованной записи:

$\leftrightarrow$ «эквивалентно»,

$\not\leftrightarrow$ «неэквивалентно».

Класс корней и классы слов обозначаются прописными буквами: X — класс корней (в слове или отдельно), N соответствует существительному, A — прилагательному, V — глаголу, Adv — наречию.

Служебные элементы записываются в их конкретном виде (*a-*, *the-*, *bi-*, *-еньк-* и т. д.) или строчными буквами для обозначения класса (α — союз, n, m — какие-то классы служебных элементов).

Правила эквивалентности для свертывания и развертывания записываются (в зависимости от выраженного в них типа связи):

$YZ \leftrightarrow Z$ — правила с атрибутивным типом связи и немаркированные;

$ZY \leftrightarrow Z$ — правила с комплетивным типом связи;

$YZ \leftrightarrow Y, Z$ (или: $YZ \not\leftrightarrow Y, YZ \not\leftrightarrow Z$) — правила с предикативным типом связи;

$Y \alpha Z \leftrightarrow Y, Z$ (или: $Y \alpha Z \leftrightarrow Y$, $Y \alpha Z \leftrightarrow Z$) — правила с координационным типом связи.

ГЛАВА 2

УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ ТРАДИЦИОННОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

§ 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как было уже до некоторой степени показано во «Вводной части», традиционная морфологическая классификация характеризуется многими существенными недостатками [1]; эти недостатки лишь отчасти преодолеваются в современных ее интерпретациях. К основным недостаткам традиционной морфологической классификации относятся нечеткость терминологии и отсутствие разграничения критериев классификации (стремление классифицировать одновременно по нескольким критериям и совмещать в одном термине несколько значений).

Результатом является возможность разного определения одних и тех же языков. Например, могут смешиваться инкорпорирующие и агглютинативные языки [2], инкорпорирующие и аморфные языки [3], флективные и агглютинативные языки [4],

[1] Ср. также критику Сепира (Э. Сепир, *Язык*, стр. 95 и сл.).

[2] Так, алеутский язык рассматривался как инкорпорирующий и как агглютинативный (ср. В. И. Иохельсон, *Унанганский (алеутский) язык* и Г. А. Меновщиков, *Эскимосско-алеутские языки*).

Так же и с эскимосским языком.

[3] См. В. З. Панфилов, *К вопросу об инкорпорировании*, где автор отождествляет инкорпорацию и примыкание. В то же время явления аморфных языков иногда рассматриваются как инкорпорации (см. А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов, *Грамматика современного китайского языка*, стр. 240—263).

[4] Семитские языки (в частности, арабский), которые традиционно считаются флективными, в последнее время все чаще рассматривают как агглютинативные (в связи с современным пониманием минимальной грамматической единицы) — см.: И. А. Мельчук, *О термине «внутренняя флексия» в связи с агглютинацией* (ср. также И. А. Мельчук, *О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках)*; В. П. Старинин, *Структура семитского слова;* C. E. Bazell, *Linguistic typology*, p. 17. Акад. Ф. Ф. Фортунатов во многом предвосхитил эту тенденцию, отнеся (в 1892 г.) семитские языки к «флективно-агглютинативному» типу (см. Ф. Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение*, стр. 153—154).

С другой стороны, есть определенная тенденция рассматривать языки банту (традиционно относимые к агглютинативному типу) как флективные — см. работы К. Дока (например, C. M. Doke, *Bantu languages, inflex-*

агглютинативные и аморфные языки [5] и т. д. [6]. Некоторые причины такого смешения (различной интерпретации одних языков) мы рассмотрим ниже (§ 3.3).

Между тем традиционная морфологическая классификация имеет рациональное зерно. Введя точную терминологию (как это сделал Э. Сепир) и изменив ее согласно некоторым указанным выше принципам, можно получить надежный способ описания и деления языков.

Существенной причиной различной интерпретации одних и тех же языков — помимо причин, указанных выше, — является структурная неоднородность самих этих языков. Выше уже указывалось (со ссылкой на Дж. Гринберга), что традиционная морфологическая классификация определяет собственно не языки, а конструкции [7]. В то же время в одном и том же языке может быть несколько структурных конструкций, различных по своей типологической характеристике. Отсюда необходимо сравнение языков по нескольким взаимно дополняющим основаниям, покрывающим как синтагматику, так и парадигматику языков; при этом характеристику в терминах традиционной морфологической классификации (или ее интерпретации) целесообразно принять за основную (по причинам, рассматриваемым ниже), а остальные характеристики — за дополнение ее [8].

Далее мы предлагаем некоторую интерпретацию традиционной морфологической классификации (через классификацию элементов); затем, оперируя полученными терминами, мы покажем возможность перехода от структур одного типа к структурам другого типа и, таким образом, подойдем к вопросу о структуре языка-эталона (метаязыка).

Для решения этих задач мы обратимся прежде всего к классификации элементов.

---

ional with a tendency towards agglutination), В. Скалички (см. V. Skalička, *Über die Typologie der Bantusprachen)*.

О структурной близости языков агглютинативного и флективного типов см., в частности, L'. Novák, *Základná jednotka gramatického systému a jazyková typologia*, s. 9 sq. Ср. также точку зрения тех исследователей (например, Е. Д. Поливанов), которые отождествляют агглютинативные и аналитические языки (см. ниже, § 3.3.4).

[5] Так, А. Соммерфельт считает, что в языке аранта (который обычно относят к агглютинативным языкам) не различаются части речи, и говорит о самостоятельном значении суффиксов этого языка (см. A. Sommerfelt, *La langue et la société*, pp. 75, 109, 187).

Ср. также точку зрения лингвистов, отождествляющих аморфные (изолирующие) и аналитические языки (см. ниже, § 3.3.4).

[6] Язык эсперанто может быть определен как аналитический, агглютинативный или аморфный — факт в некотором отношении замечательный, ибо д-р Заменгоф создавал свой язык, исходя из данных флективных языков, но предельно развил их возможности, устранив всяческие ограничения.

[7] См. стр. 48.

[8] См. § 5.2; там же в связи с этим см. о принципиальной ограниченности традиционной морфологической классификации.

§ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ

§ 2.1. В результате указанных выше процедур [9] предложения разных языков предстают как цепочки элементов — именно, как определенные последовательности элементов I (корневых) и II (служебных).

Элементы I и II как-то сочетаются друг с другом. При этом, по определению, элементы I сочетаются с конкретным списком элементов (II), а элементы II могут сочетаться с любым элементом класса корневых элементов (I). Таким образом, элементы II маркированы и образуют необходимое грамматическое оформление фразы в языке.

§ 2.2. Выше было отмечено, что всякое значение элементов сведено к функциональному (§ 0.9). Будем сравнивать элементы разных языков по их значению (функции), т. е. по критерию «с чем они сочетаются?», «что они определяют (оформляют)?» /«чем они определяются (оформляются)?» [10] или «к чему они относятся?» /«что к ним относится?» (последние выражения принимаются за синонимичные).

§ 2.2.1. Элементы II-го порядка (служебные) [11] распадаются на две взаимоисключающие группы [12]:

Группа II 1: элементы, которые оформляют какое-нибудь слово, но которых недостаточно для оформления любого сочетания, образуемого развертыванием этого слова. Таким образом, распространение эквивалентными сочетаниями может (хотя бы в одном случае) происходить вне комплекса, оформленного элементами данной группы.

Например:

а) определяются корневые элементы: *стол-**а**↔больш-ого стол-**а**↔стол-**а** и стул-а* и т. д.;

б) определяются сочетания корневых и служебных элементов: *ех-ал-**а**↔ех-ал-**а** и чит-ал-а* и т. д.

В примерах выделенные элементы II 1 [показатели паде-

---

[9] См. систему терминов и допущений (§ 0).

[10] Глаголы «определять» и «оформлять» дифференцируются следующим образом. Говорим, что *a* определяет *b* [где *a* и *b* — элементы или сочетания элементов, причем *a* относится (в смысле § 0.6.1) к *b*], если *a* не входит в состав *b*. В то же время, когда говорится, что *a* оформляет *b*, не исключается возможность вхождения *a* в состав *b*.

[11] Исключая связки (см. § 0.6.1.1). Отнесение некоторого элемента к связкам мы считаем характеристикой функции данного элемента.

Напомним также, что факультативные служебные элементы были исключены из рассмотрения (§ 0.5); мы рассматриваем, следовательно, только обязательные служебные элементы.

[12] Такое деление иллюстрируется на материале разных языков в Приложении III («Классификация служебных элементов разных языков»), стр. 223—227 наст. изд.

жа (*-а*) и рода (*-а*)] оформляют не больше, чем слово, к которому они принадлежат, но не оформляют всего сочетания, принятого за эквивалентное; другие слова также оформлены элементами II 1. Таким образом, этот случай выражается отношением:

$$Zn \leftrightarrow Z_1 n_1 Zn \leftrightarrow Z_2 n_2 a Zn\ldots,$$

где *n* — элемент II 1, а *Z* может быть непосредственно корневым элементом или сочетанием корневого и служебного (служебных) элементов (т. е. может быть чистым или оформленным корнем).

Элементы II 1 можно называть **аффиксами.**

Группа II 2: элементы, которые оформляют как какое-нибудь слово, так и любое сочетание, образуемое развертыванием этого слова. Таким образом, распространение эквивалентными сочетаниями происходит внутри комплекса, оформленного элементами данной группы.

Например:

а) определяются корневые элементы:

чукотск. ***ны**-лк'ыт-**к'инэт***↔***ны**-йык'-ы-лк'ыт-**к'инэт***↔
'ходят' 'быстро-ходят'
ны**-гытг-ы- йык'-ы-лк'ыт-**к'энат и т. д.
'озеро- быстро-ходят'
(т. е. 'к озеру')

б) определяются сочетания корневых и служебных элементов: ***на** стол-е*↔***на** хорош-ем стол-е*↔***на** стол-е и стул-е* и т. д.

В обоих случаях подчеркнутый элемент II 2 [чукотский конфикс *ны — к'инэт/к'энат*[13] со значением 3 лица множественного числа II-го настоящего времени (как переходного, так и непереходного глагола) и русский предлог *на*] вводит корень (чистый или оформленный), который может быть расширен за счет эквивалентных сочетаний. Существенно, что элемент II 2 при этом не повторяется обязательно[14] и определяет всю группу.

Элемент II 2 может и повторяться; тогда вопрос ставится так: если есть выражение:

$$Z_1 n\ \ Z_2 n\ \ Z_3 n\ldots,$$

будет ли грамматически правильным выражение

$$Z_1\ \ Z_2\ \ Z_3\ldots n$$

(где *Z* — чистый или оформленный корень). Так, в турецком можно сказать:

*Çocuk**lar**, kadın**lar** ve ihtiyar**lar***
'дети, женщины и старики',

---

[13] *К'инэт* и *к'энат* суть сингармонические варианты.

[14] Это значит, что если некоторый конкретный элемент II 2 (соответствующий данному абстрактному) и повторяется, то повторение его факультативно (в смысле § 0.5).

но столь же правильно и выражение:

*Çocuk, kadın ve ihtiyar**lar**,*

где показатель множественного числа *-lar* определяет всю группу (так сказать, выносится за скобку [15]).

Ср. в датском:

Far(s) og Mors Bryllupsdag,

где посессивная частица *-s* может повторяться, но может и быть опущена.

То же возможно и в нивхском языке, где «за скобку» могут быть вынесены показатели падежа. Сказанное относится и к предлогам большинства языков, которые могут повторяться, но могут и употребляться однажды (но не к французским предлогам, повторение которых в некоторых случаях обязательно [16]).

Таким образом, этот случай выражается отношением:

$$Zn \leftrightarrow ZZn \leftrightarrow ZZZn...,$$

где n — элемент II 2, а Z может быть непосредственно корневым элементом или сочетанием корневого и служебного (служебных) элементов (т. е. может быть чистым или оформленным корнем).

Элементы II 2 можно называть **частицами** [17].

§ 2.2.1.1. Указанный критерий: «что оформляет данный элемент» (некоторое определенное слово или же все сочетание) — легко определяется на практике следующим образом.

Пусть $Y \leftrightarrow ZY$, где Y слово структуры Xn, а Z может быть корнем, чистым или оформленным некоторым обязательным служебным элементом. Требуется определить, что оформляет служебный элемент n: только ли слово Y или все сочетание ZY [18].

Рассмотрим следующие возможные случаи:

А. Z — чистый корень (сочетание ZY представляет тогда последовательность XXn). Тогда мы можем считать, что n оформляет все сочетание ZY.

Б. Z — корень, оформленный тем же элементом n, что и определяемое им слово Y: т. е. оформляющий служебный элемент повторяется (обязательно) при распространении Y на эквивалентное ему ZY. Тогда считаем, что элемент n оформляет не больше, чем данное слово (Y).

---

[15] Ср. вынесение за скобку в математике.

[16] См. об этом несколько ниже, § 2.2.1.2.

[17] Некоторые вопросы, отчасти сходные с изложенными выше, ставятся Л. Ельмслевом в работе: *Sur l'indépendance de l'épithète* (ср. также рецензию В. Н. Топорова на эту работу).

Ельмслев также рассматривает вопрос, относится ли данный служебный элемент к определенному слову или к целой группе, когда данное слово распространено определениями. Путь к решению проблемы указывается в частном случае, когда определяемое и определение склоняются асимметрично [нейтрализуясь различным (несимметрическим) образом].

[18] Если Z — оформленный корень, и служебный элемент n оформляет только слово Y, но не все сочетание ZY, то Z есть слово.

В. Z — корень, оформленный другим каким-то служебным элементом (не элементом n). Тогда смотрим, насколько форма Z зависит от формы Y. Это проверяется изменением формы Y: т. е. заменой элемента n другими элементами того же класса служебных элементов. Если при такой замене форма Z остается без изменения (служебный элемент, оформляющий Z, не изменяется), делается вывод, что n оформляет все сочетание ZY; если это верно для любого сочетания, эквивалентного Y, значит, n — элемент II 2. Если же можно найти такой случай, когда форма Z изменяется в зависимости от изменения n, заключаем, что n оформляет только Y, т. е. является элементом II 1. В этом случае можно говорить, что служебные элементы, оформляющие Y и Z, **связаны** (в данной конструкции). Говорим вообще, что два служебных элемента **связаны**, если изменение одного из них — замена на другой элемент того же класса служебных элементов — может, хотя бы в одном предложении, повлечь обязательное изменение другого[19].

Таким образом, на уровне выражения служебные элементы выделенных типов характеризуются следующими свойствами[20].

Элементы II 1 — обязательно повторяются сами или требуют других элементов (с которыми связаны) — хотя бы в одной из эквивалентных конструкций.

Элементы II 2 — не повторяются обязательно и не требу-

---

[19] Служебные элементы могут быть связаны при этом как в слове, так и в конструкции (сочетании слов). В первом случае связаны служебные элементы, оформляющие одно и то же слово (например, предлог и управляемая им флексия); во втором случае связаны служебные элементы, оформляющие разные слова (например, окончания прилагательного и существительного в русском языке).

Необходимо отметить, что при решении сформулированного выше вопроса («что оформляет данный элемент?») мы исходим только из случаев непосредственной связи элементов, оформляющих разные слова. Например, рассматривая эквивалентные сочетания: ***для друг-а*** ↔ ***для хорошего друг-а***, мы не считаем, что предлог (*для*) и окончание прилагательного (*-его*) связаны непосредственно (при том, что изменение одного может вызвать изменение другого), так как данные элементы связаны в конструкции лишь постольку, поскольку окончание существительного *-а* (непосредственно связанное с окончанием прилагательного) связано в слове с предлогом (управляется им). (Сказанное легко проверяется соответствующими трансформациями.) Можно говорить, что указанные два элемента (*для-* и *-его*) связаны в данной конструкции опосредственно, а непосредственно связаны лишь элементы *-его* и *-а*. Из этого примера видно, между прочим, что отношение «непосредственной связанности» нетранзитивно (в отличие от общего отношения «связанности»).

В тексте (настоящего параграфа) мы всюду имеем в виду непосредственную связь служебных элементов в конструкции.

[20] Данные выше определения (см. § 2.2.1) характеризуют элементы по их абстрактному значению на грамматическом уровне (функции) и относятся тем самым к плану содержания.

ют присутствия других элементов — ни в одной из эквивалентных конструкций.

Имея это в виду, дадим следующие эксплицитные определения (на уровне выражения), обусловливающие трансформации для проверки принадлежности служебного элемента к тому или иному типу.

Служебный элемент *n*, оформляющий какое-то слово *Y*, относится к типу II 1, если, и только если, имеется такое сочетание *ZY*, развертываемое из *Y*, что *Z* обязательно оформляется тем же элементом *n* или другим служебным элементом, связанным с *n*.

В противном случае, — если такого сочетания в языке нет, — элемент *n* относится к типу II 2.

Таким образом, для определения функции данного служебного элемента *n*, входящего в слово *Y*, необходимо рассмотреть все сочетания, развертываемые из *Y* (что неосуществимо практически) — или рассмотреть все правила эквивалентности для свертывания и развертывания для слова *Y* (что практически уже вполне осуществимо) [21].

§ *2.2.1.2.* Итак, чтобы отнести служебный элемент *n* к группе II 1, достаточно доказать, что *n* не есть элемент II 2. Напротив, чтобы оценить служебный элемент *n* как II 2, надо проверить его на всех правилах эквивалентности, данных для языка (так, элемент *-а* в русском *стол-а* может оформлять сочетание *стол-**а** учителя,* которое эквивалентно *стол-**а***; одна-

[21] Далее будет показано, что специфика правил эквивалентности слов для данного языка, а также их количество определяются прежде всего тем, какие классы слов выделяются в данном языке (см. ниже, § 5, § 7). Там же исследуется зависимость между классами слов в языке и правилами эквивалентности слов для этого языка и описываются правила эквивалентности для языков с различными классами слов. На основании этого для каждого данного языка можно в принципе задавать алгоритмические правила для определения функции служебного элемента и, соответственно, его типа.

Существенно отметить также, что можно вводить количественные характеристики, вычисляя степень удаления функции данного элемента II 1 от функции элемента II 2. Она определяется количеством операций по превращению данного элемента II 1 в элемент II 2 (это количество различно для различных элементов II 1). Для этого можно отбрасывать последовательно одно за другим правила эквивалентности, характеризующие функцию данного служебного элемента, и проверять, насколько при этом изменяется степень его связанности в языке. Ср. в этой связи нашу работу: *О сосуществовании грамматических структур в языке (Расчленение языка на элементарные структуры и возможность типологической характеристики последних).*

Отметим, наконец, что практически целесообразно проверку на правила эквивалентности начинать с развертывания через союзное сочетание.

ко из этого еще не следует, что *-а* — элемент II 2: этому противоречит, в частности, сочетание *больш-ого стол-**а**)* [22].

Тем самым элементы II 2 («частицы») маркированы среди служебных.

К элементам II 2 относятся, например, следующие служебные элементы.

А. Артикли многих языков. Например, английский артикль; он может определять не только класс существительных *N*, но и любое сочетание, эквивалентное *N*: так, если имеем *a N (a choice)* и известно, что *AN* ↔ *N*, то можно образовать сочетание *a AN* (*a happy choice*). Так же во французском и многих других языках.

Однако арабский артикль принадлежит к группе II 1 — он необходимо повторяется при распространении *N* на эквивалентное *NN* (при согласовании). Ср. арабск.:

'arrağulu** ↔ **'arrağulu-lmarīḍu [23]

и соответствующие англ.:

***the** man ↔ **the** sick man.*

Ср. артикли скандинавских языков, часто также принадлежащие к группе II 1. Ср. соответствующие датские (с препозитивным артиклем) и английские распространения:

Датский	Английский
***et** hus ↔ **et** stort hus*	***a** house ↔ **a** large house*
***det** hus ↔ **det** store hus*	***the** house ↔ **the** large house*

Так же и артикли немецкого языка.

Б. Предлоги и послелоги многих языков (например, предлоги русского, английского или послелоги турецкого языка), но не всех. Так, французские предлоги относятся к элементам II 1; ср.:

***à** la table ↔ **à** la bonne table*, но: ***à** la table et **à** la chaise* (предлог обязательно повторяется).

Можно предположить, что и в русском языке предлог был когда-то элементом II 1. На это может указывать, в частности, характерное повторение предлога в былинах и древних грамотах (акад. А. А. Шахматов писал, что повторение предлога в двинских грамотах происходит «при каждом, или почти при каждом от зависящих от него слов», отмечая, что предлог не повторяется при определении, только если «это определение срослось с именем в более или

---

[22] Понятно, что в рамках настоящей работы, характеризуя некоторый элемент как элемент II 2, мы не можем приводить эквивалентные сочетания, иллюстрирующие все правила эквивалентности в данном языке; поэтому мы ограничиваемся лишь характерными примерами (которые служат как иллюстрации, но не имеют доказательной силы).

В то же время любой пример, показывающий функцию II 1 некоторого элемента, может служить доказательством для отнесения данного элемента к этому типу.

[23] Выделен артикль *al* (перед *r* ассимиляция *al*>*ar*; в поствокальной позиции гласная артикля пропадает во избежание зияния).

менее постоянное соединение»[24]). Повторение предлога сохраняется в языке фольклора и в некоторых диалектах[25].

По-видимому, различение элементов II 1 и II 2 может служить одним из критериев (достаточных, но не необходимых) при разграничении предлогов и падежных показателей[26].

В. Служебные элементы, образующие — в совокупности с некоторыми другими (оформляющими их) служебными элементами — так называемые служебные слова разных языков[27]. Например, русский служебный элемент *буд-* в оформлении элементов II 1 (показателей лица/числа) образует служебные слова (словоформы): *буду, будешь* и т. д., которые в сочетании с инфинитивом выражают будущее время. Данный элемент характеризуется как элемент II 2; ср.:

***буду** читать* ↔ ***буду** много читать* ↔ ***буду** читать и писать* и т. д.

Ср. элементы, образующие так называемые вспомогательные глаголы многих языков.

Аналогична функция элементов *k-, s-, wāl-* в хинди, которые, оформляясь элементами — показателями рода/числа, образуют так называемые адъективизирующие частицы [*kā* (*kī, ke*), *sā* (*sī, se*), *wālā* (*wālī, wāle*)][28].

---

[24] А. А. Шахматов, *Исследование о двинских грамотах XV в.*, стр. 139—140.

[25] См. Н. П. Гринкова, *Некоторые случаи повторения предлогов в кировских диалектах.*

[26] Обыкновенно предлог (послелог) отличают от падежного показателя на основании возможности вставки самостоятельного слова (атрибута) между ним и словом, к которому он относится. Соответственно производится и определение предлога (послелога). Во многих случаях, однако, этот критерий неприменим: например, в языках с постпозицией служебного элемента и препозицией атрибута (так в тюркских или финно-угорских языках) невозможность вставки сама по себе ничего не говорит (ср. П. С. Кузнецов, *Морфологическая классификация языков,* стр. 22). Предлагаемый критерий [различение элементов II 1 и II 2 и отнесение предлогов (послелогов) к последним] представляется более универсальным в этом отношении.

При дальнейшем, более полном определении предлога (послелога) — и, соответственно, более точном разграничении предлога (послелога) и падежного показателя — следует, как кажется, исходить из критерия «формальной простоты» в смысле теоретико-множественной концепции языка (см. И. И. Ревзин, *Модели языка,* стр. 85—86; ср. выше § 0.4, сн. 27): падежные показатели характеризуются простотой оформляемых ими слов, предлоги (послелоги) — неустранимой непростотой.

Представляется, что любого из этих двух условий достаточно, чтобы служебный элемент определить как предлог или послелог, а не как падежный показатель.

[27] «Служебные слова», таким образом, представляют определенную совокупность служебных элементов: их структура аналогична структуре обычного слова, но на месте корневого элемента стоит некоторый служебный элемент типа II 2.

[28] Показатели рода/числа *-ā, -ī, -e* в хинди относятся по своей функции к элементам II 1. Ср. те же элементы у прилагательных: *baṛā* 'большой',

Г. Многие служебные элементы турецкого языка.

Ср: *ne yiyor*, *ne içiyor*, *ne de söyliyordu*
'он не ел, не пил и не говорил',

где элемент *-du* (показатель прошедшего времени) определяет все три глагольные формы, соединенные союзом (*ne... ne... ne de*).

Многие служебные элементы английского языка (относящиеся к имени) [29]. Например, посессивная частица *-s*; ср.:
the man, whom I saw yesterday's son.
Ср. аналогичное употребление соответствующей частицы в датском языке:

Den mand jeg så på gadens datter
Det er dem, der ikke kom's egen skyld,

где элемент *-s* определяет всю предшествующую распространенную группу [30].

Очень многие служебные элементы тибетского языка и т. д.

Д. Наконец, служебные элементы инкорпорирующих языков. Помимо уже приведенного примера из чукотского языка, ср. также [31]:

*орв-ы-н'элг-***ын** ↔ *тор-орв-ы-н'элг-***ын** ↔
букв.: 'нарто-ремень' 'ново-нарто-ремень'
↔ *майн'ы-тор-орв-ы-н'элг-***ын** и т. д.
'больше-ново-нарто-ремень'
('большой новый нартовый ремень')

---

bar̥ī 'большая', *bar̥e* 'большие', *bar̥ā acchā* 'очень хороший' (букв. 'большой хороший'), *bar̥ī acchī* 'очень хорошая' (букв. 'большая хорошая'). Повторение данных элементов обязательно.

[29] Подробнее о них см. ниже, § 5.

[30] Интересно, что разные скандинавские языки не вполне типологически идентичны в отношении использования данного элемента (*-s*). Ср. параллельные конструкции в датском и шведском языках (с одинаковым значением принадлежности):
датск. *kongen af Danmark***s**
шведск. *konungen***s** *av Danmark.*

Оба выражения равно означают: 'короля Дании' (в Genetivus possessivus). Как можно видеть, подчеркнутый элемент присоединяется в датском к концу всей группы, а в шведском — к определяемому (центральному) слову (см. P. Diderichsen, *Elementær dansk Grammatik*, s. 111—112).

При более детальном типологическом анализе можно было бы заключить, что в датском языке данный элемент более свободен.

[31] Примеры, приведенные выше (§ 2.2.1), иллюстрируют инкорпорацию в чукотском глаголе. Настоящий пример иллюстрирует инкорпорацию в чукотском имени. Определение «инкорпорации» см. непосредственно ниже.

Выделенный показатель абсолютного падежа *-ын* — элемент II 2[32].

Вообще, **«инкорпорация»** (как грамматический способ) может быть определена через наличие элемента II 2[33], а **«инкорпорирующий»** (язык) может быть определен как язык с инкорпорацией корней (т. е. такой, где элементы II 2 определяют не сочетания слов, но непременно сочетания корней).

В настоящей работе мы разграничиваем термины «инкорпорация» /«инкорпорирующий», с одной стороны, и «полисинтетизм»/ «полисинтетический» — с другой.

Под первыми имеется в виду — в соответствии с только что данной интерпретацией — комплексное оформление (нескольких слов или корней).

Термины «полисинтетизм» /«полисинтетический» понимаются в смысле Э. Сепира[34]: «полисинтетические» языки (конструкции) противопоставляются «синтетическим» и «аналитическим» языкам (конструкциям) и основываются, таким образом, на исходном понятии слова (словоформы), а не элемента (в самом деле, критерием различения здесь является то, сколь много различных грамматических понятий выражается в пределах словоформы)[35]. Тем самым данная классификация, как исходящая из другого критерия, оказывается дополнительной по отношению к той, которая строится в терминах предлагаемой теории[36].

Причины частого смешения обоих понятий в лингвистике возможно, между прочим, усмотреть и в том, что полисинтетизм можно рассматривать как инкорпорацию местоименных элементов[37].

---

[32] Ср. также многочисленные примеры из разных палеоазиатских и индейских языков в статье: Г. М. Корсаков, *Инкорпорирование в палеоазиатских и североамериканских индейских языках (Общая характеристика по материалам гиляцкого, чукотского, корякского языков и языка дакота.)*

[33] Аналогичную трактовку можно обнаружить у Бодуэна де Куртенэ: формы *в-ломберном-столе, в-этом-моем-ломберном-столе* рассматриваются как инкорпорации (см. И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Языкознание*, стр. 114).

[34] См.: Э. Сепир, *Язык*, стр. 100; E. Sapir, *The problem of noun incorporation in American languages*, pp. 250—252. Ср. также: A. L. Kroeber, *Noun incorporation in American languages*.

[35] К «полисинтетическим» относятся, например, такие языки, как кетский, абхазский (ср. Б. А. Успенский, *Замечания по типологии кетского языка*).

[36] Подробнее об этом см. ниже, § 3.3.4.

[37] Ср.: E. Sapir, *The problem of noun incorporation in American languages;* A. L. Kroeber, *Noun incorporation in American languages*. Подобное различение инкорпорирующих и полисинтетических языков последовательно проводилось в работах акад. И. И. Мещанинова (см., например, И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, стр. 33—38; автор пользуется, однако, термином «синтетизм» для обозначения «полисинтетизма»).

Ср. также работы Л. И. Жиркова, где «инкорпорация» (т. е. включение неместоименных основ) понимается как частный случай «полисинтетизма» в широком смысле (под которым автор понимает любое включение — как местоименное, так и неместоименное). См.: Л. И. Жирков, *К вопросу о слове-предложении в полисинтетических языках;* Л. И. Жирков, *Лингвистический словарь*, стр. 46.

Таким образом, характерная для инкорпорирующих языков структура *XXn*, где *n* — грамматическое оформление, типологически соотносится с английской, например, структурой *of XX* (*of stone wall*); т. е. аффиксы инкорпорирующих языков не отличаются по функции от английских (или иных) предлогов (а также английских артиклей и т. д.) [38].

§ *2.2.2.* Элементы I-го рода (корневые) можно классифицировать в зависимости от того, с какими служебными элементами они сочетаются.

Элементы I 1 (**основы**): сочетаются с элементами II 1 и II 2 (и таким образом образуются слова):

русск. *стол-* в ***стол**-у*

англ. *a **wall***

чукотск. *ны-**тэйкы**-к'инэт* ('делают'; *ны—к'инэт* — конфикс 3-го лица мн. числа II-го наст. времени);

и т. д.

Элементы I 2 (**чистые корни**): не сочетаются непосредственно со служебными элементами.

Сюда относятся, например:

а) корневые элементы аморфных языков, которые грамматически не оформляются;

ср. вьетнамск.: chồng chết
букв. 'муж умирать'
('муж умер')

б) примыкающие корневые элементы инкорпорирующих языков, за счет которых структура *Xn* может быть развернута в *XXn*, в *XXXn* и т. д. (где *X* — корень, а *n* — грамматическое оформление); ср. приведенный пример из чукотского языка. Так, может оказаться, что при помощи служебных элементов оформляется не один какой-нибудь корень, а целая совокупность корней; ср.:

a stone wall
*ны-**тур-тэн'-тэйкы**-к'инэт*
'ново-хорошо-делают'.

В этой совокупности корней один какой-то корень обязательно принадлежит к типу I 1, т. е. может употребляться в том же грамматическом оформлении самостоятельно (здесь: *wall, тэйкы*) — в противном случае всю совокупность корней надо было бы рассматривать как один корень (типа I 1); данный корень требует при этом обязательного грамматическо-

[38] См. Приложение IV «Об одной более общей грамматической модели» (стр. 229—230) о большем распространении элементов II 2 — и, соответственно, инкорпорирующих языков — при несколько более общем подходе, исходящем всего лишь из одного уровня грамматической правильности.

го оформления во фразе. Остальные же корневые элементы получают грамматическое оформление только в совокупности с этим корнем (в данной фразе) и суть элементы I 2.

Мы будем считать словом (уточняя понимание слова, определенное в § 0.7) такое сочетание элементов (корневого и относящихся к нему служебных), в котором корневой элемент получает функцию I 1, т. е. требует обязательного грамматического оформления. Сочетание корневого элемента, не требующего (в данной позиции) обязательного грамматического оформления со служебными, не является словом (ср. ниже, § 3.1. 2. 1)[39].

Применение данной классификации корневых элементов на грамматическом уровне осложняется следующим обстоятельством. Мы не можем (на грамматическом уровне) различать по функции корневые элементы в языке (т. е. абстрактные корневые элементы[40]), поскольку по определению (грамматической правильности) корневые элементы языка можно как угодно заменять друг на друга в любом предложении (данного языка) без нарушения его грамматической правильности[41]. Следовательно, все абстрактные корневые элементы совпадают по функции в языке[42]. В самом деле, на грамматическом уровне бессмысленно говорить о функции отдельного (абстрактного) корневого элемента: мы можем заменить его на любой другой.

Такой подход может, однако, иметь смысл при несколько ином уровне рассмотрения (не основывающемся на принимаемом здесь понимании «грамматической правильности»). Тогда корневые элементы языка распадаются по своей функции на непересекающиеся классы (скажем, именные, глагольные, адвербиальные и т. д.).

---

[39] Слово (словоформу) в традиционном понимании можно интерпретировать как сочетание элемента I 1 и относящихся к нему элементов II I и факультативных служебных элементов.

В более широком понимании словами являются и элементы I 2 — такие, которые вообще не имеют грамматического оформления во фразе (ни сами по себе, ни в совокупности с другими элементами того же типа); тогда в разряд слов попадают и корневые элементы аморфных языков.

Наконец, еще более широкое понимание слова объявляет словами и сочетания корней, оформляемых в совокупности служебными элементами; тогда в разряд слов попадают различные инкорпоративные комплексы, образования типа *stone wall*, сложные слова и т. д.

Отметим, что общую часть всех трех определений составляет определение слова как совокупности элемента I 1 и относящихся к нему элементов II 1 и факультативных служебных (т. е. первое из данных определений входит и во все последующие).

[40] О разграничении абстрактных и конкретных единиц (единиц-схем и единиц-событий) см. выше, стр. 52.

[41] См. систему терминов (§ 0.3).

[42] Соответственно, один и тот же абстрактный корневой элемент может выступать и как чистый корень (I 2) и как основа (I 1) — но один и тот же служебный элемент может быть либо элементом II 1, либо элементом II 2. Принцип взаимоисключения по отношению к абстрактным корневым элементам неприменим на грамматическом уровне.

При этом могут различаться языки, имеющие всего один класс корневых элементов, и языки, имеющие их несколько.

К первым относятся как собственно аморфные языки (в традиционном понимании) — типа вьетнамского, так и языки с неограниченной конверсией — типа английского, эсперанто, кхмерского. Вообще, этот признак (наличие всего одного класса корневых элементов) может считаться критерием аморфности при данном подходе.

Ко второму типу — языков с несколькими классами корневых элементов — относятся все прочие языки; при этом могут различаться языки с двумя, тремя и более классами.

Описанный подход оказывается дополнительным по отношению к принятому в настоящей работе (поскольку исходит из иной системы понятий).

Вместе с тем мы можем, пользуясь данной классификацией, определять функцию конкретных корневых элементов в предложении (а не в языке).

Говоря о наличии в языке корневых элементов того или иного вида, мы условимся иметь в виду не сами эти элементы, а их функции; тогда мы переходим на абстрактный уровень рассмотрения явлений в языке, а не в предложении. Если говорится, например, что в языке имеются элементы I 2, это означает, что в языке есть возможность выражения функции конкретного элемента I 2 [т. е. что в языке есть некоторая структурная позиция (окружение), в которой корневые элементы получают функцию элементов I 2].

Для того чтобы объединить обе классификации элементов (служебных и корневых), мы будем вообще, говоря о присутствии в языке элементов того или иного типа (I 1, I 2, II 1 или II 2), иметь в виду не сами эти элементы, а соответствующие функции (т. е. возможность выражения в языке тех или иных функций). При этом распространенность некоторого типа служебных элементов (т. е. распространенность соответствующей функции) определяется количеством служебных элементов в языке, имеющих соответствующую функцию; распространенность некоторого типа корневых элементов определяется количеством структурных позиций в языке, в которых подставляемый корневой элемент имеет соответствующую функцию.

§ 2.3. Служебные элементы можно делить на а н а л и т и ч е с к и е и с и н т е т и ч е с к и е в зависимости от того, выражают ли они одну или несколько категорий, выделяющихся в данном языке (это деление отчасти соответствует делению агглютинации и фузии, данному Э. Сепиром [43]).

Если множества служебных элементов, относящиеся к различным категориям (одного и того же слова), не пересекаются (они образуют тогда разные классы служебных элементов), каждый служебный элемент выражает одну категорию. Служебные элементы такого типа называем **аналитическими.**

---

[43] Э. Сепир, *Язык*, стр. 103.

Если же эти множества пересекаются (они образуют тогда один класс служебных элементов[44]), служебные элементы пересечения относятся одновременно ко всем пересекающимся категориям, т. е. выражают разные категории. Служебные элементы такого типа называем **синтетическими**[45].

В первом случае можно говорить, что между данными элементами — т. е. аналитическими — и данными категориями (категориальными формами) имеет место одно-однозначное соответствие.

Во втором случае между данными элементами — т. е. синтетическими — и данными категориями (категориальными формами) нет одно-однозначного соответствия.

§ 2.4. Между обеими классификациями служебных элементов (по их функции и по их аналитизму/синтетизму) существует некоторая связь. Именно, можно утверждать, что синтетические служебные элементы бывают представлены обычно аффиксами (элементами II 1), а не частицами (элементами II 2). Эту типологически вероятную (хотя и не обязательную) связь можно объяснить на основании следующего рассуждения.

Если сравнить аналитические и синтетические элементы — при одинаковых выражаемых категориях и прочих равноправных условиях — по их функции в различных предложениях языка (по тому, что они оформляют: только ли некоторое определенное слово или все сочетание, образуемое развертыванием этого слова), то окажется, что там, где аналитический служебный элемент может оформлять все развертываемое сочетание, синтетизм служебных элементов очень часто обуслов-

---

[44] Поскольку свойство «быть элементом одного класса» транзитивно (см. § 0.4).

[45] Деление на аналитические и синтетические служебные элементы определенным образом связано с традиционным различением аналитических и синтетических языков. Действительно, для аналитического языка (конструкции) характерен аналитизм элементов. Так, служебный элемент, образующий в аналитической конструкции «служебное слово», относится, как правило, к элементам II 2 (см. § 2.2.1.2); в то же время последние суть обычно аналитические элементы (см. об этом § 2.4).

Далее мы увидим (см. § 3.3.4), что имеются существенные основания для отнесения аналитических языков к агглютинативным (как это и делал Е. Д. Поливанов — см. там же); при этом в агглютинативных языках служебные элементы, по определению, должны быть аналитическими (см. § 3.1.3); можно, следовательно, заключить (при указанном отождествлении), что и в аналитических языках служебные элементы должны быть таковыми.

В дальнейшем мы указываем, когда речь идет об элементах, а когда — о языках (или конструкциях). При этом термин «аналитический/синтетический язык» применяется нами исключительно для ссылки на традиционную классификацию языков. (Как уже говорилось, такое деление языков основывается на исходном понятии слова, а не элемента, и потому оказывается дополнительным по отношению к результатам строимой теории — см. § 2.2.1.2, а также § 3.3.4.)

ливает необходимость специального оформления каждого слова при развертывании. Рассмотрим, при каких условиях аналитический и синтетический служебный элементы могут оформлять не только данное слово, но и все сочетание, развертываемое из этого слова (например, союзное сочетание [46]).

Пусть имеется (в данном языке) слово *Y*, оформленное некоторыми служебными элементами. Развернем слово *Y* в эквивалентное ему союзное сочетание $Y\alpha Z$: $Y \leftrightarrow Y\alpha Z$ (где *Z* — слово того же класса, что и *Y*, т. е. оформленное служебными элементами тех же классов, что и *Y*); при этом *Y* и *Z* могут как совпадать, так и отличаться по выражаемым ими категориям (точнее: категориальным формам).

Представим, что служебные элементы, оформляющие данные слова, суть аналитические служебные элементы, т. е. выражают каждый специальную категорию (категориальную форму). Если слова *Z* и *Y* совпадают хотя бы в одной категориальной форме, то повторение элемента, ее выражающего, не является необходимым с точки зрения передаваемой информации: в самом деле, данный элемент в принципе может быть упомянут однажды, оформляя всю группу [47], без какого-либо ущерба для передаваемой информации.

Представим теперь, что служебные элементы, оформляющие слова *Z* и *Y*, суть синтетические служебные элементы, т. е. выражают каждый несколько категорий. Тогда служебный элемент, оформляющий *Y*, может относится ко всему сочетанию, видимо, только в том случае, если *Z* и *Y* совпадают во всех категориальных формах (тогда оформление обоих слов совпадает, и служебный элемент, их оформляющий, в принципе может быть «вынесен за скобку»). Если же *Z* и *Y* различаются хотя бы в одной категориальной форме (а этот случай более обычный), надо ожидать различное оформление обоих слов [поскольку синтетический служебный элемент, выражающий одну категориальную форму (в которой совпадают данные слова), одновременно выражает и другие категориальные формы (в которых они не совпадают)].

Таким образом, при аналитизме служебных элементов достаточно совпадения слов хотя бы в одной категориальной форме для возможного оформления всего сочетания. При

---

[46] Союзное сочетание берется как наиболее показательное для опознавания элементов II 1: именно при распространении за счет союзов и происходит в большинстве случаев повторение этих элементов.

Аналогичные рассуждения могут быть проведены и в отношении некоторых других эквивалентных сочетаний.

[47] Так сказать, «вынесен за скобку» (ср. § 2.2.1).

Это и происходит реально в агглютинативных языках (в которых служебные элементы характеризуются аналитизмом — см. § 3.1.3); см. примеры в § 2.2.1.

синтетизме служебных элементов для этого необходимо совпадение слов во всех категориальных формах.

Очевидно, что вероятность совпадения синтетических элементов, оформляющих данные слова (развертываемой конструкции), во столько раз меньше вероятности совпадения аналитических элементов соответствующего языка в соответствующей конструкции, сколько категорий выражает данный синтетический элемент. Соответственно при синтетизме служебных элементов учащаются случаи, когда каждое слово требует специального оформления. Действительно, случай совпадения слов во всех категориальных формах относительно редкий; типологически маловероятно, чтобы для столь редкого случая в языке существовала специальная возможность особого грамматического оформления («вынесения за скобку»); далее, если в абсолютном большинстве случаев слово имеет специальное оформление (именно это обусловливается синтетизмом элементов), в языке обычно становится значимым и само отсутствие такого оформления [48].

Показанная связь синтетических элементов и элементов II 1 — типологически вероятная, но не необходимая [49]: в са-

[48] Показанная связь может представлять интерес и с точки зрения диахронической типологии. Переходы от аналитизма к синтетизму служебных элементов или обратно, которые характерны для изменения языка во времени и легко прослеживаются, могут быть связаны с изменением функции служебных элементов (что само по себе в истории языка прослеживается значительно труднее в связи с необходимостью привлечения всех эквивалентных сочетаний для решения вопроса о функции данного служебного элемента — ср. § 2.2.1.1).

С диахронической точки зрения интересна также взаимосвязь фонетических и грамматических изменений; различные ассимиляционные процессы (сандхи) приводят к синтетизму служебных элементов, что в свою очередь может привести к изменению и их функции (от частицы к аффиксу).

[49] Существует также типологически вероятная (хотя и не обязательная) связь между функцией служебного элемента и его выражением (о выражении служебных элементов см. выше, § 0.2.1). Иными словами, можно утверждать вообще, что конкретное выражение (форма) элемента в языке в определенной степени может предопределять возможности его употребления, т. е. его функциональные особенности.

Так, если служебный элемент выражается изменением фонемного состава (например, огласовкой), можно ожидать, что по функции он относится к элементам II 1. Элемент, выражающийся редупликацией, относится обычно к типу II 2 и т. д.

Далее, если рассматривать, например, потенциальную способность того или иного элемента образовывать высказывание (в речи), нетрудно прийти к выводу, что такой способностью в принципе могут обладать лишь элементы со строго определенными морфемными границами (четко выраженной формой). Ср. следующий пример Ф. Боаса: «...утверждение *He sings beautifully* может вызвать реплику *sang*. Склонный к лаконичности человек в ответ на утверждение *He plays well* может даже ограничиться одним окончанием *-ed*, что тем не менее может быть понято его друзьями» (см. Ф. Боас, *Введение к «Руководству по языкам американских индейцев»*, стр. 117). Из данного примера видно, как в одной и той же ситуации в одном случае достаточно произнести морфему, а в дру-

мом деле, можно представить (или построить a priori) случай, когда синтетический элемент относится к группе II 2 по своей функции[50]. Вообще же обе классификации исходят из разных критериев и потому дополнительны по отношению одна к другой.

§ 3. ВОЗМОЖНОСТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВ ЧЕРЕЗ КЛАССИФИКАЦИЮ ЭЛЕМЕНТОВ; ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В ПОЛУЧЕННЫХ ТЕРМИНАХ

§ 3.1. Различные языки можно характеризовать наличием или отсутствием тех или иных групп элементов. Так можно получить некоторую общую классификацию языков, исходящую из изложенной выше классификации элементов (по функции служебных и корневых элементов и по аналитизму/синтетизму служебных)[51].

Подобная классификация может быть квалитативной (тогда регистрируется лишь наличие тех или иных типов элементов в данном языке) и — в более детальном виде — квантитативной. В последнем случае языки сравниваются не только по наличию, но и по характерности тех или иных типов элементов для данного языка. Характерность (или нехарактерность) того или иного типа элементо́в может быть вычислена, поскольку являются конечными как инвентарь служебных элементов в языке, так и количество структурных окружений, в которых конкретный корневой элемент получает функцию того или иного типа[52] (см. § 2.2.2). Соответственно, характерность служебных элементов того или иного типа (например, II 1 или II 2) можно определять, вычисляя отношение одних элементов к другим в языке[53]. Аналогично может исследоваться отношение разных типов корневых элементов в языке.

гом — необходимо воспроизвести целое слово; разница здесь всецело обусловлена различным выражением одной и той же категориальной формы английского языка.

Можно, видимо, привести и иные примеры связи между возможностями употребления элемента и его выражением.

[50] См., однако, Приложение IV («Об одной более общей грамматической модели»): при более общем подходе (исходящем лишь из одного уровня грамматической правильности) представляется возможным показать, что обязательный синтетический служебный элемент всегда является по своей функции элементом II 1.

[51] Комбинаторные возможности присутствия элементов разного типа в одном языке и характеристика языков с различными возможными сочетаниями типов элементов рассматриваются в Приложении V (см. стр. 232—233).

[52] При том что сами корневые элементы в языке неперечислимы (по определению — см. § 0.2.1).

[53] В качестве дополнительных сведений при этом может исследоваться синтагматическая ограниченность участия элементов того или иного типа: например, наличие элементов определенного типа только среди элементов, оформляющих имя, или только среди элементов, оформляющих глагол, и т. д. (см. об этом ниже, § 3.2).

Особенно важным представляется определение места нехарактерных элементов в языке[54].

В терминах данной классификации языков можно интерпретировать типы традиционной морфологической классификации; в то же время предлагаемый подход позволяет показать смешение критериев в традиционной морфологической классификации языков.

§ 3.1.1. Инкорпорирующие языки априорно характеризуются отсутствием элементов II 1 и наличием элементов II 2 (т. е. все служебные элементы относятся в них к типу II 2).

§ 3.1.2. В «совершенно аморфных» языках наличествуют исключительно элементы типа I 2. Как известно, до сих пор не зафиксирован ни один язык, который был бы полностью аморфен[55] (т. е. в котором не было бы служебных элементов и все отношения определялись бы, скажем, одним порядком слов). Язык такого типа едва ли возможен, так как, по-видимому, он не будет коммуникативен.

В самом деле, предложение такого языка должно представлять цепочку типа $X_1X_2X_3X_4$... (где *X-ы* — элементы I 2). При этом число элементов в цепочке, по-видимому, не может быть фиксировано ни в одном языке (в связи с тем, что в языке существуют отношения эквивалентности, по правилам которых каждое предложение может быть развернуто в сколь угодно длинное[56]).

[54] Т. е., по отношению к служебным элементам, подсчет служебных элементов некоторого, менее характерного для данного языка, типа (II 1 или II 2, аналитических или синтетических); например, для русского языка подсчет элементов типа II 2 или аналитических служебных элементов.

Относительно корневых элементов имеется в виду подсчет структурных позиций, в которых конкретный корневой элемент получает функцию некоторого (менее характерного для данного языка) типа; например, для русского языка подсчет окружений, в которых конкретный корневой элемент получает функцию элементов I 2.

[55] См. П. С. Кузнецов, *Морфологическая классификация языков*, стр. 14.

Видимо, ближе всего к таким языкам стоят древнекитайский и вьетнамский языки. Заметим, что к числу аморфных относятся — в несколько иной субстанции — и различные языки жестов, где едва ли не все категории выражаются факультативно. Ср. M. Critchley, *The language of gesture*, pp. 39—40: «Язык жестов глухонемых обладает собственным примитивным синтаксисом. Определенные и неопределенные артикли обычно опускаются; различие прилагательных и глаголов — не очевидно. Времена не дифференцированы, если только значение фразы не требует этого необходимым образом. Порядок слов скорее логический, нежели тот, которого требует грамматическая система соответствующего языка. Так, вместо предложения «*a dark handsome man rides and walks*» говорится «*man — dark — handsome — ride — walk*», вместо «*bring a black hat*» — «*hat — black — bring*». (Автор приводит также текст «Отче наш» в буквальном переложении.)

[56] См. выше, § 0.8, § 0.8.1, а также § 0.1.

Таким образом, совершенно неясно, что определяет (к чему относится) каждый элемент X в последовательности X_1 X_2 X_3..., т. е. неясен порядок свертывания. Предложение становится многозначным (по определению «многозначности» — см. § 0.8, сн. 69) [57].

При априорном построении такой абстрактной схемы аморфного языка напрашиваются три выхода:

А. Какая-то фиксация числа элементов в предложении — хотя бы требование четности или нечетности этого числа. Тогда можно было бы функцию каждого конкретного элемента определить его местом в предложении. Существование таких языков едва ли возможно. Требование фиксации числа элементов противоречит правилам эквивалентности, которые даны для каждого языка. По определению, элементы языка могут быть как угодно развернуты в предложении (за счет эквивалентных сочетаний). Если потребовать, чтобы каждый элемент развертывался, скажем, непременно четным или нечетным образом, пришлось бы вставлять какие-то специальные элементы, т. е. служебные (обязательные). Тогда мы пришли бы к языку другого строя (не полностью аморфному) [58] и не самым простым способом (наличие фиксации порядка корневых элементов тогда не обязательно).

Интересно, что в китайском письменном языке (вэньяне) предложения подгонялись иногда под определенный размер. Так, составлялись фразы из строго ограниченного числа иероглифов (например, 4, 6, 8 или 3, 5, 7, 9, 11, 13) [59].

Может быть, эту особенность (определенность числа эле-

---

[57] Например, вьетнамская последовательность корней (фраза):

Người	làm	ruộng	tốt
'человек	делать (работать)	земля	хороший' (хорошая)

может иметь следующие значения (в зависимости от различного порядка свертывания):

«Человек обрабатывает хорошую землю»
«Человек делает землю хорошей»
«Человек, обрабатывающий землю, — хороший»
«Хороший человек, обрабатывающий землю»
«Работающий человек, земля хорошая».

(Пример Хоанг-Тхи-Тяу)

[58] Если же потребовать, чтобы каждый элемент обязательно влек за собой какой-то другой элемент, — так, что оба эти элемента в совокупности давали бы значение, — то оба этих элемента были бы одной морфемой, т. е. одним элементом.

[59] См. В. С. Колоколов, *Краткий китайско-русский словарь*, стр. 672. Интересно также, что некоторые тексты китайского языка характеризует стремление к четности единиц в предложении. Четность эта может достигаться как введением специальных служебных элементов, так и синонимическим повторением корневых элементов (последнее явление можно рассматривать как редупликацию и, следовательно, так же как служебный элемент).

ментов во фразе) можно объяснить в какой-то степени и коммуникативными причинами.

Б. Введение специальных элементов, указывающих на порядок свертывания (их функция аналогична функции скобок в математической пазиграфии). Так обстоит дело в китайском языке, где есть элементы II 2 (например, элемент *ðы*, указывающий на то, что все им определяемое свертывается в одно).

В. Закрепление за какими-то корневыми элементами служебного характера; т. е. их присутствие становится обязательным в предложении. Тогда эти элементы вместе с теми элементами, к которым они относятся в предложении, образуют слова [60] (данные элементы показывают тогда функцию соответствующих слов в языке). Так, по-видимому, обстоит дело в языке аранта. Там слова оформляются корнями, которые вместе с тем не теряют своей семантики [61].

Таким образом, с одной стороны, предложение аранта представляет в общем последовательность корней (I 2), т. е. этот язык аморфен. С другой стороны, его слова можно рассматривать как корни, которые оформляются служебными элементами (поскольку эти элементы можно перечислить).

Исходя из семантического понимания слов «корень» и «служебный элемент», язык аранта надо определять как аморфный (при этом со словами), так как его фразы состоят из корней — т. е. полнозначных элементов, которые могут употребляться самостоятельно.

Если же исходить из предложенного понимания служебных элементов как маркированных элементов, заданных списком, язык аранта не аморфный язык (некоторые его слова маркированы и представляют собой элементы II-го рода).

В некоторой степени типологически схожи с аранта, по-видимому, некоторые западноафриканские языки.

§ 3.1.2.1. Таким образом, язык без служебных элементов («совершенно аморфный»), по-видимому, невозможен. Во всяком языке необходимо указание на порядок свертывания (т. е. использование «скобок» в явном или неявном виде) [62].

---

[60] По определению слова (см. систему терминов, § 0.7).

[61] Ср. A. Sommerfelt, *La langue et la société*, p. 187.

[62] Необходимость «скобок» (в широком смысле — необходимость грамматики) вытекает, таким образом, из наших исходных допущений о языке. Вообще говоря (если отвлечься от этих допущений), аморфным языком без скобок мог бы быть язык с очень ограниченной семантикой (т. е. с ограниченным словарем или с ограниченной областью интерпретации) — где просто по семантике слова понятно, как оно сочетается с другими. Характерно, однако, что самые элементарные знаковые системы используют обычно «скобки» или функционально эквивалентные единицы.

Мы исходим, таким образом, из того, что в реальных языках, имею-

Мы будем называть специальные служебные элементы, обозначающие относительный порядок свертывания в аморфных языках, «элементами-скобками». Такие элементы несут наиболее абстрактную грамматическую информацию в языке.

Под **элементами-скобками** понимаются вообще обязательные служебные элементы, которые не выражают ничего другого, кроме указания на относительный порядок (иерархию) свертывания в тексте. Элементы-скобки относятся, следовательно, к пустым элементам: они не выражают никакой дополнительной категории. Элементы-скобки, далее, никак не специфицируют функцию определяемого ими элемента или комплекса: иначе говоря, они никак не ограничивают сочетаемость определяемого ими элемента или комплекса с другими элементами (поскольку они не выражают иной функции, кроме обозначения относительной иерархии свертывания в тексте) [63].

Отношения внутри комплекса, определяемого элементами-скобками, и вне его однотипны. Можно показать, что элементы-скобки должны принадлежать непременно к типу II 2. В то же время эти элементы могут быть в известной степени уподоблены по своей функции «связкам».

Таким образом (и это может служить признаком данного вида элементов) присутствие элемента-скобки в определен-

---

щих общий «субстрат — окружащую нас действительность» (см. М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание,* стр. 8), семантика, как бы ни была она различна, настолько велика, что выходит далеко за пределы активной (быстро действующей) памяти; кроме того, она принципиально открыта (т. е. всегда могут быть спонтанно введены новые понятия). Тем самым возникает необходимость какой-то упорядоченности, минимальной формой которой и являются «скобки».

О необходимости «скобок» или их эквивалентов в реальных языках см., в частности: J. Lambeck, *The mathematics of sentence structure;* A. F. Parker-Rhodes, *Some recent work on thesauric and interlingual methods in machine translation.*

В неаморфных языках функцию скобок выражают служебные элементы — специальные (пустые — см. § 0.4.1) или неспециальные, выражающие одновременно некоторые категории (см. § 0.4.2).

Роль скобок выполняют и такие явления, как сингармонизм (в тюркских, финно-угорских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, палеоазиатских языках — ср. Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии,* стр. 313), повторение классных показателей (в языках банту) и т. д. (ср. Г. П. Мельников, *О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту;* см. там же об аналогичных кодовых явлениях в практике радиокоммуникации — стр. 132—133).

[63] Все прочие пустые элементы (не являющиеся элементами-скобками) выражают дополнительно и некоторую специальную функцию, т. е. показывают сочетаемость данного слова или корня (или некоторого сочетания) с другими словами или корнями (или сочетаниями тех или других).

ной позиции не может быть обусловлено формально (а обусловливается только содержанием предложения): мы не можем сказать, что в какой-то данной позиции грамматическая правильность предложения требует присутствия элемента-скобки. Соответственно и не может быть корневых элементов, которые требуют (в некоторой позиции) обязательного грамматического оформления элементами-скобками—иначе говоря, конкретный корневой элемент в предложении, к которому относится элемент-скобка, не является основой (элементом I 1). Тем самым сочетание такого корневого элемента с элементом-скобкой не рассматривается как слово[64].

Далее при типологической характеристике языка мы не рассматриваем элементы-скобки (исключаем их из рассмотрения). В частности, когда говорится об отсутствии служебных элементов в языке, мы не учитываем элементы-скобки. Таким образом, рассматриваются только элементы, обязательно оформляющие слова в предложениях языка.

§ 3.1.3. Агглютинативные и флективные языки могут обладать обоими типами служебных элементов — как типом II 1, так и типом II 2; эти языки отличаются друг от друга по иному критерию — по критерию аналитизма и синтетизма служебных элементов. Служебные элементы агглютинативных языков, представляя по своей функции как тип II 1, так и тип II 2 (как и во флективных языках), непременно выражают каждый одну категорию, т. е. суть аналитические служебные элементы; вместе с тем флективные языки характеризуются синтетическими служебными элементами[65].

При этом поскольку синтетические служебные элементы бывают обычно представлены элементами II 1 (аффиксами, а не частицами)[66], для флективных языков присутствие элементов II 1 более характерно. Исходя из этого, можно было бы предположить существование «совершенно флективного» языка, в котором все элементы были бы типа или II 1, или дополняющего его типа I 1 (т. е. все служебные элементы должны были бы представлять собой аффикс, но не частицу).

В таком языке нет элементов II 2, и это обеспечивает отсутствие инкорпорации. В то же время все слова в нем согласуются либо управляются, но не примыкают — отсюда отсутствие аморфности.

Можно было бы предположить и соответствующий «совершенно агглютинативный» язык, обладающий элементами типов I 1 и II 2; в таком языке слова управляются, но не согласуются и не примыкают.

---

[64] См. об этом § 2.2.2.

[65] Об аналитических и синтетических служебных элементах см. § 2.3.

[66] См. § 2.4.

Однако реально такие языки, по-видимому, не распространены [67].

§ 3.2. Классификация языков посредством предложенных классификаций элементов затрудняется тем обстоятельством, что в языках очень редко представлены элементы одного какого-нибудь типа. Например, в русском языке помимо элементов II 1 (соответствующих его флективности) есть элементы II 2 (предлоги); в тюркских, монгольских, германских, кетском языках помимо элементов I 1 имеются элементы I 2 (которые вообще характерны для аморфных или инкорпорирующих языков); такие элементы есть и в русском (например, в сложных словах); в кетском языке есть как аналитические, так и синтетические служебные элементы.

Часто в языке могут быть элементы разного типа в зависимости от того, относятся ли они к имени или к глаголу [68]. Так, в русском элементы II 2 в основном относятся к имени (предлоги) [69]; в немецком, английском, датском языках элементы I 2 относятся к имени (примыкающие определения у имени) [70]. В чукотском языке некоторые показатели переходного глагола относятся, по-видимому, к элементам II 1 — при том, что прочие показатели в чукотском (в частности, показатели имени и непереходного глагола) принадлежат, как будто, группе II 2 [71]. В осетинском языке глагол оформляется синте-

[67] К первому типу близок кетский язык, в котором элементы II 2, по-видимому, крайне редки [при этом немногие имеющиеся элементы этого типа — глагольные частицы будущего времени (*iş-*), нереальности (*şim-*), итеративная (*bat-*), оптативная (*kan-*) — по всей видимости факультативны].

[68] Определения различных классов слов даются ниже (см. § 7).

[69] Элементы II 2, относящиеся к глаголу, в русском языке имеются (например, показатели так называемого аналитического будущего времени), но они относительно немногочисленны.

[70] Ср. так называемые сложные слова или образования типа английского *stone wall* в этих языках.

[71] В чукотском предложении с переходным глаголом при наличии нескольких дополнений одно из дополнений может инкорпорироваться, но другое в этом случае всегда выступает самостоятельным словом (в абсолютном падеже), согласуясь с глаголом в числе и лице.

Ср.: *Рэмкыль-э на-к'ора-пэла-нат тумг-ыт*
букв. 'Гости они-олене -оставили-их товарищей'
('Гости оленей оставили у товарищей');
-э — показатель эргативного (творительного) падежа,
-ыт — показатель абсолютного падежа,
на- — показатель 3-го лица множественного числа (подлежащего) 1-го прошедшего времени (переходного глагола).
-нат — показатель 3-го лица множественного числа (дополнения) 1-го прошедшего времени (переходного глагола).

Однако: *Рэмкыль-ыт к'ора-пэла-гъат*
букв. 'Гости олене-оставили'
('Гости оленей оставили')
где подлежащее получает абсолютный падеж, а глагол оформляется

тическими, а имя — аналитическими служебными элементами; все синтетические служебные элементы в кетском языке относятся к глаголу [72]; то же, по-видимому, и в чукотском языке [73], и т. д. [74]. Это можно принять во внимание при типологическом описании и сравнении разных языков.

Однако почти в каждом языке можно видеть преимущественное распространение элементов того или иного вида (и таким образом характеризовать язык). Еще более показательным для характеристики языка является отсутствие (или нехарактерность [75]) элементов какого-либо типа.

Имея это в виду, можно описать различные типы традиционной морфологической классификации языков, пользуясь классификацией элементов.

Для **инкорпорирующих** языков характерно преимущественное распространение элементов II 2, I 1, I 2; нехарактерны элементы II 1.

Для **аморфных** характерно распространение элементов I 2; нехарактерны элементы I 1.

Флективные и **агглютинативные** языки, обладая преимущественно типами II 1, II 2 и I 1, отличаются между собой использованием синтетических и аналитических элементов; менее характерны элементы I 2 [76].

Априорно можно выделить группу языков, в которых отсутствуют (или нехарактерны) элементы II 2; можно также делить инкорпорирующие языки по использованию синтетических или аналитических элементов.

Однако в традиционной морфологической классификации эти

показателями непереходного спряжения: *гъат* — показатель 3-го лица множественного числа 1-го прошедшего времени (непереходного глагола).

Иными словами, в чукотском языке при переходном глаголе (т. е. глаголе, оформленном по переходной парадигме) имеет место обязательное субъектно-объектное согласование; специфические элементы переходной парадигмы относятся тем самым к типу II 1.

[72] Например, глагольные показатели: *-i-* — женского рода настоящего времени; *-tit-/-it-* — женского рода прошедшего времени и др.

[73] Ср. П. Я. Скорик, *Грамматика чукотского языка,* ч. I, стр. 81, 82.

[74] Подобные случаи можно представить как результат сложения языков разных типов, причем один тип проявляется в сфере имени, другой — в сфере глагола (при этом предварительно, разумеется, необходимо определить типы). Попытка в этом направлении делается в нашем докладе: *О сосуществовании грамматических структур в языке (Расчленение языка на элементарные структуры и возможность типологической характеристики последних).*

[75] О возможности определения характерности того или иного типа элементов в языке см. выше, § 3.1.

[76] Мы будем говорить, соответственно, об **инкорпорирующих, аморфных, флективных и агглютинативных** структурах (структурных конструкциях) — определяя по данным признакам предложения, соответствующие таким структурам.

группы языков не выделяются; есть основания полагать, что эти различия и в самом деле не столь характерны [77].

Таким образом, традиционная морфологическая классификация языков делит языки по разным критериям [78]: противопоставление инкорпорирующих языков флективным происходит по критерию наличия или отсутствия элементов II 1; противопоставление агглютинативных и флективных языков — по **критерию аналитизма** или синтетизма служебных элементов; аморфные языки выделяются отсутствием служебных элементов, обязательным образом оформляющих конкретные корневые элементы в предложении [79] (т. е. отсутствием слов).

Корневые I	Служебные II: синтетические	Служебные II: аналитические	
	= = = = = = = = = = = =	O O O O O O O O O O O O	1-го рода (II 1)
	+ + + + + + + + + + + +	O O O O + + + + + O O O O + + + + + O O O O + + + + + O O O O	2-го рода (II 2)

аморфные	инкорпорирующие	агглютинативные	флективные
	+ + + + + +	O O O O O O	= = = = = =

[77] Непоказательность (нехарактерность) противопоставления синтетических и аналитических элементов для инкорпорирующих языков может быть объяснена тенденцией синтетических элементов выражаться элементами II 1, о которой говорилось выше (см. § 2.4); в то же время элементы II 1 (аффиксы) нехарактерны для инкорпорирующих языков. О типологической нехарактерности языков без элементов II 2 (частиц) см. § 3.1.3.

[78] Приведенные критерии можно использовать для получения количественных характеристик для того или иного языка (эта проблема в общем виде уже ставилась выше, см. § 3.1): подсчитывая различные виды элементов как в тексте, так и в системе языка, мы можем определять его тип в терминах традиционной морфологической классификации.

[79] Как показывалось выше, элементы-скобки не являются такими элементами (см. § 3.1.2.1).

Различие критериев деления в традиционной морфологической классификации (в зависимости от вида служебных элементов) для наглядности выражено в таблице[80] (см.). В таблице на классификацию элементов (данную выше) накладывается классификация языков (традиционная морфологическая классификация).

§ 3.3. Предложенный подход позволяет определить некоторые причины смешения типов языков в морфологической классификации (см. § 1) и различной интерпретации ряда языков[81].

§ 3.3.1. Инкорпорирующие и агглютинативные языки могут характеризоваться наличием элементов II 2; возможность их смешения видна из пересечения квадратов в таблице. В ряде агглютинативных языков прилагательные не выделяются как класс слов (например, в тюркских, монгольских языках): определение, представляющее неоформленный корень X_1, примыкает к определяемому X_2n. Тогда служебный элемент n в X_1X_2n (оформляющий определяемое) можно рассматривать как относящийся к целому комплексу X_1X_2, и все явление трактуется как инкорпорация.

§ 3.3.2. Инкорпорирующие и аморфные языки располагают элементами I 2 (примыкающими корнями); поэтому можно найти примеры, которые трактуются двояко.

Но для инкорпорирующих языков существенно присутствие элементов I 1, которые требуют обязательного грамматического оформления.

§ 3.3.3. Флективные и агглютинативные языки сходны, так как элементы II 2 агглютинативных языков не отличаются ни по функции, ни по аналитизму от предлогов флективных языков.

§ 3.3.4. И к агглютинативному, и к аморфному типам может быть отнесен язык типа аранта. Смешение происходит по

---

[80] При характеристике флективных языков в таблице отражена типологически вероятная связь между синтетическими элементами и элементами II 1.

[81] Мы рассматриваем здесь случаи различного определения одних языков, которые обусловлены методологическими недостатками традиционной морфологической классификации (см. о них выше, стр. 96 и др.); эти недостатки в принципе устранимы в соответствующих интерпретациях данной классификации (что мы и старались сделать в приведенной выше интерпретации).

О возможности различного определения одних языков в связи со структурной «неоднородностью» последних см. ниже, § 5.2; там же — о принципиальной ограниченности традиционной морфологической классификации (и ее интерпретаций).

причинам, указанным выше (§ 3.1.2.): смешиваются критерии выделения корня. Если выделять корень по семантическому критерию или по возможности самостоятельного употребления — язык аранта аморфен. Если же определять корень как класс элементов, которые нельзя задать списком [82], грамматические элементы этого языка — служебные; тогда понятно отнесение его к агглютинативным. Но в обоих случаях можно показать, что в аранта есть слово (даже, если понимать аранта как аморфный, это отличает его от типичных аморфных). Отсюда понятна тенденция отождествлять аналитические языки, с одной стороны, с агглютинативными языками (например, Е. Д. Поливанов [83]) или, с другой — с аморфными (изолирующими) языками (например, С. Е. Яхонтов [84]).

С первой точки зрения представляется существенным лишь то, что в языке есть служебные элементы (в том понимании, которое было предложено выше [85]); при этом в «аналитических» языках они, как правило, суть аналитические элементы II 2 [86].

Со второй точки зрения представляется существенным то, что эти служебные элементы не отличаются по семантике от корневых элементов и могут употребляться аналогично этим последним.

Исчерпывающий анализ предполагает привлечение обоих критериев; нашей системе последовательно соответствует первый критерий [87]; второй критерий может быть введен в качестве дополнительного.

---

[82] Как было определено в системе терминов, см. § 0.2.1.

[83] См. Е. Д. Поливанов: *Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком,* стр. 51—52; *Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам,* ч. I, стр. 42—43. Агглютинативные языки трактуются в этих работах как аналитические; ср. также V. Tauli, *Morphological analysis and synthesis,* p. 85.

[84] См. С. Е. Яхонтов, *О морфологической классификации языков,* стр. 14: аналитические языки отождествляются с изолирующими (аморфными). Аналогичную тенденцию можно проследить в работах В. Скалички (например, V. Skalička, *Typ češtiny*); см. также тезисы докладов на конференции: «Аналитические конструкции в языках различных типов», Л., 1963, passim.

[85] См. систему терминов, § 0.2.1.

[86] См. § 2.3 и § 2.4.

[87] Покажем, как можно в терминах предлагаемой теории определить аналитические конструкции (и соответственно — аналитические языки).

Цепочку элементов, соответствующую какой-то грамматически правильной фразе некоторого языка, превратим в структуру, заменив конкретные элементы на обозначения классов: X — для корневых элементов и n_1, n_2... — для служебных элементов (подробнее об этой операции см. § 4.1).

Мы получим тогда некоторую последовательность этих символов. Укажем в ней, чтó к чему относится (в смысле § 0.6.1) — как в отношении отдельных элементов, так и их сочетаний — например, приняв, что каждый

Этот дополнительный критерий может быть сформулирован следующим образом: как соотносятся в данном языке множества корневых и множества служебных элементов — пересекаются, входят одно в другое, не пересекаются.

Если служебные элементы пересекаются с корневыми или входят во множество корневых, для характеристики языка в свою очередь существенно: корневой элемент какого типа (I 1 или I 2) может совпадать со служебным [88].

В языке (или конструкции) типа аранта элемент, входящий одновременно во множество корневых и во множество служебных элементов, может выступать как служебный и как чистый корень (I 2).

В аналитических языках (конструкциях) (а также в языке эсперанто) элемент, входящий одновременно во множество корневых и служебных элементов, может выступать как служебный и как основа (I 1) [89].

левый элемент относится к стоящему непосредственно справа от него, и расставив скобки.

У нас получится некоторая конфигурация скобок. В случае аналитической конструкции мы должны иметь конфигурацию примерно следующего вида $[(n_1n_2)\ n_3\ n_4\ X]$. Соответственно, если при произведении указанных операций нам встречается подобная конфигурация скобок (т. е. встречается совокупность служебных элементов, относящихся один к другому, причем вся эта совокупность в целом относится к корневому элементу), говорим, что имеет место аналитическая конструкция.

Заметим, что при этом определении конструкция с предлогом (типа русских *с, в*) не будет считаться аналитической (предлог не будет отличаться от обычного служебного элемента); пользуясь традиционной терминологией, можно сказать, что аналитической называется конструкция с морфологически членимой совокупностью служебных элементов.

[88] Иначе говоря, существенно следующее: в какой функции (I 1 или I 2) может выступать конкретный корневой элемент, совпадающий с каким-то служебным.

[89] Поскольку служебные элементы, образующие «служебные слова» в этих языках, могут совпадать с корневыми элементами I 1 (основами) полнозначных («неслужебных») слов.

ГЛАВА 3

ОПРЕДЕЛЕНИЕ (В ПОЛУЧЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ) СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА-ЭТАЛОНА ДЛЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

§ 4. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РАЗНЫМИ ТИПАМИ ЯЗЫКОВ. ПРИВЕДЕНИЕ ЯЗЫКОВ ОДНОГО ТИПА К ЯЗЫКАМ ДРУГОГО ТИПА

§ 4.1. Представляется интересным сравнить разные языки по критерию свободы или связанности элементов в цепочке.

Пусть имеется какая-то цепочка элементов; превратим ее в структуру, т. е. заменим конкретные элементы на обозначения классов: X и n_1, n_2..., каждый из которых охватывает какое-то множество взаимозаменяемых элементов. Спрашивается, насколько возможно произвольно заменять элементы внутри класса, не нарушая грамматической правильности[1].

Оказывается, это возможно в разной степени для разных языков. В некоторых языках элементы связаны в цепочке, т. е. изменение одного элемента влечет за собой обязательное соответственное изменение другого элемента[2].

При этом корневые элементы (обозначаемые через X) по определению не могут быть связаны — во всяком случае на описываемом (грамматическом) уровне[3]. Могут быть связаны лишь служебные элементы, выражающие необходимые категории[4]. Удобнее иметь дело не с самими элементами, но с необходимыми категориями, т. е. непосредственно с инфор-

---

[1] Пользуясь логико-математическим смыслом слова «значение» [т. е. употребляя его не в смысле «функции» (ср. § 0.9), а в смысле возможного соответствия некоторой переменной], можно сказать, что каждый символ в цепочке является переменной, охватывающей какой-то круг значений. Нас интересует, насколько можно произвольно менять значения переменной (т. е. чем обусловливается наличие в предложении того, а не иного значения элемента — только ли содержанием высказывания или еще и некоторыми формальными причинами).

[2] Ср. понимание «связанности» элементов в § 2.2.1.1.

[3] Ср. определение «грамматической правильности» в системе терминов (§ 0.3).

[4] Факультативные служебные элементы не могут быть связаны в предложении (поскольку, по определению, всегда могут быть из него устранены).

В то же время обязательные пустые служебные элементы, по опреде-

мацией, которая необходимо выражается в словах[5]. При согласовании она повторяется.

§ *4.2.* Переходя от определенных служебных элементов к выражаемой ими информации (необходимым категориям), мы тем самым переходим от синтетического строя элементов к аналитическому (в терминах традиционной классификации — от флективного строя к агглютинативному). Это и происходит при грамматическом разборе, когда слово *стола* анализируется как «существительное в родительном падеже и единственном числе» — аналитически выделяются категории, синтетически слитые в элементе *-а*. Если бы разбирались только агглютинативные языки, можно было бы не переходить от элементов к категориям, так как там элементы однозначно соотносятся с категориями, и, таким образом, можно оперировать прямо с элементами.

В то же время языки с синтетизмом элементов надо приводить к аналитическому виду, как к более простому. Это необходимо при сравнительном анализе языков. [Как было показано (с примером *стола*), это и происходит при всяком грамматическом анализе, тем более при сравнительном].

Переходя от определенных служебных элементов к выражаемой ими информации (необходимым категориям), мы будем продолжать считать, что имеем дело с элементами, т. е. будем называть «элементами» обозначения необходимых категорий, соответствующие некоторым синтетическим элементам. Действительно мы можем считать, что имеем дело с элементами некоторого языка, полностью идентичного анализируемому и отличающемуся от него лишь тем, что элементы в нем — аналитические (а не синтетические, как в анализируемом языке).

Следует отметить, что при таком преобразовании сохраняется обратимость[6], т. е. всегда возможен (для каждого данного случая) обратный ход — от аналитических элементов к синтетическим — путем введения некоторых дополнительных правил (указывающих объединение различных категорий в конкретных элементах), и при этом не теряется никакая информация[7].

Таким образом, язык с аналитизмом эле-

лению, не могут быть заменены другими или опущены (см. выше, § 0.4.1); тем самым указанный критерий к ним не применим. Можно считать, что они всегда связаны (не могут быть свободны) в предложении.

[5] Если служебный элемент — пустой, переходить от элемента к выражаемой им информации не требуется.

[6] О понятии обратимости см. выше (стр. 64).

[7] Ср. С. Е. Shannon, *The redundancy of English*, p. 157: информация определяется как инвариант при обратимых операциях перевода или кодирования.

ментов (агглютинативный) предстает как метаязык по отношению к языку с синтетизмом элементов (флективному)[8] и как таковой используется при анализе — как человеком, так и машиной[9] (если только нет изоморфизма между двумя сравниваемыми языками)[10].

Показательно, что при недостаточном знании какого-нибудь флективного языка говорящий обычно изменяет его в сторону большей агглютинации (делает его более агглютинативным). Так, агглютинативные особенности некоторых хеттских текстов объясняют иногда тем, что писцы были представителями другого (лувийского) языка[11]. Ср. также аналогичные особенности детской речи[12].

§ 4.3. Цепочки элементов некоторых языков связаны обязательным повторением определенной информации. Так происходит при согласовании и управлении.

Под согласованием понимается необходимое повторение некоторой информации[13]. Эта информация может выражаться разными элементами, но дистрибутивный анализ и переход от элементов непосредственно к выражаемой информации позволяют считать эти элементы вариантами.

---

[8] В самом деле, в его символах производится грамматический анализ языка с синтетическими элементами; ср. определение «мета-», данное выше (см. стр. 58, сн. 2).

[9] При машинном переводе между двумя языками (флективными и тем более флективным и агглютинативным) необходимо составить таблицу соответствий грамматических значений (категорий) этих языков, где значения должны выражаться аналитически.

[10] В настоящем параграфе (§ 4) мы оперируем структурами различных языков (языков различных типов), т. е. их структурными конструкциями (см. § 0.6).

В то же время мы можем считать, что речь идет и о самих языках — если принять, что мы ограничиваемся рассмотрением таких языков, структурные конструкции в каждом из которых однородны по рассматриваемой типологической характеристике (см. § 5: такие языки мы назовем «однородными»).

Можно также считать, что мы имеем дело с языками полностью идентичными, за исключением рассматриваемого признака (этим признаком только что был аналитизм/синтетизм элементов; далее рассматриваются другие признаки). При таком подходе речь также идет о сравнении языков (не конструкций): мы сводим языки одного типа к языкам другого типа и приходим к характеристике метаязыка.

[11] Ср. также неправильную передачу хеттами шумерских слов, например: *ANŠU.KUR.RA* *meš. ḫi. a* 'кавалерия' (букв.: 'ослы, повозки'), где *meš* и *ḫi.a* показывают множественное число, что невозможно в шумерском (в шумерском *meš* — показатель множественного числа одушевленных, а *ḫi.a* — показатель множественного числа неодушевленных имен).

[12] Ср. также: Н. С. Трубецкой, *Мысли об индоевропейской проблеме*, стр. 77.

[13] Имеется в виду грамматическое согласование (т. е. обязательное, независимое от значений корневых элементов) в отличие от согласования по смыслу, которое представлено, например, в английском, отчасти арабском языках.

Управление в известном смысле аналогично согласованию. Управление в чистом виде (требование падежа в зависимости от предлога в европейских языках, требование определенного глагольного наклонения в зависимости от частицы в арабском, требование родительного падежа при отрицательной форме глагола в русском языке) представляет собой согласование в управляемой конструкции в том смысле, что повторяется уже сказанная информация (она может повторяться при помощи элементов разного вида: II 1 и II 2, не сводимых друг к другу дистрибутивным анализом). Как будет видно, эту повторяющуюся информацию можно будет вынести за скобки и присоединить к управляющим элементам. То же, что не выносится за скобки [т. е. тот случай, когда информация не повторяется и ее нельзя предсказать на исследуемом (грамматическом) уровне: например, в русской последовательности *VN* нельзя определить падеж у *N* — он может быть и винительным, и дательным, и творительным], не будет рассматриваться как управление.

Всякие регулярно повторяющиеся элементы (категории [14]) можно выносить за скобку. Тогда элементы перестают быть связаны в цепочке (каждый элемент можно заменить на другой того же класса элементов).

Например [15]:

(русский язык):

Рыжая девочка побежала в дремучий лес

|ж. р.| ед. ч.| [им. пад.| (*X* | *X*) | соверш. вид | прош. вр. |*X*] | *в-* | вин. пад.| м. р.| ед. ч.| (*X* | *X*)|

(немецкий язык):

In grauer Vorzeit besiedelten die Polynesier die südöst lichen Inseln

|*in-*| дат. пад.| ед. ч. | (*X* | *X*) | мн. ч. | [прош. вр. |*X*| |им. пад.| опред. сост.| (*X*)] | вин. пад.| мн. ч.| опред. сост.| (*X* | *X*)|

(испанский язык):

Se fué el padre del joven a casa del moro rico

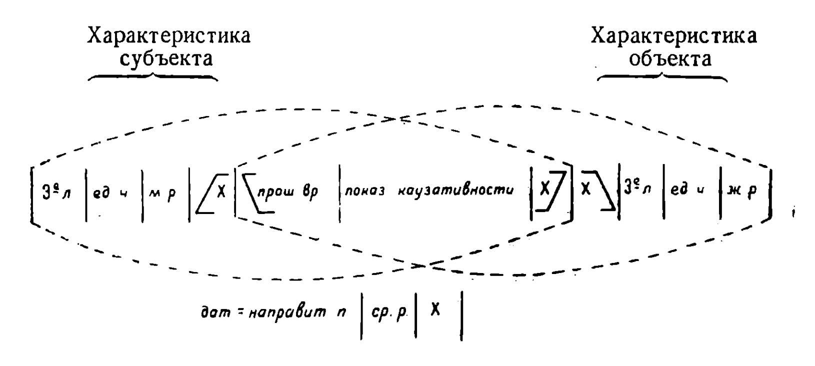
|3-е л.| ед. ч.| {прош. вр.| *X* | опред. сост.| [ед. ч.| м. р.| |*X*|*de*| опред. сост.| ед. ч.| м. р. |*X*)]} | *a* | [ж. р.| |*X*| *de*|

---

[14] По произведении дистрибутивного анализа и операции приведения синтетических элементов к аналитизму оба понятия реально обозначают одно и то же.

[15] В примерах вертикальные черты отделяют ячейки цепочки; характеристика предшествует характеризуемым корням или сочетаниям в скобках [за исключением специальных случаев (перекрещивающихся скобок), о которых см. ниже]. После предлогов через черточку стоит управление (т. е. управляемая ими категориальная форма). Скобки стоят там, где конструкция может быть расширена за счет эквивалентности (т. е. в случаях вынесения за скобку и в случаях участия элемента II 2).

|опред. сост.| ед. ч. | м. р.| (*X* | *X*)||
(кетский язык)[16]:
Boat *dedaqitnə boam* *şeşdiвə*
('Старик отправил старуху к реке')

Операция вынесения за скобку отвечает требованию обратимости. Поэтому такая операция может быть применена при составлении программ в машинном переводе (перед скобками стоит алгоритм: «согласуй по таким-то признакам»).

При этом элементы свободны в цепочке: мы можем произвольно менять элементы внутри каждого класса структуры, не нарушая грамматической правильности.

Анализируя преобразованные цепочки, можно обнаружить, что они представляют язык иного строя (нежели первоначальные цепочки). Структура их напоминает структуру инкорпорирующих языков.

В самом деле, элементы, вынесенные за скобки, стали элементами типа II 2, так как они могут определять какой-либо

---

[16] На примере предложения из кетского языка можно видеть, что скобки могут пересекаться. Это происходит тогда, когда некоторое слово связано различными повторяющимися категориями более чем с одним словом. Особенно характерно перекрещивание скобок для полисинтетических языков (к ним относится и кетский), но может быть не только в них («полисинтетические языки» понимаются в смысле § 2.2.1.2).

В приведенном кетском примере глагол (*dedaqitnə*) согласуется в одних и тех же категориях (рода, числа, лица) с обоими именами (субъектом *boat* и прямым объектом *boam*). По вынесении за скобки характеристики субъекта в скобках (/ /) остается корень субъекта и корень глагола, модифицированный собственно глагольными категориями; по вынесении за скобки характеристики прямого объекта в скобках (\ \) остается его корень и то же сочетание глагольного корня с глагольными категориями.

В случае перекрещивающихся скобок характеристика может следовать за характеризуемыми корнями или сочетаниями (для линейности записи). В приведенном примере характеристика субъекта предшествует характеризуемому сочетанию, а характеристика прямого объекта следует за таковым. Связь характеристик и характеризуемых сочетаний показана графически.

элемент (сочетание) или ему эквивалентное сочетание элементов[17].

Таким образом, мы пришли к схеме инкорпорирующих языков. Тогда сочетания вынесенных за скобку элементов с элементами в скобках можно рассматривать как «слова» этих языков, оформленные элементами II 2 (эти «слова» могут быть распространены внутри оформляемого комплекса — так же, как в инкорпорирующих языках), причем за скобки выносятся необходимые категории, характеризующие эти слова. По этим необходимым категориям можно узнать функцию «слова» (как и в реальном языке). Так, в русском языке вынесенные за скобки характеристики падежа, рода и числа означают, что в скобках — существительное или эквивалентное ему сочетание (например, атрибутивное сочетание: прилагательное — существительное); характеристики числа и лица означают сочетание: существительное — глагол в настоящем времени; характеристики числа, рода и отсутствие характеристики лица означают сочетание: существительное — глагол в прошедшем времени; в языках банту за скобки выносится показатель класса. Аналогичный анализ можно произвести и в отношении других языков[18].

Таким образом, инкорпорирующий язык предстает как метаязык по отношению к агглютинативному и флективному языкам.

§ 4.4. Рассмотрим служебные элементы, остающиеся в скобках. В скобках остается:

А. Значение функции слова (обязательно).

Показатель функции слова может непосредственно оставаться в скобках — в виде некоторой необходимой категории (не выносимой за скобки — см. пример ниже) или специального пустого элемента. Например, в эсперантской конструкции *bonaj komencoj* [структура: *Xaj Xoj* → *j*(*Xa Xo*) или *j*(*AN*)] — по вынесении за скобку показателя множественного числа (*-j*) в скобках остаются корни и показатели функций прилагательного *-a-* и существительного *-o-* (пустые элементы).

Однако в случае, когда такого показателя нет (в скобках остаются корневые элементы, а все необходимые категории выносятся за скобки), не может теряться информация о том, какой функцией (например, *A, V, N, Adv*) обладает тот или иной корневой элемент (что было ясно из характеризующих его показателей, когда он входил в слово): это вытекает из

---

[17] Поэтому в записи за элементами типа II 2 (предлогами) тоже следовали скобки.

[18] Функция выносимых за скобку характеристик аналогична функции диезов и бемолей в нотной записи (в ключе) или функции операторов в языке математической логики.

требования обратимости. Иными словами, мы должны знать (для совершения операций в обратном направлении), какие из элементов (в последовательности корневых элементов, которая остается в скобках) определяют другие и какие, напротив, сами определяемы, т. е. знать, как (до какого элемента) свертывается данная последовательность корней (и уметь ее свертывать в той же степени, в какой умели свертывать исходное предложение — до совершения над ним указанных выше операций). Мы можем обозначить функцию корня порядком элементов (произвольным способом[19]); если необходимо — в случае образующейся многозначности[20] — можно воспользоваться скобками[21] (ср. элементы-скобки в аморфных языках).

Б. Некоторые характерные категории (необязательно).

Например, время или вид глагола, падеж существительного и т. д. Будем считать такие характерные категории, остающиеся в скобках, не обязательными, но факультативными. Эта операция обратима: действуя в обратной последовательности, всегда можно указать, какие из факультативных категорий становятся обязательными[22]. Однако при такой операции — и именно в силу ее обратимости — не должна теряться информация о функции слова, к которому относилась данная категория (см. об этом непосредственно выше).

В итоге, если мы:

а) обозначим функцию одним порядком элементов,

б) оставшиеся характерные категории станем считать не обязательными, но факультативными,

то в скобках получится структура аморфных языков.

Итак, аморфный язык предстает как метаязык относительно других языков (флективных, агглютинативных, инкорпорирующих). Можно говорить, что все остальные языки «сложнее»[23] по своему строю, чем аморфные (или что аморфные языки «про-

---

[19] Например, условившись ставить определяющий корневой элемент перед определяемым или, напротив, — за ним.

[20] См. § 3.1.2.

[21] С тем чтобы сохранить ту же степень многозначности, какая была в исходном предложении.

[22] При обратной последовательности операций выражением факультативной категории в принципе можно считать любой (корневой) элемент соответствующей семантики. Такие элементы объявляем служебными и требуем их обязательного присутствия в предложении.

[23] Мы будем считать вообще, что некоторая языковая модель тем **сложнее**, чем дальше (по количеству шагов — трансформаций) она от аморфной (и, соответственно, тем **проще**, чем ближе к аморфной). Понятия «простоты» и «сложности» языковой модели принимаются на настоящем этапе как рабочие понятия; их общий лингвистический смысл рассматривается ниже (§ 9).

ще» всех остальных). Таким образом, типы традиционной морфологической классификации располагаются в порядке сложности: аморфные языки — инкорпорирующие языки — агглютинативные языки — флективные языки.

Соответственно структура аморфного языка (аморфная структура) предстает как самая простая структура, где наиболее последовательным образом выражены общие для всех языков инвариантные отношения[24]; другие же структуры можно представить путем введения дополнительных (усложняющих) правил; а именно (если производить проделанные операции в обратном порядке — от простого к сложному), структуру любого языка можно охарактеризовать по схеме:

аморфная структура + введение обязательных служебных элементов (не являющихся элементами-скобками)[25] + + распространение обязательных служебных элементов (введение алгоритма «согласования»[26]) + синтетизм элементов.

§ **4.4.1.** Итак, аморфная структура и есть структура языка-эталона (метаязыка), от которой следует отталкиваться при описании всех других языковых структур. Действительно, все остальные языковые структуры можно описать при помощи аморфной структуры и указанных общих трансформаций. Так можно сравнивать структуры разных языков по их относительной сложности (степени удаления от структуры аморфного

---

[24] Показательно, что к аналогичному выводу приходят лингвисты, конструирующие язык-посредник машинного перевода.

Ср. И. А. Мельчук: «грамматические значения реальных языков должны считаться неграмматическими в языке-посреднике: обязательные показатели грамматических значений должны перерабатываться в факультативные показатели неграмматических значений языка-посредника. Иначе говоря, пучки соответствий между эквивалентными друг другу при переводе показателями грамматических значений различных языков также считаются словами языка-посредника: грамматические значения входного языка превращаются в неграмматические лексические значения языка-посредника» (И. А. Мельчук, *К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике,* стр. 39). См. также: В. В. Иванов, *Языкознание и математика,* стр. 7 («Конкретно-реляционные значения... должны отображаться не в грамматике, а в словаре машинного языка»); В. В. Иванов, *Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины,* стр. 24.

[25] Таковыми могут быть элементы, выражающие некоторые необходимые категории, или пустые элементы; последние отличаются от элементов-скобок тем, что как-то специфицируют функцию корневых элементов, к которым они относятся, являясь необходимым грамматическим оформлением этих элементов (такие корневые элементы имеют тогда функцию элементов I 1).

[26] Слово «согласование» понимается здесь в широком смысле (ср. § 4.3). «Согласование» обязательных служебных элементов может происходить как через распространение необходимых категорий, так и при помощи пустых элементов.

языка-эталона); при этом сложность языковой структуры может быть охарактеризована через указание трансформаций (описанных выше типов), необходимых для описания данной структуры по сравнению с аморфной.

Для типологической характеристики языковой структуры (измерения ее относительной сложности) существенно при этом, во-первых, какие из указанных трансформационных шагов имеют место при переходе от аморфной структуры к данной структуре (или, соответственно, при обратном переходе) и, во-вторых, количество однотипных трансформаций, имеющих место внутри каждого шага (например, количество вводимых обязательных элементов или количество распространяемых элементов и т. д.). Очевидно, что первая характеристика имеет основное значение для измерения сложности языковой структуры; более подробная градация по второму основанию устанавливается уже в пределах классификации, полученной в результате первой характеристики.

При этом можно принять, что для наиболее общей характеристики структуры достаточно рассмотрение лишь таких трансформационных шагов, которые последовательно один за другим (в том порядке, который указан выше) необходимы для ее описания. Тогда сложность структуры может быть измерена на основании количества ступеней в трансформации от аморфной структуры к данной, и различные структуры могут быть легко сравнены по их относительной сложности или простоте. Таким образом устанавливается иерархия структур по их относительной сложности [27].

---

[27] Данное замечание целиком относится к последнему из трансформационных шагов (усложняющих правил), который, вообще говоря, может следовать при описании языковой структуры непосредственно после второго этапа (введения обязательных служебных элементов), минуя третий. Тем не менее при наиболее общей характеристике языковых структур (т. е. характеристике по самым существенным признакам) считаем, что структура, образованная только введением обязательных элементов, и структура, образованная введением обязательных элементов плюс их синтетизмом, находятся на одной общей ступени сложности. При более подробной характеристике устанавливаем относительную сложность второй структуры (внутри данного общего подразделения). Наконец, при еще более подробной характеристике устанавливаем (внутри полученного подразделения) относительную сложность структур на основании количества однотипных трансформаций внутри каждой ступени (каждого трансформационного шага).

При такой иерархии достигается некоторая общность и простота описания: мы получаем возможность сравнивать структуры на одном уровне общности и последовательно переходить к более подробному уровню рассмотрения; на каждом уровне две структуры можно оценивать как относительно более или менее сложные, сравнивая их по количеству трансформаций, необходимых для их описания. В то же время при установленной иерархии мы близки к интерпретации традиционного деления структур (на аморфные — инкорпорирующие — агглютинативные — флективные).

Предложенный способ позволяет вести описание языковых структур от простого к сложному; так можно представить явления разных языков по разным степеням сложности.

Например, конструкция $VN \leftrightarrow N$ (так в юкагирском, нивхском языках) — т. е. глагол, определяющий существительное, — получает специальное функциональное выражение в других языках (причастие). Это соответствие такого же порядка, как соответствие инфинитива с предлогом (французский, испанский) — герундию (в английском), отглагольному существительному (в русском). Иными словами: то, что обозначается в одних языках только порядком слов (элементов), получает специальное выражение в других языках (т. е. получает некоторый служебный элемент, который, соединяясь с корнем, знаменует его функцию).

Так можно построить таблицу соответствий языковых явлений (от простого к сложному). Аналогичным образом можно характеризовать и структуры языка.

Помимо оценки структур конкретных предложений (или определенных отрезков текста) разных языков предложенным способом можно получать и общую оценку языков. Если в первом случае рассматриваются все структурные явления, которые наличествуют в данном конкретном предложении (или его части), то во втором случае рассматриваются только такие явления, которые обязательно присутствуют в любом (достаточно развернутом) предложении данного языка [28].

Подробнее этот вопрос обсуждается в § 5; там же рассматривается достаточность предложенного способа для характеристики языка и показывается на конкретных примерах из разных языков возможность типологической оценки структурной конструкции.

При несколько ином подходе (нежели изложенный в предыдущих параграфах) в качестве структуры языка-эталона можно было бы рассматривать структуру «изолирующих» (в широком смысле) языков. Языки этого типа включают как «корнеизолирующие» (т. е. аморфные) языки, так и «основоизолирующие» языки; последний тип можно интерпретировать — в используемых терминах — как аморфную структуру с введенными в нее пустыми элементами, закрепляющими функцию слов в структуре [29].

Тогда структура изолирующего языка (изолирующая структу-

---

[28] Или в самом сложном из его альтернативных вариантов (в случае наличия альтернативных вариантов, взаимоисключающих друг друга в данном предложении) — см. § 5.2.

[29] О разграничении «корнеизолирующих» («wurzelisolierend») и «основоизолирующих» («wortisolierend») языков см. F. Misteli, *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues;* см. также П. С. Кузнецов, *Морфологическая классификация языков,* стр. 14 — указывается, что термин «аморфный» в строгом смысле слова может быть отнесен лишь к «корнеизолирующим» языкам. К «основоизолирующим» языкам близки по своему строю такие языки, как индонезийский и, по-видимому, эве.

ра) противопоставляется всем прочим (более сложным) языковым структурам отсутствием необходимых категорий. Более сложные языковые структуры описываются соответственно по схеме: изолирующая структура + введение необходимых категорий + распространение необходимых категорий + выражение нескольких необходимых категорий одним элементом (синтетизм элементов).

При этом специфика аморфных (корнеизолирующих) языков может быть описана через отсутствие классов слов [30]; дифференциация классов слов отсутствует в аморфном (корнеизолирующем) языке и наличествует в основоизолирующем языке (поскольку в нем наличествует дифференциация функций) [31].

Таким образом, аморфная структура и при таком подходе предстает как исходная (самая простая). При данном подходе, однако, изолирующий тип языков нельзя охарактеризовать по функции имеющихся в нем элементов (как это сделано в § 3.2).

§ 4.4.2. Представляется в принципе интересным проследить (на основании предложенного метода) возможности типологического изменения при диахроническом развитии языка.

A priori можно предположить, что эти возможности не произвольны (а ограничены, например, возрастанием или уменьшением сложности языка или каким-либо другим, более сложным способом); при этом изменения степени сложности языка при диахроническом развитии можно принять за основание измерения типологического времени.

Можно, в частности, указать, что построенная схема совпадает, как кажется, с типологическим развитием индоевропейских языков, которые развивались, по всей видимости, от простого к сложному, последовательно минуя стадии аморфных, инкорпорирующих, агглютинативных и флективных языков.

Действительно, современные индоевропейские языки (в их сложнейшем варианте — такие, как русский или старые германские) — флективны. В то же время древние индоевропейские языки (фиксированные в памятниках письменности: например, хеттский, тохарский) характеризуются агглютинативным строем [32].

В индоевропейском праязыке, в том виде, как его обычно реконструируют, не было, очевидно, прилагательного (как специально оформленного класса слов) и не было аналога родительного падежа. Атрибутивные отношения выражались препозицией имени. Причем если определяемое имя оформлялось некоторыми категориями (категориями активности-пассивности), то определяющее имя выступало в виде чистого корня. Таким образом, можно предположить, что имела место инкорпорация.

При этом сложные существительные [где первое (определяющее) существительное представляет неоформленный корень] как этой, так и позднейших стадий восходят ко времени, когда слова не были морфологически оформлены. Вообще, если обратиться к еще более древнему синтаксическому состоянию, мы приходим, по-

---

[30] Этот дополнительный критерий вводится ниже, см. § 7.

[31] См. § 7.

[32] См. В. В. Иванов, *Об агглютинации в индоевропейском основообразовании и формообразовании*, стр. 25.

видимому, к аморфной структуре. В самом деле, наиболее древним типом предложения является, вероятно, предложение структуры: *NP...(V)*, где *N* — имя, *P* — энклитическая частица (их может быть несколько), а *V* — глагол; присутствие глагола факультативно, и в исконном виде структуру предложения можно представить в виде *NP*. При этом энклитическая частица совпадает с личной формой глагола; на этом основании еще Ф. Бопп высказывал предположение о том, что личные формы глагола надо объяснять из синтаксиса. Соответственно, на древнейшем этапе категории индоевропейского языка были, видимо, факультативными, и язык в целом тогда относился к типу аморфных [33].

Таким образом, развитие индоевропейских языков происходило, видимо, от простого к сложному: аморфный — инкорпорирующий — агглютинативный — флективный.

Пример обратного развития (от сложного — к простому) являют китайско-тибетские языки, в частности китайский [34], тибетский [35].

В последние столетия китайский язык развивается по линии усложнения, а многие индоевропейские — по линии упрощения (что можно представить как начало нового цикла).

Примеры индоевропейских и китайско-тибетских языков демонстрируют элементарные возможности диахронического развития языка [36]; понятно, однако, что и более сложные случаи могут быть описаны при помощи используемых понятий.

§ 5. ОЦЕНКА СТРУКТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ И ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВ НА ОСНОВАНИИ ПРЕДЛОЖЕННОГО МЕТОДА

§ 5.1. В результате предложенного анализа становится возможным сравнивать любые две соответствующие конструкции разных языков («соответствующими» называются

---

[33] См. по данному вопросу: В. В. Иванов, *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы;* Г. С. Клычков, *Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка;* Г. С. Клычков, *Вопросы типологии в курсе сравнительной грамматики индоевропейских языков;* C. Watkins, *Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure;* отчасти: W. Cowgill, *A search for universals in Indo-European diachronic morphology* (особенно стр. 102).

[34] См., например, B. Karlgren, *Le Proto-Chinois, langue flexionelle.* Ср. также J. Chmielewski, *The typological evolution of Chinese language.*

[35] Ср. развитие от древнего (письменного) к современному (разговорному) тибетскому языку.

[36] Может оказаться целесообразным предположить, что сам язык в процессе своей эволюции формирует ту модель, к которой он стремится (представляя собой тем самым развивающуюся систему, направление развития которой не задано заранее, а устанавливается в процессе развития).

Направление изменения зависит тогда от телеологических установок, которые устанавливаются в процессе развития. См. В. В. Иванов, Ю. К. Лекомцев, *Проблемы структурной типологии,* стр. 9, где намечается «кибернетический подход к изменяющейся языковой системе как к самоконструирующемуся автомату, что может быть связано с проблемой телеологии ...изменений».

структуры фраз разных языков, которые соответствуют одной фразе при переводе на язык-эталон) и оценивать одну как более простую, другую — как более сложную. Оценка производится на основании количества трансформаций при переходе от структуры языка-эталона к данной структуре.

При этом сложность структуры (структурной конструкции) в языке может быть показана операциями внутри самого этого языка. В результате этих операций сложные структуры разлагаются на аморфные плюс некоторые грамматические трансформации. Количество этих трансформаций[37] и определяет сложность структуры языка[38].

§ 5.1.1. Приведем примеры:

1. Конструкция «определение-определяемое» английского (*a stone wall*), турецкого (*taş duvar* — букв.: 'камень стена') проще, чем соответствующая русская (*каменная стена*). Английский и турецкий примыкающие атрибуты полностью соответствуют атрибуту аморфной конструкции[39]; в то же время соответствующий русский атрибут (прилагательное) образуется (сравнительно с ними) путем трансформации согласования (распространения необходимых категорий).

Сказанное об английском и турецком в равной мере относится к примыкающим атрибутам монгольских, американоидных, кетского и ряда других языков.

2. Инфинитив с предлогом во французском языке соответствует *ing*-овой форме в английском (герундию или отглагольному существительному) и отглагольному существительному в русском.

Ср. *pour faire — for doing — для делания.*

Французская конструкция проще соответствующих английской и русской (хотя она и не соответствует аморфной, как было в предыдущем примере): в самом деле, английский и русский инфинитив можно описать через французский, объявив, что после предлога к инфинитиву прибавляется пустой элемент *-ing* (*-ние*), закрепляющий функцию.

3. Инкорпорация определялась выше (§ 2.2.1.2) присутствием элементов II 2, которые оформляют как какой-нибудь элемент

---

[37] Оно равняется количеству внутриязыковых операций по сведению данной структуры к аморфной.

[38] При этом при сравнении двух структур *А* и *В* не обязательно сводить их к аморфной структуре. Часто достаточно свести структуру *А* к структуре *В* и тем показать, что *А* может быть описана через *В* плюс некоторую трансформацию, т. е. *В* представляет более простую структуру.

[39] Ср. соответствующую конструкцию вьетнамского языка: *tường đá* букв.: 'стена камень' (с постпозицией определения, что вообще характерно для вьетнамского).

(слово), так и любое сочетание, ему эквивалентное. В таком понимании инкорпорация характерна для английского и чукотского языков.

В самом деле, многие английские служебные элементы относятся, по-видимому, к типу II 2[40]:

Ср.: *General out-of-**jointness** of the world*;

*Sage they were, great **headnodders** and «I-would-not-venture-to-do-a-thing-like-this» **ers***[41].

(Аналогичные конструкции могут быть и в датском языке.

Ср.: *Alle hans «fanden gale mig»* ***er***[42]

'Все его «будь я проклят»',

где показатель множественного числа *-er* определяет всю группу в целом.)

В чукотском также служебные элементы представлены типом II 2.

Ср.: *Ярак* ***ны-ткэ-к'эн***

'В юрте пахнет';

Ярак ***ны****-чача-ынн-ы-ткэ-****к'эн***

'В юрте вкусно рыбой пахнет'.

Или:

Тын'кы- тур- нын'ин- кэтэн'кэ- кинмыт- пынит- тут- тэткэ-
'совершенно- ново- молодо- нарост- корень- оборы- впервые- задев-
('Совершенно новая молодая [за] нарост [на] корне оборами [сапог] впервые

*н'эвыт тымкы- рыткына-****та*** *кытгынта-****та*** *к'ымэк и'н'ы-прун'э-****гъи***[43]
женщина кочко-споткнувшись на бегу чуть носо- ткнулась'
задевшая женщина [на] кочку споткнувшись на бегу чуть носом ткнулась')

При этом чукотские конструкции проще английских (или датской): в чукотском элемент II 2 оформляет последовательность корней, все функции которых передаются их порядком (что полностью соответствует аморфной структуре); в то же время в английском элемент II 2 оформляет последовательность слов, т. е. сочетание корней с некоторыми необходимыми категориями, обозначающими их функцию (так же и в

---

[40] В примерах, следующих далее, выделены служебные элементы II 2; орфография сохранена.

[41] Пример из Г. Уэллса (см. H. G. Wells, *Little Mother up the Mörderberg*, — «The short stories of H. G. Wells», London, 1929, p. 642).

[42] P. Diderichsen, *Elementær dansk Grammatik*, ss. 43—44.

[43] П. Я. Скорик, *Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация*, стр. 59 (этот пример представляет собой скороговорку, применяемую при состязании в быстроте речи).

Поясним чукотские служебные элементы:

-та — показатель социативного падежа,

-гъи — показатель 3-го лица единственного числа 1-го прошедшего времени.

датском языке). Для их описания относительно чукотского необходима некоторая дополнительная трансформация.

Сказанное о чукотском применимо ко многим палеоазиатским и американоидным языкам.

4. Аналогичные отношения имеют место между английской и русской предложными конструкциями.

В обоих языках предлог является элементом II 2 (как было определено выше, см. § 2. 2. 1. 2).

Однако в английском языке предложная конструкция распространяется главным образом за счет неоформленных корневых элементов (что соответствует аморфной структуре), а в русском — за счет слов.

Ср.: *in a tall house — в высоком доме.*

Таким образом, предложная конструкция русского языка сложнее английской; она может быть описана через английскую с прибавлением некоторых дополнительных трансформаций.

Сказанное о русском верно для латинского, немецкого, арабского языков. Сказанное об английском — для турецкого.

Приведенные примеры демонстрируют относительную сложность или простоту структурных явлений разных языков, а также их изоморфизм (он явствует из замечаний в конце примера о том, что сказанное применимо и к некоторым другим языкам). При достаточно большом охвате языков можно представить таблицу соответствий для структурных явлений разных языков от простого к сложному.

Из приведенных примеров можно видеть, что характеристику структурной конструкции возможно производить несколькими различными методами.

С одной стороны, структурная конструкция может характеризоваться в терминах, определяемых со ссылкой на весь язык (т. е. с выходом за пределы данной структурной конструкции). Например, для характеристики данной структурной конструкции может быть существенна характеристика ее служебных элементов как II 2 или II 1; но такая характеристика устанавливается по функции служебного элемента вообще в языке, а не в данной конструкции [44]. Именно такой подход позволяет перейти к характеристике непосредственно языков (а не структур) (ср. ниже).

Помимо того, можно характеризовать некоторую структурную конструкцию, непосредственно сравнивая ее с соответствующей структурной конструкцией аморфного языка-эталона (при таком подходе мы не выходим за пределы характеризуемой структурной конструкции). Такая характеристика основывается (так же как предыдущая) на сравнении с аморфной структурой и описывается через указание трансформаций перехода от аморфной к данной структурной конструкции (трансформации соответствуют описанным выше). При этом элементы характеризуются только по функ-

[44] Так, служебный элемент, вообще характеризующийся в языке как элемент II 1, по функции в данной структуре может не отличаться от элемента II 2.

ции в данной структурной конструкции[45]. Однако такой подход не позволяет непосредственно перейти к общей характеристике всего языка.

§ 5.2. Как уже говорилось выше, предложенный метод типологической характеристики пригоден как для оценки конкретных структурных конструкций различных языков, так и для общей оценки самих языков. Рассмотрим принципиальную разницу этих подходов и полноту получаемых характеристик.

В первом случае — при характеристике структурных конструкций — рассматриваются все структурные явления[46], которые присутствуют в анализируемом предложении (или его части).

Во втором случае — при характеристике языков — рассматриваются только такие явления, которые присутствуют в любом достаточно развернутом[47] предложении данного языка. Если предложение в языке может развертываться несколькими взаимоисключающими (т. е. несовместимыми в пределах данного предложения) способами, для характеристики языка целесообразно выбрать наиболее сложный из альтернативных вариантов.

Таким образом, для общей характеристики языка существенно не наличие вообще в языке некоторых явлений (скажем, элементов определенного типа), а наличие их в любом предложении данного языка (если оно достаточно развернуто) или в сложнейшем из альтернативных вариантов.

Оба подхода совпадут (не будут содержательно различаться), если все предложения в языке однотипны по своей типологической характеристике (т. е. структуры всех предложений языка в одинаковой мере сложны или просты), — такие языки можно называть **однородными**[48]. Действительно,

---

[45] Таким образом, одни и те же элементы языка могут характеризоваться различным образом в разных структурных конструкциях (поскольку в разных структурных конструкциях одни и те же элементы могут иметь разную функцию).

Этот подход излагается в нашей работе: *«О сосуществовании грамматических структур в языке (Расчленение языка на элементарные структуры и возможность типологической характеристики последних)»*.

[46] Под «структурными явлениями» имеются в виду явления, которые считаются существенными для характеристики некоторой структуры.

[47] Достаточно развернутым можно считать такое предложение, в котором каждый член развернут всеми имеющимися в языке способами до тех пор, пока не происходит повторения корня или слова в одной и той же форме [т. е. пока в развертываемом сочетании не повторяется чистый корень или оформление слова (служебными элементами)]. Иными словами, каждая формальная характеристика при развертывании не должна быть повторена более одного раза.

[48] Заметим, что однородность или неоднородность языка может зависеть от того, в каких треминах дается типологическая характеристика. В настоящей работе каждый раз, когда говорится об однородности (и неоднородности) языка, имеется в виду однородность (неоднородность) по типологической характеристике в данных выше терминах.

в этом случае характеристика языка сводится к характеристике любой (достаточно длинной) его структурной конструкции [49].

В случае неоднородности языка — т. е. если язык содержит разные по своей типологической характеристике структурные конструкции — типологическая характеристика всего языка может оказаться слишком общей (т. е. под один разряд могут попасть языки с существенными типологическими различиями). Действительно, в случае альтернативных (взаимоисключающих) вариантов строения предложения (этот случай — типичный для неоднородных языков) характеристика языка совпадает с характеристикой самой сложной в языке структурной конструкции; в то же время характеристики других структурных конструкций языка (отличающихся от этой) не дается [50].

Таким образом, достаточно полная типологическая оценка разных языков (и однородных, и неоднородных) предполагает некоторую дополнительную характеристику (помимо изложенной), т. е. сопоставление языков по некоторому дополнительному основанию.

Язык определялся выше [51] как сочетание некоторой структуры и правил эквивалентности для перехода ко всем прочим структурам (данного языка). Типологическая характеристика некоторой структуры определяется степенью удаления данной структуры от соответствующей структуры языка-эталона (аморфной). Типологическая характеристика самого языка должна определяться соответственно степенью удаления всего языка от языка-эталона.

В случае однородности характеризуемого языка его характеристика сводится к характеристике какой-нибудь его структурной конструкции; иначе говоря, последней характеристики достаточно для характеристики языка [52]. В случае же неодно-

---

[49] Однородным — по определению — является и сам аморфный язык-эталон: действительно, структуры всех его предложений характеризуются нулевой сложностью.

[50] Возможным выходом в этом случае будет характеристика всех альтернативных вариантов данного языка. В этом случае для удобства типологического сравнения языков может быть целесообразно рассматривать каждый из вариантов неоднородного языка как равноправный специальному однородному языку и, если необходимо, говорить о сложении (однородных) языков разных типов (в данном неоднородном языке). Ср. Б. А. Успенский, *О сосуществовании грамматических структур в языке.*

[51] См. систему терминов, § 0.1.

[52] Можно показать, что в случае однородности языка по характеристике его структурной конструкции предсказываются имеющиеся в нем правила эквивалентности.

В самом деле, для этого надо сравнить некоторую достаточно длинную структурную конструкцию с ее более короткими вариантами: тогда мы будем иметь сведения о свертывании и развертывании этой

родных языков (а также и в общем случае, когда сравниваются как однородные, так и неоднородные языки) необходима, видимо, дополнительная характеристика правил эквивалентности данного языка[53]. Сравнивая языки по этим двум основаниям [т. е. сравнивая их структуры (структурные конструкции) и их правила эквивалентности], мы должны получить достаточно полную типологическую характеристику самих языков.

Таким образом, в соответствии с определенным выше пониманием языка, типологическая характеристика языков слагается из характеристики их структур (структурных конструкций) и характеристики их правил эквивалентности. Первую характеристику можно принять за основную[54], вторую — за дополнительную.

Первая характеристика может быть определена на основании необходимых трансформаций при переходе от структуры языка-эталона к структуре достаточно развернутого предложения в языке (или сложнейшего из его альтернативных вариантов). (Эти трансформации в свою очередь определяются на основании соответствующих внутриязыковых операций при приведении рассматриваемой структуры к аморфному виду.) Методике получения такой типологической характеристики и было посвящено предыдущее изложение.

Характеристика правил эквивалентности для данного языка может быть аналогично определена трансформациями перехода от системы правил эквивалентности простого (аморфного) языка-эталона к системе правил эквивалентности данного языка. [Эти трансформации также в свою очередь могут определяться (как можно будет видеть) на основании соответствующих внутриязыковых операций при приведении системы правил эквивалентности рассматриваемого языка к аморфному виду (т. е. к системе правил эквивалентности аморфного языка-эталона).] Методика получения данной типологической характеристики рассматривается далее (§ 7). Далее же показывается, что различные системы правил эквивалентности в языке определяют наличие в нем тех или

конструкции (получим правила эквивалентности) и при этом можем утверждать, что свертывание и развертывание в любой конструкции языка происходит таким же образом (в то же время для неоднородных языков такое утверждение будет неверным).

[53] При исчерпывающей характеристике языка можно охарактеризовать каждую структурную конструкцию, получаемую в результате развертывания по тому или иному правилу [на основании этой процедуры мы можем заключить и об относительной распространенности (характерности) того или иного явления в языке]. Это, однако, не необходимо при общей типологической оценке языков.

[54] Ее можно принять за основную именно потому, что в идеальном случае («однородности» языков) ее достаточно для характеристики всего языка.

иных классов слов (которые являются тем самым признаком типологической характеристики правил эквивалентности в данном языке); таким образом, наличие в языке определенных классов слов может служить дополнительным основанием для типологической характеристики всего языка [55].

Ниже мы переходим к характеристике и сравнению правил эквивалентности разных языков — и соответственно к сравнению классов слов разных языков. Одновременно показывается возможность построения и использования специального языка-эталона для типологического сравнения классов слов.

Традиционная морфологическая классификация (даже будучи освобождена от всех методологических недостатков, указанных выше) ограничена по существу одномерным сравнением конструкций, а не языков (ср. замечание Дж. Гринберга по этому поводу) [56]. Соответственно, характеристика языка в терминах данной классификации (а также любой ее интерпретации [57]) может быть достаточно полной лишь в случае однородности этого языка (ср. понятие «смешанные типы», вводимое в случае структурной неоднородности языка). В этом заключается принципиальная ограниченность традиционной морфологической классификации, которая сохраняется и в ее интерпретациях.

Для сравнения и характеристики собственно языков (а не конструкций) необходимо «многомерное» сравнение языков [58] — т. е. сравнение их по нескольким основаниям (как это и предложено выше). При этом за основную характеристику может быть принята характеристика в терминах традиционной морфологической классификации (в уточненной ее интерпретации); прочие критерии вводятся как дополнительные.

---

[55] Поскольку — как мы увидим далее — отождествление и обозначение классов слов производятся на основании правил эквивалентности, в которых участвует тот или иной класс (см. § 6, § 7).

[56] См. стр. 48, а также стр. 97 наст. изд.

[57] В том числе и той, которая дана выше.

[58] Ср. стр. 47—48 наст. изд.

ГЛАВА 4

ПОСТРОЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО (ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО) ЯЗЫКА-ЭТАЛОНА ДЛЯ СРАВНЕНИЯ КЛАССОВ СЛОВ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

§ 6. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. СИСТЕМА КЛАССОВ СЛОВ ОДНОГО ЯЗЫКА

§ 6.1. Выше предлагалось строить типологическую классификацию языков на основании сравнения с простым языком-эталоном. Покажем пример использования сложного языка-эталона для решения другой, более специальной типологической задачи: сопоставления классов слов разных языков.

Для типологического сравнения классов слов необходимо определить некоторое инвариантное основание, т. е. необходимо приписать каждому классу слов какое-то значение с тем, чтобы сравнивать классы слов (разных языков) по их значениям. Это и делается лингвистами, когда классы языков с разной структурой обозначаются одним термином (например, «существительное» в японском и русском языках); однако такое сравнение обычно проводится на основании семантических критериев (эти критерии можно формально описать через лексические соответствия)[1].

Попытку формального использования семантического критерия можно наблюдать в тех исследованиях, которые определяют, например, существительные через возможность их замены определенными местоимениями (аналогично определяются и другие классы слов; такой критерий, однако, неприменим для типологии, поскольку сам выбор местоимений производится не на формальных основаниях) или через возможность замены их собственными именами (критику последнего подхода см. ниже[2]).

Можно определять классы слов на основании грамматических категорий, которые в них выражаются (например, слово, выражающее падеж, опознается как существительное, выра-

---

[1] См., например, V. Brøndal, *Ordklasserne; idem*, *Morfologi og syntax*. Брёндалю во многом следует П. Дидрихсен в конкретном описании датского языка (P. Diderichsen, *Elementær dansk Grammatik*).
[2] См. § 7.2.1.

жающее время—как глагол и т. д.[3]). Однако тогда предварительно надо однозначно определить все категории, отождествить категории разных языков и построить типологию категорий. При этом может оказаться, что в некоторых языках нет общих категорий; тем самым увеличится количество общих типов классов слов.

Вообще говоря, столь же правомерно определять категории (и соответственно отождествлять категории разных языков) на основании принадлежности их тому или иному классу слов. Например, существенным признаком падежа может считаться то, что эта категория принадлежит имени (элементы, ее выражающие, относятся к имени); время характеризуется тем, что относится к глаголу, и т. д. Для этого, однако, предварительно надо определить таксономию классов слов.

Наконец, метод отождествления классов слов на основании выражения ими одинаковых категорий учитывает лишь морфологический критерий; в то же время представляется целесообразным отождествлять классы слов на основании одинакового функционирования их в предложении (поскольку морфологический критерий был уже применен при выделении классов слов в языке). Например, имеет смысл называть прилагательным такой класс, который определяет существительное (т. е. $AN \leftrightarrow N$)[4], наречием — класс, который определяет глагол (или прилагательное), и т. д.[5].

Представляется, что первые два критерия (семантический и морфологический) — в отличие от третьего — сами по себе неприменимы в типологическом отношении: действительно, типологическое использование этих критериев предполагает предварительную разработку семантической типологии или типологии категорий. В то же время последний критерий (критерий функционирования, или синтаксический) может, как мы пытаемся далее показать, быть непосредственно применен в типологических целях (для таксономии классов слов), если классы слов заранее как-то выделены. (Именно на основании этого критерия можно, в частности, приписывать значения классам слов в тексте неизвестного языка.)

Морфологический критерий может быть в то же время вполне применим при дескриптивном анализе языка (такой анализ не предполагает разработки типологии категорий).

---

[3] См., в частности, A. W. de Groot, *Structural linguistics and word-classes.* — Такой метод применяется, например, в работах: М. Н. Петерсон, *Современный русский язык;* О. В. Плетнер, Е. Д. Поливанов, *Грамматика японского разговорного языка.*

[4] Все наименования классов слов в § 6 условны. Пока нам неизвестны значения классов слов, и их прецизация имеет целью только указать (для наглядности) на приблизительное соответствие данного класса слов какой-то части речи традиционной грамматики.

[5] Ср. Г. Пауль, *Принципы истории языка,* стр. 415 и сл. о трех критериях выделения классов слов — по их значению, по их (морфологической) структуре и по их функционированию; там же — о смешении этих критериев в традиционной грамматике (см. также: A. W. de Groot, *Structural linguistics and word-classes,* p. 428; P. Diderichsen, *Elementær dansk Grammatik,* ss. 31—32).

В настоящей работе мы используем (последние) два из указанных критериев. При этом морфологический критерий применяется при предварительном внутреннем анализе языка. Критерий функционирования (синтаксический) применяется при собственно типологическом анализе (сопоставлении и обозначении классов слов разных языков). Семантический же критерий не используется вовсе.

Мы будем определять значение (функцию) класса слов по его сочетаемости с другими классами слов, выделяющимися в языке. Сочетаемость классов слов может быть описана через указание правил эквивалентности для свертывания и развертывания, в которых участвует данный класс.

Таким образом, мы будем описывать значение (функцию) класса слов, перечисляя правила эквивалентности для свертывания и развертывания, в которых участвует данный класс (в дальнейшем именуются: «правила эквивалентности данного класса»)[6].

Сочетаемость класса слов определяется как участием его в правилах собственно свертывания и развертывания, так и участием в несвертываемых (ядерных) конструкциях[7]. Иначе говоря, для полной характеристики сочетаемости некоторого класса слов существенно как участие его в атрибутивных, комплетивных, координационных и других сочетаниях, так и участие его в сочетаниях предикативных.

Мы примем, что значение класса слов определяется в основном правилами эквивалентности для свертывания и развертывания — в собственном смысле слова (т. е. участием данного класса в атрибутивных, комплетивных, координационных и других, но не предикативных сочетаниях). Участие класса слов в ядерных конструкциях (т. е. в предикативных сочетаниях) имеет второстепенное значение; при более общем подходе оно может вообще не учитываться[8].

Заметим также, что правила эквивалентности (некоторого класса слов), выражающие координационный тип связи (т. е. показывающие участие данного класса в координационных сочетаниях), не показательны при характеристике значения данного класса, поскольку по определению[9] каждый класс слов характеризуется такими правилами. Тем самым эти правила, как неспецифичные, не будут рассматриваться при характеристике значений классов слов.

Рассмотрим сначала некоторые следствия высказанного положения при рассмотрении классов слов одного языка (без

---

[6] О правилах эквивалентности данного класса слов можно в свою очередь говорить, что они суть элементарные признаки его значения.

[7] Иными словами: сочетаемость класса слов определяется как участием его в правилах свертывания и развертывания в собственном смысле слова (т. е. правил, показывающих, как свертывается и развертывается конструкция с данным классом слов), так и правилах, выражающих предикативный тип связи (т. е. показывающих невозможность данных операций). См. об этом различении § 0.8.1.

[8] Ср. ниже, § 7.

[9] См. § 0.8.

соотнесения их с классами слов других языков, т. е. обозначая их произвольно).

§ 6.2. Пусть в языке выделяется ряд классов слов (способом, описанным выше[10]), которые мы как-то произвольно обозначим (T, K, F...). Значение каждого класса определяется списком правил эквивалентности, которые показывают его сочетаемость с другими классами. Таким образом, значение класса Z есть конечное множество, состоящее из правил эквивалентности типа $YZ \leftrightarrow Z$ или $ZY \leftrightarrow Y$ (или $YZ \nleftrightarrow Y, Z$). Удобно рассматривать непосредственно значения, соответствующие классам слов, выделяющимся в языке.

При этом значение класса слов в языке может быть описано на разных уровнях подробности. На более общем уровне описания классы слов Z или Y (входящие в правила эквивалентности для данного языка) представлены структурной последовательностью типа Xn или Xm и т. д., где X — класс корней, а n, m — классы служебных элементов. На более подробном уровне каждый класс слов представлен структурными последовательностями: Xn_1, Xn_2, Xn_3 и т. д., где n_1, n_2, n_3 суть служебные элементы класса служебных элементов n[11] (таким образом, значение каждого класса Z представлено составляющими его формами Z_1, Z_2 и т. д.)[12]. Можно говорить, что в первом случае значение класса описывается на уровне к л а с с о в, во втором случае — на уровне ф о р м этих классов.

Представляется целесообразным при рассмотрении классов слов одного языка и установлении их системы описывать значения классов на более подробном уровне их форм; в то же время типологическое сравнение систем классов слов (и общих значений классов слов) разных языков (см. § 7) целесообразно производить на более общем уровне самих классов[13].

Рассмотрим некоторые возможные отношения значений классов слов, принадлежащих одному языку. Эти отношения

---

[10] См. систему терминов, § 0.7.1.

[11] Т. е. последовательности типа: «|м. род. | ед. число | род. падеж | X» или «|1-е лицо | ед. число | наст. время | X |» и т. д.

[12] Пользуясь традиционной терминологией, можно сказать, что во втором случае классы слов представлены на уровне словоформ.

[13] Это положение находится в соответствии с выдвинутыми ранее общими установками о том, что предварительный (внутренний) анализ языка, предшествующий типологическому сравнению, необходимо производить на более детальном уровне, нежели само типологическое исследование (см. стр. 55, 68 наст. изд.; ср. также § 0.3 о двух уровнях правильности предложения).

На данном этапе (в § 6) речь идет именно о внутриязыковом анализе, предшествующем типологическому. Поэтому такой анализ целесообразно производить на более детальном уровне.

удобно описать при помощи элементарных операций теории множеств.

А. Включение значений одного класса в другой: $K \subset T$.

Т. е. правила эквивалентности одного класса (T) включают в себя правила эквивалентности другого класса (K); соответственно значение класса T покрывает значение класса K. Класс слов, значение которого покрывается значением другого класса, можно назвать **подклассом** этого последнего (мы будем обозначать подклассы какого-нибудь класса F как F', F'' и т. д.). Подклассы, таким образом, обладают ограниченной сочетаемостью в сравнении с соответствующими классами; соответственно, значение F' можно описать через F (дав ограничивающие правила) [14].

Например, в русском языке подклассы классов N и A образуются классом числительных (их можно задать путем ограничивающих правил).

В некоторых языках выделяется класс непереходных глаголов (например, в палеоазиатских), т. е. непереходные глаголы оформляются иными служебными элементами, чем переходные. Легко показать, что в этих языках класс непереходных глаголов есть подкласс класса переходных глаголов (который совпадает по значению со всем классом глаголов) [15].

Систему классов слов языка можно описывать на разных уровнях — на уровне основных классов и на уровне подклассов. Первый уровень — более общий, второй — более подробный.

Б. Тождество значений классов: $T = K$ ($T \subset K$, $K \subset T$).

Т. е. в языке выделяются два класса слов, правила эквивалентности которых совпадают (таким образом, они обла-

---

[14] При более детальном подходе (нежели принятый в настоящей работе), учитывающем при характеристике значений классов слов не только правила эквивалентности для свертывания и развертывания, но и правила эквивалентности для субституции (см. § 0.8), данное выше определение подкласса можно переформулировать в следующее: подклассом класса A называется множество слов A' — такое, что слово из A' всегда может быть заменено на слово из A в грамматически правильном предложении, но не наоборот (ср. Б. А. Успенский, *Типологическая классификация языков как основа языковых соответствий (Структура языка-эталона при типологической классификации языков*, стр. 54.)

Можно видеть, что это определение подкласса следует из определения, данного выше (при указанном условии).

[15] Непереходные глаголы во всех языках можно рассматривать как подкласс класса глаголов (переходных), который выделяется морфологически (способом, указанным в § 0.7.1 — так в палеоазиатских языках) или же искусственно образуется, моделируя семантику какой-то части глаголов.

дают одинаковой сочетаемостью с другими классами слов). В этом случае мы отождествим два этих класса.

Например, в русском языке помимо класса слов, оформленного служебным элементом — показателем рода, числа и падежа (т. е. класса N — пример слова этого класса: *стол*), выделяется особый класс слов, оформленный служебным элементом того же класса (теми же показателями) плюс служебным элементом — показателем деятеля («nomina agentis») (пример слова этого класса: *учитель*).

Легко видеть, что правила эквивалентности этих классов совпадают и потому они тождественны (по своему значению).

При описании системы классов слов языка имеет смысл рассматривать только классы слов с разным значением. Классы слов с одним значением мы будем считать одним классом.

В. Объединение (сумма) значений классов: $T+K=F$.

Т. е. правила эквивалентности одного класса равны сумме правил эквивалентности других классов[16].

Например, в русском языке выделяется класс причастий P, значение которых представляет сумму значений класса глаголов V и класса прилагательных A: в самом деле, его значение характеризуется всеми правилами эквивалентности, характерными для A, и дополняются теми правилами эквивалентности, которые характерны для V и не совпадают с правилами эквивалентности A [так, P может присоединять к себе N в винительном падеже (глагольный объект)].

Если значение одного класса слов можно описать как сумму значений других классов слов, то при установлении системы классов слов данного языка достаточно выделить эти последние.

Г. Дополнение значений одного класса до другого (разность значений классов): $K=F-T$.

Иногда в языке удобно применять вычитание значений классов слов и рассматривать свойства дополнения одного класса до другого. Вычитание значений имеет смысл применять в случае производных классов.

Будем называть **производным** такой класс слов, который образован от другого (**исходного**) и включает в себя правила эквивалентности этого исходного класса — так что по его структуре можно предсказать отчасти его сочетаемость. Производными от глагола являются классы причастий, деепричастий, инфинитива, герундия и т. д. Производный класс можно представить в виде объединения исходного класса с

---

[16] Иначе говоря, выделяются два таких класса в языке (T и K), что каждый из них есть подкласс третьего класса (F) и при этом у F не существует такого правила эквивалентности, которого не было бы у T или K.

какими-то правилами эквивалентности[17] (т. е. в виде суммы, причем известно значение как суммы, так и одного слагаемого). Для определения значения этого дополнения можно применить вычитание классов.

В одних случаях дополнение исходного класса до производного совпадает по значению с каким-то классом (т. е. в языке выделяется класс с теми же правилами эквивалентности, что у получаемого дополнения). Этот случай был рассмотрен на примере причастного класса P, когда $P = V + A$.

В других случаях дополнение может равняться по значению подклассу какого-нибудь класса, выделяющегося в языке (т. е. дополнение можно представить как класс данного языка, на сочетаемость которого наложены некоторые ограничения). Например, в русском языке выделяется производный класс деепричастий G, который обладает всеми правилами эквивалентности V (исходного класса) и, кроме того, определяет V. Поскольку в русском языке выделяется также класс Adv, значение которого определяется правилами: $Adv V \leftrightarrow V$ и $Adv A \rightarrow A$, мы можем определить значение дополнения V до G как подкласс Adv: именно такой Adv', что $Adv' V \leftrightarrow V$, но $Adv' A \not\leftrightarrow A$ (так как деепричастие в русском языке может определять глагол, но не может определять прилагательное). В русском языке выделяется также производный (от V) класс инфинитива I. Вычитая правила эквивалентности V из правил эквивалентности I, получаем дополнение V до I, равное по значению некоторому подклассу N [такой N', который может быть дополнением (объектом) глагола, но не может, например, определяться всеми теми же классами, что и имя].

Наконец, можно представить случай, когда дополнение исходного класса до производного не совпадает по значению ни с классом, ни с подклассом данного языка (т. е. правила эквивалентности, составляющие дополнение, не входят в правила эквивалентности какого-нибудь класса этого языка)[18]. В таком случае можно определять новое исходное значение (которое не совпадает со значениями других классов данного языка и не является их подклассом).

Уже говорилось, что удобно оперировать не самими классами слов, а значениями, которые выделяются в языке. Для простоты будем считать, что каждому значению соответствует класс слов, который может выделяться в языке непосредственно (см. § 0.7.1) или опосредственно (через производные классы).

---

[17] Так как значение производного класса всегда больше значения исходного.

[18] Это значит, что производный класс получает какую-то совершенно новую функцию, которая отличается от функций других классов, выделяющихся в языке.

Тогда можно строить описание системы классов слов языка на уровне только исходных классов (определяя производные классы через исходные).

При этом описание системы классов слов на уровне только исходных классов изоморфно описанию на уровне всех классов (исходных и производных), так как если какой-то класс сочетается с производным классом, то он непременно сочетается с соответствующим исходным классом (на уровне только исходных классов).

§ 6.2.1. Отождествив классы слов, значения которых совпадают, мы можем описывать систему классов слов одного языка на разных уровнях:

I. а) на уровне и с х о д н ы х классов — когда описываются только исходные классы и их сочетаемость друг с другом (значения производных классов могут быть описаны дополнительно через исходные);

б) на уровне п р о и з в о д н ы х классов — когда описываются все классы, которые непосредственно выделяются, без различения на исходные и производные.

Выше было показано, что эти два уровня изоморфны (одинаково содержательны).

II. а) на уровне к л а с с о в — когда выделяются лишь классы, но не подклассы (последние задаются дополнительно, ограничивающими правилами);

б) на уровне п о д к л а с с о в — когда описываются все классы слов, без разделения на классы и подклассы.

Уровень классов более общ, уровень подклассов более подробен (через него достигается бóльшая степень точности описания) [19].

Необходимым условием типологического сравнения классов слов разных языков должно быть описание системы классов слов внутри каждого языка по одним и тем же принципам — т. е. на одних и тех же уровнях. При этом имеет смысл сравнивать языки на более общем уровне.

Мы будем далее рассматривать и сравнивать системы классов слов разных языков на уровне и с х о д н ы х к л а с с о в [20].

---

[19] Для наглядности опишем систему классов слов русского языка. В русском языке имеются

исходные классы: *N, V, A, Adv;*

исходные подклассы: *N′, A′* (числительные), *Adv′* (подкласс *Adv*, который определяет только *V*, но не *A*), *N″* (подкласс *N*, дополняющий *V* до *I*; точные ограничения в его сочетаемости относительно *N* мы не будем здесь определять);

производные классы: причастий $P = A + V$, деепричастий $G = V + Adv'$, инфинитива $I = V + N''$.

[20] На интересующем нас уровне, следовательно, в русском языке имеются четыре класса слов (правила эквивалентности, составляющие их значение, описываются далее, см. § 7.4.1).

Предложенным способом мы можем сравнивать значения классов слов внутри каждого данного языка и в результате устанавливать для этого языка систему классов слов [21]. Мы делаем это, исследуя сочетаемость классов слов в данном языке. При этом сочетаемость описывается на относительно более подробном уровне.

Далее (в § 7) мы переходим к типологическому сравнению классов слов (разных языков) по их значению (т. е. мы будем сравнивать значения классов слов, выделенных в каждом данном языке на основании предварительного внутриязыкового анализа [22]). Типологическое сравнение значений классов слов также основывается на исследовании сочетаемости классов слов в языке. При этом сочетаемость классов слов в языке описывается на более общем уровне абстракции [23].

§ 7. ПРИНЦИПЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ КЛАССОВ СЛОВ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

§ 7.1. Описанными методами мы можем в разных языках выделить классы слов и определить их отношения, т. е. установить системы классов слов. Остается сопоставить классы слов разных языков по их значению, т. е. обозначить классы разных языков (на основании их значения) в одних символах (например, в символах *A*, *N*, *V*, *Adv*...) и сравнить классы слов одного обозначения.

---

[21] Отметим, что для того, чтобы определить, является ли данный набор правил эквивалентности (некоторого языка) системой в указанном смысле, необходимо и достаточно проверить, чтобы между классами (или формами классов — в зависимости от уровня описания), участвующими в правилах, не было отношения включения. Проверка на включение между двумя классами (формами классов) Z и Y может быть осуществлена подстановкой обозначения одного класса (формы) — например, Y — в правила эквивалентности, сформулированные относительно другого класса (формы) Z. Если все вновь образованные (при такой подстановке) правила совпадают с правилами, сформулированными относительно Y, говорим, что $Z \subset Y$ (или: значение Y включает значение Z).

[22] Методами, описанными в § 0.7.1 и в настоящем параграфе.

[23] Более общий уровень рассмотрения значений классов слов (который предполагается при типологическом анализе, сравнительно с внутриязыковым) обусловливает следующее:

А. Сочетаемость класса слов в языке (которая характеризует его значения) описывается на более общем уровне самих классов, а не их форм (ср. § 6.2).

Б. Сочетаемость класса слов характеризуется только участием его в свертывании и развертывании; при типологической характеристике значения класса слов не учитывается его участие в ядерных (предикативных) конструкциях (ср. § 6.1). В то же время участие в предикативных конструкциях принимается во внимание при обозначении классов слов; последнее производится, следовательно, на несколько более подробном уровне рассмотрения, чем типологическая характеристика значений классов слов (см. ниже).

Обозначение классов слов мы производим на относительно более подробном уровне рассмотрения, когда учитывается и участие класса в ядерных (предикативных) конструкциях.

В то же время само типологическое сравнение (и характеристика) значений классов слов производится нами на относительно более общем уровне описания, когда учитывается только участие класса слов в свертывании и развертывании [24].

Поставленные задачи можно решить, если построить язык-эталон, через сравнение с которым было бы можно сопоставлять значения классов слов. (Тогда этот язык-эталон будет метаязыком, обращаясь к которому можно описывать значения классов слов разных языков.)

Возможность построения подобного языка-эталона явствует из следующего рассуждения. Если сочетание двух классов слов Z и Y в языке эквивалентно Y (т. е. $ZY \leftrightarrow Y$), мы можем охарактеризовать эти классы через соотношения друг с другом. Точно так же мы можем определить и другие классы слов внутри данного языка (поскольку все классы слов в языке как-то соотносятся между собой); таким образом, получается цепочка взаимосвязей. В результате мы можем определить классы слов каждого языка друг через друга. Тогда достаточно уметь отождествить какой-нибудь один класс слов в разных языках, чтобы через него определить все остальные классы. Это позволяет построить типологию классов в виде исчисления. В упорядоченном виде это исчисление и может составить язык-эталон: построив такое исчисление, значения классов слов некоторого языка можно определить непосредственным сравнением системы классов слов данного языка с различными исчисляемыми системами.

Например, отождествив какой-то класс слов K, мы можем выделить в разных языках класс (или классы) слов, который определяет K, и класс слов, который определяется K, и т. д. Так можно установить иерархию классов слов [25]. Соответственно эти классы можно обозначить в одних символах так, чтобы одинаково обозначаемые классы обладали бы одной функцией. При этом при обозначении классов слов целесообразно учитывать языковую типологию, т. е. сочетаемость тех или иных классов слов, известную нам из типологии разных

---

[24] Ср. замечание в § 6.1 о том, что участие класса слов в ядерных конструкциях имеет второстепенное значение, которое может не учитываться при более общем подходе.

О возможности характеристики значения класса слов с учетом участия его в ядерных конструкциях (при необходимости более подробной типологической характеристики) см. ниже (§ 7.4.2).

[25] Заметим, что если класс L определяет в языке класс M, из этого не следует, что M не может определять L (классы могут замыкать круг, определяя классы, которые определяют их самих). В противном случае можно было бы построить типологию классов слов (определить их таксономию), априорно упорядочив правила эквивалентности.

языков. Например, из типологии известны такие отношения классов слов, как: $AN \leftrightarrow N$, $VN \leftrightarrow V$, $AdvV \leftrightarrow V$. Мы можем считать, что эти отношения наличествуют во всех языках, где имеются данные классы слов, т. е. можно обозначать какие-то классы слов в языке, как *A N, V, Adv*, если их сочетания не противоречат данным отношениям. Иными словами, если достаточно хорошо представлять языковую типологию (сочетаемость классов слов), естественно обозначать классы слов неизвестного языка (т. е. приписывать им значение) именно на основании этого представления. Тогда различные отношения классов слов, известные из типологии разных языков, образуют метаязык для определения значений классов. В идеале (если этот метаязык сформулировать достаточно полно) значение любого класса слов какого-то языка можно определить, сравнивая с каким-то другим языком (через данный метаязык).

Различные отношения последовательно обозначенных классов слов и явятся тогда инвариантным основанием при определении значений классов слов разных языков. Для определения значения классов слов необходимо прежде всего установить правила обозначения классов слов (т. е. определить признаки значений тех или иных классов слов; при этом при обозначении учитываются данные языковой типологии [26]); этот вопрос мы рассматриваем в § 7.2. Далее необходимо определить некоторый метод для сравнения одноименных классов слов по их значению (мы рассматриваем этот вопрос в § 7. 3 и ниже).

Были изложены общие теоретические соображения относительно возможного подхода к построению типологии классов слов; далее этот подход излагается более конкретно.

§ 7.2. Покажем, как можно обозначить классы слов некоторого языка [27] (определяя характерные для них функции) на основании известных из типологии отношений эквивалентности.

Примем следующую стратегию обозначения: прежде всего мы будем искать и обозначать классы *N* и *V* [28] — во всяком языке, где вообще различаются классы слов [28].

---

[26] Т. е. данные по сочетаемости традиционно выделяемых «частей речи» разных языков.

[27] В том числе и неизвестного языка.

[28] Эмпирически можно, как будто, утверждать, что во всех языках, где различаются классы слов, имеются классы *N* и *V*. Это утверждение не является, однако, необходимым (дедуктивным): можно искусственно построить язык, для которого такое утверждение не будет справедливым.

[29] В языке могут различаться минимум два класса слов, так как если в языке имеется всего один класс, это значит, что классы слов в нем вообще не различаются.

В соответствии с принятой стратегией мы предполагаем (строим гипотезу) относительно каких-то двух классов слов в языке, что эти классы суть N и V. (Гипотеза считается верной, если ее принятие не противоречит подставляемым далее формулам—см. ниже; если же получается противоречие, мы изменяем первоначальное предположение.) Мы можем, в частности, опознать эти классы как такие, которые сочетаются по формуле: $VN \leftrightarrow V$ [30] (или же мы можем определить значения этих классов на основании сравнения с формулой: $NV \leftrightarrow N, V$) [31].

Положим, мы как-то определили классы слов N и V в языке. Тогда мы можем определить (и обозначить) и другие классы слов по их функции в языке. Пусть в языке имеется класс слов Y, отличный от N и V [32], и пусть $YN \leftrightarrow N$; тогда мы отождествим Y с A (на основании сравнения с формулой $AN \leftrightarrow N$). Если, далее, имеется класс Z, отличный от N, V и A, и $ZV \leftrightarrow V$, мы отождествим Z с Adv (на основании сравнения с формулой $AdvV \leftrightarrow V$). В принципе можно предположить, что в языке выделяется и класс W, отличный от N, V, A, Adv, такой, что $WA \leftrightarrow A$ [33]. Так же можно априорно выделять и иные классы. Если же в языке не выделяется тот или иной класс слов, характерная для него функция может выражаться одним из имеющихся классов (например, если в языке не выделяется Adv, его функцию может выражать A: $AV \leftrightarrow V$) или же вовсе не выражаться каким-либо классом слов; последнее возможно в случае, если данная функция выражается корневым элементом, а не словом некоторого класса.

Так мы можем определить функцию классов слов и соответственно их обозначить (подставляя данные формулы в отношения эквивалентности рассматриваемого класса) [34].

В качестве дополнительных признаков, позволяющих определять значения классов слов в случае возможной неоднозначности (возможности подставить одни и те же формулы в разные правила эквивалентности рассматриваемого языка), можно использовать формулы, характеризующие сочетаемость классов слов в ядерных конструкциях (т. е. конструкциях с предикативным типом связи). Для этого надо предварительно определить типологию таких

---

[30] Эта формула означает, что сочетание глагола с объектом (при эргативной конструкции — с субъектом) эквивалентно глаголу.

[31] Эта формула показывает участие данных классов в предикативных (ядерных) конструкциях. Об использовании таких конструкций см. несколько ниже.

[32] Если Y не отличается от N или V, это означает, что Y можно подставить всегда вместо N или V в языке и грамматическая правильность предложения не нарушится.

[33] Нам не удалось обнаружить язык, где выделялся бы такой класс, хотя в принципе существование такого класса возможно.

[34] При необходимости аналогичным способом можно обозначить и другие классы слов.

конструкций. Можно принять, что во всех языках, где наличествуют данные классы слов, имеется конструкция *NV*; кроме того, могут быть конструкции *NN* и *NA* (так называемые именные предложения); наконец, может быть целесообразно признать возможность существования также ядерных конструкций вида *NVA*, *NVN*[35].

Соответствующие правила эквивалентности (выражающие предикативный тип связи) формулируются: $NV \leftrightarrow N, V$; $NN \leftrightarrow N, N$; $NA \leftrightarrow N, A$; $NVA \leftrightarrow N, V, A$; $NVN \leftrightarrow N, V, N$[36].

Классы слов могут опознаваться по участию в той или иной ядерной конструкции. Например, если в исследуемом языке предложение свертывается в ядерные конструкции *ZY* и *ZW*, мы опознаем класс слов *Z* как *N* на основании сравнения с конструкциями: *NV* и *NA* (т. е. с формулами: $NV \leftrightarrow N, V$ и $NA \leftrightarrow N, A$).

Указанные формулы являются, таким образом, признаками значений соответствующих классов слов: по определению в списках правил эквивалентности, характеризующих значения данных классов слов, должны быть такие правила, в которые можно подставить соответствующие формулы; такие правила эквивалентности можно называть **характерными** для данного класса слов.

В случае выражения некоторой функции определенного класса слов корнем (а не словом) для определения значения (и обозначения) данного класса слов достаточно присутствие не всех, а некоторых правил эквивалентности, характерных для этого класса.

Иначе говоря, в случае наличия в языке некоторого правила эквивалентности с корневым элементом — т. е. правила вида: $XZ \leftrightarrow Z$, где *X* обозначает класс корней, а *Z* — некоторый класс слов: например, $XV \leftrightarrow V$), — обозначение корня *X* можно считать свободной переменной, способной принимать любое значение (значение любого класса слов)[37], недостающее при описании системы классов слов данного языка (если в языке имеются некоторые, но не все правила эквивалентности, характерные для того класса слов, значение которого принимает *X*)[38].

§ 7.2.1. Из сказанного выше видно, что достаточно определить значение какого-то одного класса слов (например, *N*

---

[35] С типом связи, отличным от комплетивного; для этого предварительно надо, однако, более подробно разграничить типы связи.

[36] Ср. § 0.8.1.

[37] Слово «значение» употреблено здесь в логико-математическом смысле (т. е. в смысле соответствия некоторой переменной).

[38] Например, если для обозначения некоторого класса слов как *N* недостает правила эквивалентности $VN \leftrightarrow V$ (при том, что имеются другие правила эквивалентности, в которых функция данного класса соответствует функции *N*) и имеется (в рассматриваемом языке) правило эквивалентности $VX \leftrightarrow V$, мы можем обозначать данный класс указанным образом (подставляя формулу $VN \leftrightarrow V$ в это правило эквивалентности).

Переменная *X* может принимать и нулевое значение (т. е. соответствующее правило эквивалентности типа $XZ \leftrightarrow Z$ может вообще не приниматься во внимание при обозначении классов слов), если классы слов данного языка хорошо описываются и без учета данного правила эквивалентности.

Подробнее об этом см. § 7.4.2.1.

или V), чтобы по сочетаемости с этим классом слов опознать все остальные классы слов языка.

Может быть, отчасти и на этом основании предлагается иногда применять внеграмматические критерии для отождествления этого ключевого класса: так, класс существительных предлагается определять как эквивалентный семантически выделяющейся группе собственных имен [39]. Такой метод, однако, представляет собой выход за рамки формальной грамматической теории, который в принципе может сказаться на результатах [40].

В то же время мы можем сами формулы, являющиеся признаками того или иного класса слов, рассматривать как принадлежащие метаязыку для определения их значений и обозначать те или иные классы слов на основании соответствия их правил эквивалентности указанным формулам. Последние можно рассматривать как правила эквивалентности этого метаязыка. Действительно, обозначение классов слов производится на основании подстановки определенных формул в правила эквивалентности рассматриваемого языка. Полная совокупность всех возможных формул такого рода и составит, очевидно, модель метаязыка, необходимого и достаточного для определения значения любого класса слов.

Итак, определение значений классов слов данного языка может происходить путем последовательной постановки гипотез и их проверки на основании сопоставления с данными формулами: классы слов этого языка произвольно обозначаются как *Y, Z, W*... (класс корней обозначается *X*); затем описываются отношения эквивалентности этих классов (их сочетаемость), т. е. устанавливается система классов слов этого языка; далее, в переменные *Y, Z, W*... последовательно подставляются значеия *N, V, A, Adv*... [41] до тех пор, пока правила

---

[39] Например, в работах К. Айдукевича, И. Бар-Хиллела, И. Ламбека и др.; см., в частности: J. Bar-Hillel, *A quasi-arithmetical notation for syntactic description;* J. Lambeck, *The mathematics of sentence structure;* также S. Saporta, *Phoneme distribution and language universals,* p. 56 (со ссылкой на Ф. Хаусхольдера, определяющего *N* через собственные имена с неявным использованием статистики).

[40] В принципе возможно, например, что в каком-нибудь языке группа собственных имен эквивалентна двум формально различающимся классам слов (скажем, *N* и *A* или *N* и *V*); указанный критерий использует тем самым индуктивную (эмпирическую), а не дедуктивную закономерность. В то же время представляется целесообразным при определении значений классов слов основываться на дедуктивных закономерностях, вытекающих из самой сущности определяемых единиц — таких, что, если к некоторой единице не приложима соответствующая закономерность, она не может быть названа единицей данного порядка.

[41] Соблюдение указанной последовательности подставляемых классов слов обязательно. Иначе говоря, при подстановке формул в правила эквивалентности данного языка необходимо начинать с формул, где участвуют классы *N* и *V*, затем переходить к формулам с участием *A* и т. д.

эквивалентности данного языка не совпадут наилучшим образом с формулами (правилами эквивалентности) метаязыка. (При этом в переменную X по условию может быть подставлено значение любого класса слов, недостающее для полного совпадения правил эквивалентности данного языка с соответствующими формулами метаязыка [42]).

§ 7.2.1.1. Покажем, что искомым метаязыком может служить язык с предельно большим количеством различных классов слов (в котором нет чистых корней [43]).

В самом деле, при описанном подходе для всех языков, в которых присутствуют данные классы слов, верно, что $AN \leftrightarrow N$, $VN \leftrightarrow V$, $AdvV \leftrightarrow V$ и т.д. [44] — по той причине, что мы руководствуемся этими формулами, когда приписываем некоторому классу слов Z функции A, N, V или Adv (эти правила по определению входят в список правил эквивалентности, характерных для соответствующего класса слов) [45]. Вообще, в языках, где имеются общие классы слов, должны совпадать и правила эквивалентности, характерные для этих классов. Если представить (или построить искусственно) язык с предельно большим количеством различных классов слов, то правила эквивалентности этого языка будут включать в себя все правила эквивалентности, характерные для каждого класса слов любого другого языка.

Тем самым такой язык может служить метаязыком для обозначения классов слов разных языков.

§ 7.3. Выше предлагался некоторый метод обозначения классов слов; остается неясным, однако, как сравнивать классы слов разных языков (как характеризовать их значение).

---

[42] При достаточно большом количестве формул в метаязыке, а также установлении их иерархии и соблюдении некоторых правил при обозначении (например, соблюдении указанной последовательности обозначения) определение значений классов слов должно происходить однозначным образом.

[43] Т. е. в предложениях которого нет элементов с функцией I 2 (см. § 2.2.2).

[44] Т. е. имеются соответствующие правила эквивалентности.

[45] Мы отвлекаемся в приводимом здесь рассуждении от возможности выражения некоторых функций данного класса слов корневым элементом (имеются в виду случаи замещения какого-то класса слов классом корней в некоторых правилах эквивалентности, характерных для данного класса слов). Как мы увидим далее (§ 7.4.2.1), общий метаязык, который годится для определения значений классов слов в языках без этого явления (без корневых элементов, замещающих классы слов в некоторых функциях), годится и для таких языков (поскольку язык с такими корневыми элементами описывается при помощи специального метаязыка, представляющего собой язык, который полностью соответствует данному языку, но лишен этих корневых элементов; для описания же этих частных метаязыков и годится искомый общий метаязык).

Действительно, очевидно, что значения одноименных (т. е. одинаково обозначаемых) классов слов могут существенно различаться в разных языках. В то же время по определению они должны иметь нечто общее — именно, правила эквивалентности, характерные для этих классов[46]. (Можно сказать, что значения одноименных классов слов разных языков по определению должны пересекаться, причем пересечение образуют характерные для них правила эквивалентности.)

В минимальном случае значение данного класса слов определяется только такими правилами эквивалентности; в этом случае его сочетаемость с другими классами слов в языке предельно ограничена. В других случаях в значение этого класса слов входят и другие правила эквивалентности[47]. Тогда данный класс слов выражает некоторую дополнительную функцию, которая в другом языке может выражаться специально — особым классом слов. Таким образом, в последнем случае класс слов данного языка может соответствовать по функции (значению) нескольким классам слов другого языка[48].

Таким образом, различие в значении одинаково обозначаемых классов слов разных языков определяется количеством классов слов, с которыми данные классы сочетаются в правилах эквивалентности. В свою очередь, последнее определяется прежде всего общим количеством классов слов, выделяющихся в языке. Если сравнить, например, язык, где всего два класса слов (*N* и *V*), с языком, где их четыре (скажем, *N, V, A, Adv*), то очевидно, что классы слов первого языка (*N* и/или *V*) превосходят по объему значения соответствующие классы слов второго языка: некоторый класс слов в первом языке (или оба класса) будет покрывать функцию нескольких классов слов второго языка (и так им соответствовать).

Вообще, чем больше классов слов в языке, тем более специализированы их функции; иными словами, тем у́же значения классов слов этого языка.

Если значение класса слов *Y* языка L_1 соответствует значениям классов слов *Y* и *Z* другого языка L_2[49], то язык L_2 мо-

[46] Если в сравниваемых языках нет корневых элементов, замещающих некоторый класс слов в характерной для него функции. Мы отвлекаемся пока от таких случаев, с тем чтобы рассмотреть их ниже (в § 7.4.2.1).

[47] Минимальный предел сочетаемости данного класса слов с другими составляют те классы слов, с которыми данный класс сочетается в характерных для него правилах эквивалентности; максимальный предел определяется общим количеством выделяющихся в данном языке классов слов.

[48] В числе этих других классов слов второго языка будет класс слов того же наименования, что и соответствующий класс слов первого языка, плюс какие-то другие классы слов.

[49] Глагол **«соответствовать»** (в отношении значений классов слов разных языков) можно формально определить следующим образом. Говорим, что класс слов *Y* одного языка соответствует по значению классу слов *Z* другого языка (при бщем условии, что классы слов в обоих языках обозначены по какому-то одному принципу), если при замене обозначения *Y* на *Z* в правилах эквивалентности первого языка значение данного класса слов (относительно других классов слов этого же языка) не изменится.

жет быть взят в качестве метаязыка для характеристики значения данного класса слов в языке L_1. Таким образом можно сравнивать значения одноименных классов слов разных языков и характеризовать значение одного класса через значения другого класса.

Например, глагол палеоазиатских языков соответствует по функции и глаголу, и прилагательному других языков (с бо́льшим количеством классов) [50]; то же в отношении корейского языка [51]. Имя амхарского языка соответствует и существительному, и прилагательному других языков [52]; то же в арабском.

Такой подход предполагает использование языка-эталона (метаязыка). Покажем, что метаязык с предельно большим количеством классов слов, который предлагался выше [53] для обозначения классов слов разных языков, может быть использован и для характеристики значений различных классов слов, и уточним в связи с этим некоторые свойства такого метаязыка.

В самом деле, для языков с одними и теми же классами слов относительная характеристика значения некоторого класса слов могла бы быть получена непосредственным сравнением правил эквивалентности, характеризующих значение данного класса слов в том или ином языке [54]. В то же время, если сравниваются языки с разными классами слов, причем значению некоторого класса слов одного языка соответствуют значения нескольких классов слов другого языка [55], значение первого класса может быть охарактеризовано через последние; второй язык является в этом случае метаязыком по отношению к первому.

Наконец, если при сравнении двух разных языков с различающимися классами слов значение рассматриваемого класса слов одного языка не описывается через значение каких-либо классов слов другого языка, необходимо выбрать (или построить искусственно) некоторый третий язык, являющийся метаязыком (языком-эталоном) по отношению к обоим данным. В этот язык-эталон должны входить все правила эквивалентности, имеющиеся в сравниваемых (характеризуемых)

---

[50] См.: R. Jakobson, *Langues paléosibériennes,* p. 417; сб. «Языки и письменность народов Севера», т. III, стр. 165, 183.

[51] См. Г. Рамстедт, *Грамматика корейского языка,* стр. 85.

[52] См. Н. В. Юшманов, *Амхарский язык,* стр. 23.

[53] См. § 7.2.1.1.

[54] Например, если все правила эквивалентности, характеризующие класс Y в языке L_1, характеризуют тот же класс и в языке L_2, но не наоборот, можно считать, что значение класса Y в L_2 больше, чем значение класса Y в L_1.

[55] В числе этих нескольких классов должен быть и класс слов, одноименный данному классу слов (первого языка).

языках (при условии, что характеристике подлежит не только данный класс слов, но все классы слов этих языков) [56]; из этого следует, что такой язык-эталон будет иметь все классы, выделяющиеся в характеризуемых языках (ср. выводы, сделанные в § 7. 2. 1. 1).

Смысл предлагаемого подхода состоит вообще в том, чтобы определять классы слов не внутриязыковыми методами, а через соответствия с другими языками (в то же время внутриязыковые методы применяются при выделении классов). Эти соответствия устанавливаются через язык-эталон (тем самым мы избегаем противоречий, которые могут возникнуть, если не учитывать межъязыковую типологию).

Итак, мы пришли к тому, что языком-эталоном (метаязыком) для характеристики значений классов слов разных языков должен быть язык, имеющий все правила эквивалентности, которые есть в каком-либо из характеризуемых языков (такой язык будет иметь тогда и все возможные классы слов).

Такой язык будет (в рассматриваемом отношении) предельно сложен, т. е. будет предельно далеко отстоять от аморфного (по рассматриваемому здесь критерию). В самом деле, можно показать, что язык тем сложнее, чем больше в нем различных правил эквивалентности — и соответственно, чем больше в нем различается классов слов [57]. Например, в аморфных языках классы слов вообще не различаются; правила эквивалентности сводятся к единственно возможному: $XX \leftrightarrow X$. В более сложных языках происходит закрепление и различение функций [58], соответственно выделяются и различаются классы слов. При этом чем больше классов слов в языке, тем больше возможностей различных сочетаний, т. е. тем более разнообразными правилами эквивалентности могут характеризоваться классы слов.

§ 7.4. Из сказанного выше следует, что если построить (или выбрать из числа существующих) сложный язык-эталон (метаязык) с предельно большим количеством классов слов и наиболее разнообразными правилами эквивалентности, то через соответствие с таким языком-эталоном можно будет описывать значения классов слов различных языков. Действитель-

---

[56] Можно сказать, что правила эквивалентности языка-эталона должны представлять теоретико-множественную сумму правил эквивалентности характеризуемых языков. При этом правила эквивалентности разных языков должны быть последовательно обозначены в соответствии с методом, предложенным в § 7.2. — Легко видеть, таким образом, что рассматриваемый сложный язык-эталон будет представлять собой язык-эталон максимального типа (см. стр. 63), между тем как простой (аморфный) язык-эталон является языком-эталоном минимального типа.

[57] Это иллюстрируется ниже, в § 7.4.1.

[58] См. принципиальную схему от простого к сложному в § 4.4.

но, любой другой язык будет, по определению, проще данного языка-эталона (по количеству классов) — какие-то два класса слов языка-эталона будут совпадать в этом языке, т. е. какой-то класс слов языка, менее сложного, чем язык-эталон, будет покрывать значение двух или более классов слов языка-эталона. Класс слов, покрывающий значения нескольких классов слов языка-эталона (или вообще — более сложного по количеству классов слов языка), можно представить как результат нейтрализации этих классов; мы можем уничтожать формальные различия между какими-нибудь двумя классами слов языка-эталона и, последовательно уменьшая таким образом количество классов слов, рассматривать изменения правил эквивалентности.

Изменяя язык-эталон (метаязык) таким способом (т. е. последовательно отождествляя два класса слов и подставляя обозначение одного класса слов в правила эквивалентности, характеризующие другой класс слов), мы должны прийти к универсальному исчислению, которому соответствует любой анализируемый язык.

Далее (в § 7.4.1) мы иллюстрируем сказанное на примере.

При этом мы будем сравнивать классы слов разных языков по их значению на более общем уровне абстракции (нежели тот, на котором производилось обозначение классов слов), характеризуя сочетаемость классов слов только по участию данного класса в свертывании и развертывании (но не по участию его в ядерных конструкциях)[59].

§ 7. 4. 1. Представим себе достаточно сложный язык-эталон, в котором имеются классы: *A*, *N*, *V*, *Adv*.

Опишем правила эквивалентности для этого языка[60]:

$$
\begin{array}{lcl}
AN & \longleftrightarrow & N \\
NN & \longleftrightarrow & N \\
VN & \longleftrightarrow & V^{61} \\
NV & \longleftrightarrow & V^{62} \\
Adv\,V & \longleftrightarrow & V \\
NA & \longleftrightarrow & A \\
Adv\,A & \longleftrightarrow & A
\end{array}
$$

Таков приблизительно русский язык[63].

---

[59] Ср. § 7.1, § 6.1; о возможности типологической характеристики классов слов с учетом участия их в ядерных конструкциях см. § 7.4.2.

[60] В формулах определение (атрибут) предшествует определяемому, объект следует за глаголом. Таким образом, мы различаем дополнение и атрибуцию (различение этих типов связи см. в § 0.8.1).

[61] Дополнение *V*.

[62] Определение *V*.

[63] Для наглядности проиллюстрируем некоторые неочевидные сочетания из русского языка: *NN — изба лесника, ножка от стула; NA — красивый лицом, смелый в бою.*

Представим себе более простой язык, где не различаются классы *Adv* и *A*; подставляя *A* вместо *Adv* в приведенных выше правилах эквивалентности, получаем:

классы: *A*, *N*, *V*

правила:

$$\begin{array}{l} AN \longleftrightarrow N \\ NN \longleftrightarrow N \\ VN \longleftrightarrow V \\ NV \longleftrightarrow V \\ AV \longleftrightarrow V \\ NA \longleftrightarrow A \\ AA \longleftrightarrow A \end{array}$$

Таков, например, датский язык.

Представим еще более простой язык, где не различаются *A* и *N*; подставляя *N* вместо *A* в только что приведенных правилах эквивалентности, имеем:

классы: *N*, *V*

правила:

$$\begin{array}{l} NN \longleftrightarrow N \\ VN \longleftrightarrow V \\ NV \longleftrightarrow V \end{array}$$

Таков арабский язык.

Представим язык с таким же количеством классов, где не различаются *A* и *V*; подставляя *V* вместо *A* в правилах эквивалентности, которые были приведены выше (для языка с классами: *N*, *V*, *A*), получаем те же классы *N*, *V*, однако характеризующиеся другими правилами эквивалентности.

Правила:

$$\begin{array}{l} VN \longleftrightarrow N \\ NN \longleftrightarrow N \\ VN \longleftrightarrow V^{64} \\ NV \longleftrightarrow V \\ VV \longleftrightarrow V \end{array}$$

Таков, по-видимому, нивхский язык[65].

---

[64] Тут получается противоречие: *VN* эквивалентно и *N* и *V* (т. е. может быть и дополнением глагола, и атрибуцией имени). В реальном языке в этом случае должны существовать дополнительные указания по свертыванию (и соответственно различению этих конструкций) на другом — более подробном, нежели описываемый, — уровне (например, в зависимости от падежа, имени или формы глагола).

[65] Также, возможно, и язык яна (хоканской группы) (ср. Э. Сепир, *Язык*, стр. 93).

При дальнейшем уменьшении количества классов имеем один класс: $V = N = Z$, т. е. классы слов вообще не различаются;

одно правило: $ZZ \leftrightarrow Z$.

Так мы приходим к аморфным языкам (где также не различаются классы слов и имеется всего одно правило эквивалентности: $XX \leftrightarrow X$)[66].

§ 7. 4. 2. Подобным образом можно построить язык-эталон с предельно большим количеством классов слов и разнообразными правилами эквивалентности; через сравнение с ним можно было бы описывать значения классов слов любого языка[67].

Однако и не строя универсального языка-эталона, можно описывать значение класса слов одного языка через соответствие с другим языком. Например, арабское N соответствует русским N, A и Adv; нивхское V покрывает значения русских A, Adv и V. Соответственно их значения могут быть представлены как суммы значений русских классов слов: арабск. N = русск. $(N + A + Adv)$; нивхск. V = русск. $(V + A + Adv)$. В данном случае русский язык, как более сложный, играет роль языка-эталона (метаязыка) внутри этого ограниченного круга языков.

Предложенная схема показывает возможность построения сложного языка-эталона для характеристики значений классов слов разных языков, а также возможность произведения различных операций над объемом значений классов слов для получения априорных систем (такие системы могут затем соотноситься с реальными языками).

Важно отметить при этом, что построение сложного языка-эталона, обсуждаемого в настоящем параграфе, представляется необходимым непосредственно для сравнения и характеристики самих классов слов рассматриваемых языков. Между тем для общей оценки сложности того или иного языка

---

[66] Если в языке выделяется всего один класс слов, то классы слов в нем, естественно, не могут различаться по функции; соответственно, бессмысленно определять функцию этого класса слов.

На рассматриваемом уровне анализа языки, где вообще не различаются классы слов [сюда относятся как языки, где выделяется всего один класс слов, так и языки, где классы слов вообще не выделяются (аморфные)], представляют наиболее простую ступень в последовательных трансформациях по отождествлению классов слов.

[67] Так, если в каком-нибудь языке встречается класс слов, некоторое правило эквивалентности которого не описывается предложенным образом, мы добавляем это правило эквивалентности в имеющийся язык-эталон (таким образом, любое несовершенство в результатах знаменует не недостаток метода, а недостаток конкретного построенного языка-эталона).

по рассматриваемому критерию (т. е. по критерию дифференцированности правил эквивалентности и, соответственно, классов слов) использование сложного языка-эталона не необходимо: для такой оценки достаточно использовать простой (аморфный) язык-эталон, определяя сложность рассматриваемого языка на основании трансформаций по отождествлению классов слов, которые имеют место при переходе от данного языка к аморфному (ср. иллюстрацию такого перехода в § 7. 4. 1). Количество таких трансформаций и составляет наиболее общий показатель сложности языка по данному критерию (легко видеть, что это количество находится в соответствии с количеством классов слов, имеющихся в рассматриваемом языке).

В предыдущем изложении типологическая характеристика классов слов определялась только их участием в свертывании и развертывании конструкции и не определялась участием их в ядерных конструкциях (что соответствует более общему уровню рассмотрения, целесообразному при типологическом исследовании). В то же время при необходимости более подробной характеристики можно дополнительно построить аналогичный язык-эталон для характеристики участия классов слов в несвертываемых (ядерных) конструкциях. Этот язык-эталон строится аналогично описываемому: в него входят все возможные типы ядерных конструкций. Соответственно, если имеются два языка, отличающихся лишь тем, что в одном из них — несколько ядерных конструкций, а в другом — всего одна, которая имеется и в первом (а в остальном эти языки совершенно идентичны), считаем, что в первом языке значения соответствующих классов слов более дифференцированы.

§ 7.4.2.1. Рассмотрим теперь, как изменяется характеристика значения класса слов, в случае если одна из характерных для этого класса функций выражается корневым элементом[68].

Напомним, что класс корневых элементов X может принимать любое значение (значение любого класса слов), в том числе и нулевое, только в том случае, если в языке имеются некоторые правила эквивалентности, характерные для того класса слов, значение которого принимает X[69]. Если в языке имеются все правила эквивалентности, характерные для данного класса слов, то X принимает нулевое значение; в этом случае можно считать, что наличие правила эквивалентности с корневым элементом (X) — т. е. возможность подстановки корневого элемента вместо класса слов в некоторых правилах эквивалентности данного класса — никак не изменяет значение данного класса слов.

[68] Имеется в виду: при подстановке некоторой формулы, являющейся признаком данного класса слов (см. § 7.2), в правила эквивалентности данного языка обозначению данного класса соответствует класс корней (а не некоторый класс слов).

[69] Подробнее см. в § 7.2.

Приведем примеры из конкретных языков, иллюстрирующие вышесказанное. Так, в немецком языке наряду с правилом эквивалентности $AN \leftrightarrow N$ имеется правило эквивалентности: $XN \leftrightarrow N$ (так образуются немецкие сложные слова). Поскольку в языке имеются все правила эквивалентности, характерные для A, то наличие параллельного правила эквивалентности с примыкающим корневым элементом (X) не изменяет значения A.

Противоположный случай можно иллюстрировать на примере кетского языка. В кетском языке помимо N и V выделяется особый класс слов (обозначим его, например, Z) так называемых прилагательных в предикативной форме (этот класс слов образуется при помощи служебных элементов *-ṣə*, *-(ə)m*, *-du* и некоторых других); в то же время атрибуция N в кетском происходит не при помощи какого-либо специального класса слов, а просто примыканием к N корневого элемента[70].

Таким образом, в кетском языке имеют место: $XN \leftrightarrow N$ и $NZ \not\leftrightarrow N, Z$. Мы можем отождествить Z с A, подставив формулы — признаки класса A ($AN \leftrightarrow N$ и $NA \not\leftrightarrow N, A$), поскольку по условию X является в этом случае свободной переменной (может принимать значение любого класса, если в языке имеются некоторые правила эквивалентности, характерные для этого класса).

Представим себе язык, полностью соответствующий кетскому во всех отношениях, кроме одного: класс A в этом языке определяет N, так что $AN \leftrightarrow N$. Очевидно, что значение A в кетском меньше значения A в этом искусственно образованном языке. Очевидно также, что разницу между значениями этих классов слов составляет правило эквивалентности $AN \leftrightarrow N$; иными словами, кетский класс A соответствует по значению классу A этого языка минус правило $AN \leftrightarrow N$.

Вообще язык, некоторые характерные функции которого выражаются корневыми элементами, может рассматриваться как некоторый (соответствующий) язык «обычного» типа[71], на который наложены дополнительные правила по невыражению определенных функций. Соответственно, если сравнить два языка полностью аналогичных (так что мы можем сравнивать значения их классов слов), которые отличаются друг от друга только тем, что в одном языке определенная функция выражается словом, а в другом — корнем (например, объект глагола выражается в одном языке: $VN \leftrightarrow V$, а в другом: $VX \leftrightarrow V$), то значение классов слов второго языка (например,

[70] Атрибутом N может также быть в кетском и другое $N (NN \leftrightarrow N)$.
[71] Т. е. язык, все функции которого выражены словами (а не корнями).

класса *V*) равно значениям соответствующих классов слов первого языка минус данное правило эквивалентности [72].

В предыдущих рассуждениях язык, строимый искусственно для описания языка с корневыми элементами (выражающими некоторые характерные для данного класса слов функции), является метаязыком по отношению к рассматриваемому языку. Отметим, что язык с корневыми элементами проще (ближе к аморфной структуре), нежели соответствующий ему метаязык.

Из сказанного следует, что сложный язык-эталон (метаязык), который предлагался выше (§ 7.3) для описания значений классов слов в языках без чистых корней, универсален: он годится и для описания значений классов слов в языках, где имеются чистые корни.

§ 7.5. В заключение рассмотрения типологических проблем, связанных с сопоставлением классов слов различных языков, остановимся вкратце на другом возможном подходе при выделении классов слов в языке, а также на изменениях в результатах анализа, которые следуют за принятием этого подхода.

Выше предлагалось выделять слова как сочетания корневого элемента с относящимися к нему во фразе обязательными служебными элементами (см. § 0.7). Соответственно при выделении классов слов имеют значение лишь обязательные служебные элементы, а факультативные служебные элементы не учитываются. В результате такого подхода в разных языках оказывается разное количество классов слов, типология которых и была рассмотрена.

В принципе возможен и иной подход, когда как обязательные, так и факультативные служебные элементы учитываются при выделении слов и разбиении их на классы (т. е. различение обязательных и факультативных элементов не считается существенным при выделении классов слов). Видимо, именно этот подход имеет место, когда по формальным признакам выделяются классы слов в аморфных языках: в таких языках классы выделяются на основании возможности присоединения к данному корню определенного факультативного элемента во фразе (например, элемента, выражающего время); если такое присоединение возможно, но данная категория реально отсутствует во фразе, считается, что она выражена нулевым элементом.

---

[72] Из сказанного выше следует, что выводы по изменению значения класса слов (в случае выражения каких-то характерных для него функций корневыми элементами) правомерно делать, если и только если в языке имеются некоторые (но не все) правила эквивалентности, характерные для данного класса.

При таком подходе во всех языках получаются в общем одни и те же классы слов; в самом деле, в любом языке, очевидно, можно найти какие-то факультативные элементы, которые на основании их относительно частой встречаемости (обусловливаемой их семантикой) могут быть выделены как служебные. Тогда количество классов слов в рассматриваемом языке и их таксономия, так же как и при неформальном подходе, всецело определяются выбором языка-эталона (при общеевропейском языке-эталоне во всех языках, по-видимому, получаются классы *N*, *V*, *A*, *Adv*)[73].

Этот подход (неразличение обязательных и факультативных служебных элементов) представляется нецелесообразным как в силу общеметодических соображений [теряется различие между служебными и неслужебными элементами, отождествляется факультативное невыражение и значимое (нулевое) отсутствие выражения[74]], так и в силу получаемого результата: сглаживаются типологические различия между языками (ср. различное количество классов слов в разных языках при разграничении обязательных и факультативных элементов и их одинаковое количество при отсутствии такого разграничения).

---

[73] О различных системах классов слов в тюркских, мари, мордовском при разных подходах см. Е. Д. Поливанов, *Словарь лингвистических терминов*, стр. 118: с формальной точки зрения в этих языках выделяются *N*, *V*, а сравнительно с русским языком — *N, V, A, Adv*.

Ср. также П. С. Кузнецов, *О принципах изучения грамматики*, стр. 62—63.

[74] См. выше, § 0.5.1.

ГЛАВА 5

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 8. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКА

§ 8.1. В аморфном языке-эталоне синкретически слиты различные возможности, по которым может происходить усложнение языка. В частности, данный язык-эталон характеризуется как отсутствием служебных элементов, обязательным образом оформляющих конкретные корневые элементы в предложении [1], так и однородностью (неразличением) классов слов. Соответственно, усложнение языка может происходить как введением, распространением и синтетизмом таких служебных элементов, так и дифференциацией классов слов. Оба эти показателя существенны для характеристики языка и дополняют один другой: например, в арабском выделяются лишь классы слов N и V, но он сложнее американоидных (с теми же классами слов); в то же время в немецком относительно много классов слов, но наряду с этим в нем могут участвовать и неоформленные корневые элементы; так же и в чукотском [2]. Соответственно предлагается оценивать сложность языков (а не конструкций [3]) — и таким образом их классифицировать — на основании сравнения с аморфным языком-эталоном по следующим двум критериям:

1) на основании трансформаций при переходе от структуры данного языка [4] к соответствующей структуре аморфного

---

[1] Т. е. обязательных служебных элементов, не являющихся элементами-скобками (см. § 3).

[2] В чукотском языке одни и те же элементы могут инкорпорироваться или же получают специальное оформление и образуют агглютинативную структуру (см. об этом: П. Я. Скорик, *Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений;* ср. И. И. Мещанинов, *Агглютинация и инкорпорирование).* Об аналогичных явлениях в корякском языке см. А. Н. Жукова, *Два основных способа связи определения с определяемым в корякском языке.*

[3] См. § 5.

[4] Имеется в виду структура достаточно длинного предложения данного языка или сложнейшего из его альтернативных вариантов (см. § 5.2).

языка-эталона; количество этих трансформаций является наиболее общим показателем сложности языка (при характеристике по данному основанию) [5];

2) на основании трансформаций по отождествлению классов слов при переходе от данного языка к аморфному [6]; количество этих трансформаций находится в соответствии с количеством классов слов в данном языке [7].

Эти два основания сравнения считаются наиболее существенными (поскольку таким образом характеризуется как синтагматика, как и парадигматика языков); в то же время можно сравнивать и по другим основаниям [8].

§ 8.2. Чем сложнее язык, тем больше функций в нем выражено (т. е. тем больше в нем классов слов) — и в то же время тем больше ограничений накладывается на его структуру.

В аморфном языке почти любое сочетание корневых элементов грамматически правильно. При возрастании сложности языка растет количество структурных сочетаний, запрещенных в этом языке (не отвечающих понятию грамматической правильности).

При построении таблицы соответствий для структур разных языков от простого к сложному можно переходить от одной структуры к другой, используя запрещенные структурные сочетания и заменяя их соответствующими правильными сочетаниями (на практике это означает использование, например, ломаного русского языка при переходе от русского к иностранному) [9].

Все отношения в аморфном языке однотипны; в то же время при возрастании сложности языка отношения между его единицами дифференцируются. Для аморфных языков бессмысленно определять функцию структуры — свертывается

---

[5] См. § 4.4.1.

[6] См. § 7.4.2.

[7] Нарушения этого соответствия возможны в случае наличия чистых корней, выражающих функции некоторых классов слов (см. § 7.4.2.1); наличие таких корней является тем самым существенным типологическим фактором.

[8] Некоторые дополнительные критерии сравнения были предложены в процессе изложения; мы суммируем их в Приложении VI («Список предложенных критериев, дополнительных по отношению к использующимся в настоящей работе») (см. стр. 234 наст. изд.).

[9] Такая таблица может быть полезной при переводе. Например, в таблице соответствий от английского к русскому будет стоять:

N_2	N_1	⟶	A	N_1
камень	*стена*		*каменная*	*стена*
stone	*wall*			

т. е. указание искать такое A *(каменная)*, которое соответствовало бы русскому N_2 *(камень)*.

ли данная структура в один класс или в последовательность классов (т. е. является ли она предложением или частью грамматически правильного предложения). Иными словами, в аморфном языке нейтрализуются предикативные, атрибутивные, комплетивные [10] и другие сочетания [11] (ср.: китайское *няо фэй* значит одновременно и 'птица летит' [12], и 'птичий полет'); при возрастании сложности языка эти различия появляются [13].

* * *

Как уже говорилось, язык можно понимать как некоторую структуру плюс правила, преобразующие ее в конкретные предложения; метод языка-эталона позволяет разделить эту структуру на основную структуру (структуру языка-эталона) плюс правила, преобразующие ее в структуру данного строя языков. В этом смысле построение типологии относительно некоего языка-эталона (метаязыка) можно рассматривать как подход к универсальной грамматике.

§ 9. О ПОНЯТИЯХ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРОСТОТЫ ИЛИ СЛОЖНОСТИ НЕКОТОРОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА

В заключение мы рассмотрим более детально и в более общем плане понятия простоты и сложности примени-

[10] Аналогичное явление спорадически возможно в разных языках: алеутском [см. В. И. Иохельсон, *Унанганский (алеутский) язык*, стр. 142], древнееврейском (например, mǣleχ 'ăδōnay может значить и 'царь — господин наш' и 'царь господина нашего'; это верно вообще в отношении значительной части древнееврейских имен — таких, у которых «status constructus» совпадает со «status absolutus») и др. Это явление находит также отражение в ряде языков, где одни и те же (или соотносящиеся) элементы, будучи присоединены к имени, обозначают атрибутивную связь, а, будучи присоединены к глаголу, обозначают предикативную или комплетивную связь. Сюда относятся почти все формы арабских суффигированных местоимений, некоторые формы таджикских и турецких личных показателей.

Все эти явления могут быть оценены как близкие к структуре языка-эталона.

[11] Н. Ф. Яковлев выделяет в адыгейском языке особый тип неоформленного «определительного дополнения»; полагается, что они «представляют собой тот общий член предложения, в котором определение и дополнение еще не были разграничены, дифференцированы друг от друга... В большинстве же случаев, будучи неоформленными, они могут быть поняты двояко: как неопределенное дополнение при дополняемом и как определение при определяемом» (Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, *Грамматика адыгейского литературного языка,* стр. 80).

[12] *Няо* 'птица', 'птицы', *фэй* 'полет', 'летать'; при этом необходимо учитывать, что прецизация времени, выраженная в русском *летит,* отсутствует в соответствующей аморфной структуре.

[13] См. об этом: Б. А. Успенский, *Опыт трансформационного исследования синтаксической типологии.*

тельно к типологическому сопоставлению языковых моделей. Нашей задачей представляется показать общий содержательный смысл этих понятий, а также отсутствие произвольности в выборе аморфного языка-эталона. Действительно, понятия «простоты» и «сложности» применительно к типологической оценке структурных моделей языков вводились ранее как рабочие понятия. Постулировалось[14], что структурная модель языка тем «проще», чем ближе она к соответствующей аморфной и, соответственно, тем «сложнее», чем дальше от нее (относительная близость определялась по числу трансформационных шагов при переходе от аморфной модели к данной). Далее, эти понятия использовались как при сравнении различных структурных конструкций, так и при сравнении систем классов слов различных языков; существенно показать, что оба раза эти понятия использовались в одном и том же общем лингвистическом смысле. Помимо того, могло показаться, что выбор аморфного языка в качестве точки отсчета при типологической оценке произволен; наша задача — показать, что это не так.

Понятия «простоты» и «сложности» представляются вообще существенными для сравнения любых двух систем. Под **системой** мы понимаем здесь некоторое множество объектов (конечное или бесконечное), отношение между которыми описывается по двум осям — синтагматической и парадигматической[15] (чисто синтагматическая или чисто парадигматическая модели бессодержательны в лингвистическом отношении). Иначе говоря, система предстает в виде заданной совокупности символов и некоторых правил их сочетаемости. В частности, системами являются языки (в том виде, в каком они были определены выше[16]) или определенные (более узкие) языковые модели[17]. Мы рассматриваем языки в той или иной абстракции (например, на грамматическом уровне), т. е. рассматриваем абстрактные языковые системы. В частности, выше рассматривались грамматические системы.

Если системы описаны в одних терминах, — что необходимо при типологическом рассмотрении, — их можно сравнивать по возможности перехода от одной системы к другой. Такое сравнение можно производить на разных уровнях абстракции;

---

[14] См. § 4.4 и сн. 23 к этому параграфу.

[15] Это можно выразить в случае надобности и в чистых логико-математических терминах — без ссылки на лингвистические; ср., в частности, переосмысление Л. Ельмслевом синтагматики и парадигматики при помощи логических связок конъюнкции и разделительной дизъюнкции (L. Hjelmslev, *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*, § 11).

[16] См. систему терминов, § 0.1.

[17] Таковыми являются, в частности, системы классов слов (с упором на парадигматику) или цепочки элементов в их отношении к соответствующим структурным конструкциям (с упором на синтагматику).

при этом может оказаться, что на одном уровне абстракции такой переход возможен, а на другом (более детальном) уровне — невозможен. Таким образом, любой вывод по сравнению систем подразумевает заданный уровень абстракции (выше этот уровень каждый раз описывался).

Система *A* называется **изоморфной** системе *B* (на данном уровне абстракции), если, заменяя обозначения объектов *A* на обозначения объектов *B*, мы получаем систему *B*, и наоборот (т. е.: если можно перейти от системы *A* к системе *B* путем замены определенных символов *A* на символы *B*, а от системы *B* к системе *A* — путем обратных правил). Очевидно, что данное отношение (изоморфности) симметрично, рефлексивно, транзитивно.

Если можно (на данном уровне абстракции) перейти от системы *A* к системе *B*, но не обратно (т. е. если можно дать правила для перехода от *A* к *B*, но нельзя дать таких правил — на описываемом уровне — для перехода от *B* к *A*), то называем *B* более **простой** (а *A* — более **сложной**) системой.

Обратимся для иллюстрации к внутриязыковому (интралингвистическому) сравнению систем — именно к сравнению систем единиц одного языка до и после нейтрализации. В самом деле, при нейтрализации лингвистических единиц в определенной позиции можно — на некотором общем уровне — дать лишь односторонние правила (указав, что́ нейтрализуется и при каких условиях). В то же время, для того чтобы дать обратные правила (говоря иначе, разрешить синкретизм, т. е. указать, какая из нейтрализуемых единиц имеет место в исходном состоянии), необходимо обратиться к гораздо менее абстрактному уровню (и притом это не всегда бывает возможным). Так, обращаясь к фонологии русского языка, на очень общем уровне описания можно постулировать, что перед паузой не может быть звонкой согласной (глухие и звонкие нейтрализуются в этой позиции); однако для того чтобы восстановить исходную (нейтрализуемую) согласную, необходимо обратиться к гораздо более конкретному уровню описания (к уровню конкретизованных слов)[18]. Таким образом, система с нейтрализованными единицами проще исходной системы (с противопоставленными единицами).

Изложенное понимание простоты и сложности и имело место в предыдущем типологическом (интерлингвистическом) анализе — при построении простого и сложного языков-эталонов.

Именно поэтому основной язык-эталон для типологического сравнения и должен быть простым — приведение к языку-

---

[18] Т. е. необходимо располагать определенной информацией о самом слове, которое стоит перед паузой.

эталону производится в общих элементарных трансформациях, и обратный ход на таком общем уровне невозможен. Действительно, как можно было видеть, при сведении структур к аморфной (при переходе от сложного к простому) могут быть даны очень общие и простые правила, описываемые на абстрактном грамматическом уровне [19]; с другой стороны, при обратном переходе (от простого к сложному) правила должны быть весьма частными и сложными, описываемыми на уровне конкретизованных элементов [20].

Точно так же при переходе от языка с бо́льшим количеством классов слов к языку с их меньшим количеством (при том, что все классы слов второго языка наличествуют и в первом) мы переходим от более сложной к более простой системе. В самом деле, для такого перехода достаточно указать, какие классы первого языка отождествляются во втором языке. В то же время для перехода в обратном направлении надо указывать, на какие классы расчленяется данный класс слов и каким образом — какие правила эквивалентности отходят к одному и какие к другому классу. Тем самым если трансформации перехода от сложного к простому могут быть сформулированы на достаточно общем уровне самих классов слов, то обратные трансформации (от простого к сложному) должны быть сформулированы на уровне правил эквивалентности, т. е. элементарных признаков значений классов слов [21].

---

[19] См. таблицу принципиальных трансформаций от простого к сложному в § 4.4.

[20] Подчеркнем, что, как было обусловлено выше (стр. 64), все приводимые трансформации в принципе обратимы. В самом деле, в принципе в каждом данном случае (для каждого трансформируемого языка) могут быть даны правила возвращения в исходное состояние (это свойство специально использовалось в § 4). Однако трансформации от сложного к простому обратимы отнюдь не на том же уровне абстракции, на котором они сформулированы, а на гораздо более конкретном уровне. Если, например, определенную трансформацию приведения к более простому виду достаточно сформулировать: «вынести повторяющиеся элементы за скобки», то при формулировании обратной трансформации необходимо указать, к каким именно элементам (из имеющихся в скобках) должен быть отнесен повторяющийся элемент (выносимый за скобку).

[21] Аналогично (при внутриязыковых трансформациях) для перехода от подкласса к классу слов достаточно указать, в какой класс слов входит данный подкласс; переход же в обратном направлении должен происходить на ином (более конкретном) уровне, так как для выделения подкласса из класса слов необходимо указать, какие ограничивающие правила действуют в данном подклассе по сравнению с этим классом.

Тем самым, на некотором общем уровне рассмотрения система подклассов (т. е. система классов слов, описываемая на уровне подклассов, см. § 6.2.1) предстает как более сложная по сравнению с системой классов слов данного языка. При этом здесь (на интралингвистическом уровне) так же, как и в предыдущем примере (на интерлингвистическом уровне), переход от сложного к простому происходит на уровне классов слов, а обратный переход — на уровне правил эквивалентности.

Из сказанного следует, что понятия «простоты» и «сложности» приложимы как для оценки различных структурных моделей одного и того же языка (оценки относительной степени общности той или иной модели данного языка), так и для типологической оценки моделей разных языков, описанных на одном уровне абстракции (нас интересует при этом только последнее). Характерен изоморфизм методов, применяемых на интралингвистическом и интерлингвистическом уровнях.

Таким образом, на некотором общем уровне описания (который и предполагается при типологическом сравнении) возможен переход только от более сложных систем к более простым, но не обратно; такой переход может быть сформулирован в виде простых (экономично выраженных) правил. Отсюда следует, что основным языком-эталоном при типологическом сравнении должна быть наиболее простая система[22]; выше показывалось, что при типологическом сравнении языков (на том общем уровне абстракции, который считался приемлемым для типологического сравнения) наиболее простой является система аморфного языка (то же можно, видимо, показать относительно любого заданного уровня абстракции, сколько-нибудь отличающегося от реального). Все сказанное показывает, что простой (аморфный) язык-эталон — не произвольно выбранная модель, возможная для описания других языков (в той мере, в какой языки можно описать, исходя из любой четко определенной языковой модели), а такая модель, описание языков по сравнению с которой производится наиболее экономичным образом.

[22] В самом деле, только такой язык-эталон характеризуется единым для всех языков набором правил перехода (от каждого данного языка к языку-эталону). В случае же сложного языка-эталона правила перехода от данного языка к языку-эталону или наоборот меняются в зависимости от сложности языка-эталона (а не только в зависимости от сложности самого характеризуемого языка). В то же время может быть, видимо, много сложных языков-эталонов, различающихся по степени сложности, но только один простой язык-эталон.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Языковой **универсалией** (или **универсальным соотношением**) называется вообще высказывание вида: «для всех (абсолютного большинства) языков имеет место...»

Можно различать следующие виды универсалий (как по характеру самой универсалии, так и по ее объекту).

Дедуктивные и индуктивные (или эмпирические) универсалии. В случае **дедуктивной** универсалии универсальность данного высказывания (соотношения) явствует из некоторых априорных фактов (из определения соотносимых единиц или исходных допущений о языке). В противном случае универсалия является **индуктивной (эмпирической).** Различение данных видов универсалий может производиться методом мысленного эксперимента [1].

Дедуктивные универсалии тривиального типа, утверждающие универсальное присутствие некоторых операционных понятий (метапонятий), можно называть **операционными.** (Пример операционной универсалии: «во всех языках есть фонемы») [2].

Абсолютные (или полные) и статистические (или неполные) универсалии. **Абсолютными (полными)** универсалиями называются высказывания вида: «для всех языков имеет место...», между тем как **статистическими (неполными)** универсалиями называются высказывания вида: «для абсолютного большинства языков имеет место...» В последнем случае исключения к данным универсалиям единичны [3]: предполагается, что языки, составляющие исключение к той или иной статистической универсалии, можно задать списком (при том, что языки, удовлетворяющие данной универсалии, вообще говоря, принципиально неперечислимы).

---

[1] Подробнее см. стр. 13—14.

[2] См. об универсалиях такого рода сноски 13 и 43 к 1-й главе «Вводной части» (стр. 13 и 17).

[3] Ср. общее понимание «единичных» («исключительных») случаев на стр. 66. Подробнее об абсолютных и статистических универсалиях см. на стр. 12.

Элементарные и импликационные универсалии (или универсальные импликации). **Элементарными** универсалиями называются высказывания вида: «для всех (абсолютного большинства) языков имеет место *A*» (где *A* обозначает некоторое явление или его отсутствие). **Импликационными** универсалиями (**универсальными импликациями**) называются высказывания вида: «для всех (абсолютного большинства) языков имеет место: $A \rightarrow B$ (т. е. если *A*, то *B*)».

Универсальные импликации в свою очередь могут быть **простыми** (если имеет место только: «$A \rightarrow B$», т. е. «если *A*, то *B*») и **взаимными** (если имеет место одновременно: «$A \rightarrow B$ и $B \rightarrow A$», т. е. «*A* если и только если *B*»). Взаимные универсальные импликации могут показывать взаимную обусловленность данных явлений («*A* присутствует, если и только если присутствует *B*») или их взаимное исключение («*A* присутствует, если и только если отсутствует *B*»).

Простые и сложные универсалии. **Простыми** универсалиями называются высказывания, сводимые к следующему виду: «для всех (абсолютного большинства) *X*, где *X* есть язык, имеет место...».

Сложными универсалиями называются высказывания, которые не сводятся к указанной форме, имея вид: «для всех (абсолютного большинства) *X* и *Y*, где *X* и *Y* суть языки, имеет место...» Таким образом, простые универсалии утверждают наличие (или отсутствие) в каждом (или почти каждом) языке некоторого явления или определенного отношения явлений. Между тем сложные универсалии утверждают определенную зависимость между явлениями разных языков.

Синхронические и диахронические универсалии. **Диахроническими** универсалиями называются высказывания вида: «для всех (абсолютного большинства) *X* и *Y*, где *X* есть некоторое раннее, а *Y*—позднейшее синхроническое состояние одного языка, имеет место...»[4]. Прочие универсалии являются **синхроническими**.

Экстралингвистические и собственно-лингвистические универсалии. **Экстралингвистические** универсалии постулируются на основании сравнения языков с неязыками (системами близкого порядка) и формулируются соответственно в терминах, необходимых для описания как всех языков, так и сравниваемой с ними неязыковой системы (т. е. в определенных экстралингвистических терминах). **Собственно-лингвистические** универсалии определяются на основании непосредственного сравнения языков друг с другом и форму-

---

[4] Соответственно диахронические универсалии можно представить как частный случай сложных универсалий.

лируются, соответственно, в собственно лингвистических терминах, необходимых и достаточных для описания некоторого языка *А* через сравнение его с любым другим языком *В*[5].

В зависимости от специального вида терминов, в которых формулируется та или иная собственно-лингвистическая универсалия, могут различаться фонологические, грамматические, семантические, а также другие универсалии.

Количественные и неколичественные универсалии. **Количественными** называются универсалии, постулирующие некоторую количественную закономерность (например: «во всех языках число фонем не превышает 81»). Все прочие универсалии называются **неколичественными**.

---

[5] Подробнее см. стр. 11—12.

СПИСОК СИНХРОНИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ ИЗ ОБЛАСТИ ФОНОЛОГИИ И ГРАММАТИКИ

Ниже мы приводим список основных универсальных соотношений (универсалий), характеризующихся как индуктивные, собственно-лингвистические (а именно: фонологические[1] и грамматические), синхронические[2].

Для единообразной записи универсалий представляется целесообразным четко обозначить кванторы (которые неявным образом используются при формулировании универсалий). Помимо двух употребительных кванторов — квантора всеобщности (∀) и квантора существования (∃), мы считаем целесообразным введение третьего квантора — квантора вероятности (обозначим его d), который означает, что с большой вероятностью (в большинстве случаев) высказываемое имеет место.

Указанные кванторы при этом могут использоваться:

1. Для характеристики самого́ универсального высказывания (универсалии), т. е. высказывания о множестве языков; в этом случае операндами кванторов являются языки, и кванторы соответственно обозначают: ∀ — «во всяком языке...», d — «в большинстве языков...» [квантор существования (∃) в этом случае не может использоваться]. Выбор квантора тем самым показывает здесь, применима ли данная универсалия ко всем языкам (∀) или абсолютному большинству языков (d).

2. Для характеристики частного лингвистического высказывания относительно некоторых языковых объектов или явлений (например, имплицирующего или имплицируемого предложения, составляющих универсальное высказывание). В этом случае операндами квантора являются объекты или явления

[1] В числе фонологических универсалий мы приводим и универсалии, сформулированные в фонетических терминах (не изменяя оригинальной формулировки). Эти универсалии приводятся в конце раздела, посвященного фонологии (см. стр. 198—208).

[2] Классификацию универсалий см. в Приложении I.

языка, и кванторы соответственно обозначают: ∀ — «во всех случаях...» или «всякий (-ая, -ое)...», d — «в большинстве случаев...», ∃ — «существует...» или «имеется...». Выбор квантора, таким образом, показывает здесь, делается ли данное высказывание (например, имплицирующее или имплицируемое предложение) относительно всех явлений данного рода (∀), относительно их абсолютного большинства (d) или же утверждается всего лишь наличие таких явлений (∃)[3].

Например, универсальное высказывание «∀ [(∃ род) → (∃ число)]» читается: «во всяком языке, если имеется категория рода, имеется категория числа». Здесь квантор всеобщности относится ко всему универсальному высказыванию, а квантор существования — к частным лингвистическим высказываниям (посылке и следствию).

В приводимом ниже списке универсалий для сокращения, а также для наглядности (чтобы была видна структура универсалий) мы используем знаки указанных кванторов[4] (при этом запись не полностью формализована)[5]. Таким образом, приводимые универсалии содержат последовательно следующую информацию:

1. Сообщается квантор всей универсалии[6].

2. Сообщается частное лингвистическое высказывание — условие универсалии (имплицирующая посылка), которое также характеризуется квантором[7]. В случае если имплицирующего предложения нет (универсалия не есть импликация), ставится прочерк (он читается: «имеет место» — во всяком языке или в большинстве языков в зависимости от квантора всей универсалии).

3. Сообщается частное лингвистическое высказывание — основное содержание универсалии (если универсалия представляет импликацию — имплицируемое следствие), которое также характеризуется квантором[8].

4. Сообщаются некоторые дополнительные сведения[9]:

---

[3] Отрицание квантора обозначается знаком ¬ (который ставится перед знаком квантора), например ¬∃ обозначает: «не существует».

[4] В случае, если универсалия сформулирована неточно и нельзя понять, какой из названных кванторов имеется в виду автором, мы приводим возможные кванторы через косую черту (например, ∀/d).

[5] Полностью формализованная запись была бы значительно менее наглядна.

[6] См. первую (по счету слева) вертикальную колонку приводимой ниже таблицы универсалий.

[7] См. вторую (по счету слева) вертикальную колонку приводимой ниже таблицы.

[8] См. третью (по счету слева) вертикальную колонку приводимой ниже таблицы.

[9] См. крайнюю правую (четвертую по счету слева) вертикальную колонку приводимой ниже таблицы.

а) источник и автор универсалии[10]; после указания источника универсалии следует страница данной работы; в случае, если универсалия имеет у автора специальную нумерацию, последняя приводится в скобках;

б) если универсалия статистическая (неполная), а не абсолютная (т. е. стоит квантор $\exists$, а не $\forall$), могут быть приведены языки, составляющие исключение к этой универсалии[11].

При записи используем следующие специальные знаки: N—существительное, V—глагол, A—прилагательное, Adv—наречие, S—(именной) субъект, O—(именной) объект, P—местоимение, C—согласная (согласный), $Г$—гласная (гласный). Союзы «и», «или» используются нами в логико-математическом смысле: «и» означает конъюнкцию, «или» означает

---

[10] Значительная часть универсалий приводится по материалам Нью-Йоркской конференции 1961 г., посвященной универсалиям в языке (см. сб. «Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April 13—15, 1961», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge Mass, 1963). В этом случае источник специально не указывается, а ссылка на автора производится по первым двум буквам его фамилии в русской транскрипции («Гр» — Дж. Гринберг, «Са» — С. Сапорта, «Фе» — Ч. Фергусон, «Хо» — Ч. Хокетт, «Як» — Р. Якобсон); «Меморандум о языковых универсалиях», помещенный в упомянутом сборнике, обозначается «Ме».

Указанные сокращения соответственно обозначают:

«Гр» — J. H. Greenberg, *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements.*

«Ме» — J. H. Greenberg, Ch. Osgood, J. Jenkins, *Memorandum concerning language universals.*

«Са» — S. Saporta, *Phoneme distribution and language universals.*

«Фе» — Ch. A. Ferguson, *Assumptions about nasals; a sample study in phonological universals.*

«Хо» — Ch. F. Hockett, *The problem of universals in language.*

«Як» — R. Jakobson, *Implications of language universals for linguistics.*

Используются также следующие условные сокращения:

«Гринберг» — Дж. Гринберг, *Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных.*

«Иванов I» — В. В. Иванов, *Типология и сравнительно-историческое языкознание.*

«Иванов II» — В. В. Иванов, *Некоторые проблемы современной лингвистики.*

«Трубецкой» — Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии.*

«Phonology» — R. Jakobson, *Phonology and phonetics.*

«Retrospect» — R. Jakobson, *Retrospect.*

«Sprachbünde» — R. Jakobson, *Über die phonologischen Sprachbünde.*

«Trnka» — B. Trnka, *General laws of phonemic combinations.*

«Typ. Studies» — R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics.*

Прочие (единичные) ссылки даются в виде указания фамилии автора с его инициалами (в русской транслитерации); название работы приводится в сноске к этому указанию.

[11] При указании исключений ссылки на соответствующую работу производятся таким же образом, как и в случае указания источника универсалии. Если исключение приводится в той же работе, что и универсалия, стоит отсылка «там же».

неразделительную дизъюнкцию (ср. англ. союз «and/or»[12]), разделительная дизъюнкция обозначается союзом «либо... либо...»[13].

---

[12] В научных текстах английского языка.

[13] Сделаем также следующие специальные замечания по системе записи.

В имплицирующей и имплицируемой частях универсалии утверждения могут относиться ко всему языку (именно: «если в языке есть *X*, в нем есть и *Y*») или же к некоторому определенному явлению языка (например: «если в предложении языка есть *X*, в нем есть и *Y*»). Первый случай специально не указывается, второй же оговаривается специально.

Когда говорится о порядке некоторых грамматических компонентов (например, *N, V, A, Adv* и др.), подразумевается, что эти компоненты не случайны, а связаны в предложении. При этом, если говорится о порядке таких членов, как *N* и «*N* в родительном падеже», или *V* и «вспомогательный *V*», под немаркированным членом понимается основной (управляющий). Приводимые порядки противостоят всем другим порядкам тех же компонентов.

Во всех случаях, когда говорится о порядке, имеется в виду основной порядок (повествовательного предложения); инверсионный порядок оговаривается особо.

Повествовательные предложения вообще специально не отмечаются; другие же виды предложений помечаются специально.

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
ФОНОЛОГИЯ			
А. Универсалии, сформулированные в собственно фонологических терминах			
∀	—	∃ противопоставление гласных — негласных	
∀	—	∃ противопоставление согласных—несогласных	
∀	—	∃ противопоставление компактных—диффузных *Г*	
d	—	∃ противопоставление компактных—диффузных *С*	Retrospect, 655
∀	—	∃ противопоставление высоких—низких	
d	—	∃ противопоставление высоких—низких *Г*	
d	—	∃ противопоставление носовых—неносовых	

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
d	—	∃ не менее двух *Г*	Ме, 258. Исключения: аранта[14], абазинский[15], *праиндоевропейский[16]
∀	∃ не менее двух *Г*	∃ противопоставление *Г* по раствору (полнозвучности)	Трубецкой, 121; Хо, 21 (5.9)
∀	—	∃ не более шести признаков раствора (полнозвучности) *Г*	Трубецкой, 126
d	—	∃ менее шести признаков раствора (полнозвучности) *Г*	Трубецкой, 126. Исключение: гвеабо (Либерия) (см. там же)
d	—	∃ локальное (тембровое) противопоставление *Г*	Трубецкой, 109. Исключение: западнокавказские (см. там же)

[14] См. С. Д. Кацнельсон, *К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы*.

[15] См. А. Н. Генко, *Абазинский язык*, стр. 20; W. S. Allen, *Structure and system in the Abaza verbal complex*.

[16] См.: J. Kuryłowicz, *Études indo-européennes*, 1, p. 59 sq.; L. Hjelmslev, *Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen*; K. Borgstrøm, *Thoughts about Indo-European vowel gradation*, p. 137—139; K. Borgstrøm, *Internal reconstruction of Pre-Indo-European word forms*, p. 248; W. Lehmann, *Proto-Indo-European phonology*, p. 110—112; С. Д. Кацнельсон, *К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы* и другие работы; ср. также стр. 27 наст. изд.

В соответствии с лингвистической традицией мы отмечаем звездочкой данные реконструкции, не подтвержденные эмпирическим материалом.

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ локальное (тембровое) противопоставление *Г*	∃ не более четырех локальных (тембровых) признаков *Г*	Трубецкой, 109
∀	∃ локальное (тембровое) противопоставление открытых *Г*	∃ аналогичное противопоставление закрытых *Г*	Трубецкой, 109
∀	∃ всего три признака раствора (полнозвучности) *Г* и ∃ локальные (тембровые) признаки *Г*	∀ локальный (тембровый) признак представлен в узких *Г* [т. е. в минимальной системе раствора (полнозвучности) *Г*]	Трубецкой, 128
∀	∃ более двух признаков раствора (полнозвучности) *Г* и ∃ локальные (тембровые) признаки *Г*	∃ количество *Г* в среднем тембровом классе, не большее, чем количество *Г* в каждом из крайних тембровых классов[17]	Трубецкой, 127, 132
∀	∃ всего три признака раствора (полнозвучности) *Г* и ∃ нейтрализация противопоставления *Г* по признаку раствора (полнозвучности)	∃ (в нейтрализованной системе) число *Г* в среднем тембровом классе, не большее, чем число *Г* в каждом из крайних тембровых классов	Трубецкой, 129

[17] О тембровых классах см. цитируемую работу Трубецкого (Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, стр. 110).

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	—	∃ противопоставление смычных—несмычных *C*	Typ. Studies; Хо, 21 (5.7)
∀	—	∃ не менее двух противопоставленных артикуляций смычных *C*	Хо, 21 (5.8)
d	—	∃ более двух противопоставленных артикуляций смычных *C*	Хо, 21 (5.8) Исключения: гавайский, архаичный самоа (см. там же)
d	—	∃ противопоставление смычных—фрикативных *C*	Трубецкой, 170. Исключения: некоторые языки Новой Гвинеи (Хо, 21), каракалпакский (Е. Д. Поливанов[18]), *пранивхский[19], вост. нуэр (Трубецкой, 171)
∀	—	∃ противопоставление апикальных—неапикальных *C*	Трубецкой, 142

[18] Е. Д. Поливанов, *Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка*, стр. 7—8, прим. 3.

[19] Согласно реконструкции Якобсона, — см. R. Jakobson, *Notes on Gilyak*, p. 279.

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
d	—	∃ противопоставление гуттуральных—негуттуральных *C*	Трубецкой, 142. Исключения: некоторые словенские диалекты Каринтии (см. там же)
d	—	∃ противопоставление лабиальных — нелабиальных *C*	Трубецкой, 142. Исключение: язык тлингит (Аляска) (см. там же)
d	—	∃ противопоставление сибилянтных — несибилянтных *C*	Трубецкой, 142. Исключение: язык восточный нуэр (Судан) (см. там же)
∀	∃ корреляция[20] сонорных и шумных *C*	¬∃ противопоставление взрывных и фрикативных *C*	Трубецкой, 167
d	—	¬∃ корреляция сонорных и фрикативных *C*	Трубецкой, 171
d	{ { ∃ смычные *C* и ∃ фрикативные *C* } и ∃ корреляции в фрикативных *C* }	∃ корреляции в смычных *C*; их количество не меньше количества корреляций в фрикативных *C*	Трубецкой, 177

[20] Определение корреляции см.: Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, стр. 95.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
d	{∃ фрикативные *C* и ∃ сонорные *C*} и ∃ корреляции в сонорных *C*	∃ корреляции в фрикативных *C*; их количество не меньше количества корреляций в сонорных *C*	Трубецкой, 177
d	∃ противопоставление взрывной—аффрикаты	∃ фрикативная *C*, соответствующая каждой такой аффрикате	Typ. Studies Исключение: кикапу (алгонкинская гр.) (см. Хо, 20)
d	∃ противопоставление придыхательных—непридыхательных *C*	∃ фонема [h]	Хо, 20; Typ. Studies
d	——	∃ простая носовая *C*[21]	Фе, 44 (1); Исключение: три языка салишской гр. (килеут и др.) (Ме, 259).
∀	∃ ровно одна простая носовая *C*	∃ апикальная носовая *C* ([n])	Фе, 44 (II)

[21] «Простой» носовой согласной фонемой здесь и далее называется фонема, наиболее характерный аллофон который представлен звонким носовым смычным. Прочие носовые согласные фонемы называются «сложными» носовыми согласными.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ ровно две простые носовые *C*	∃ апикальная носовая *C* ([n]) и ∃ лабиальная носовая *C* ([m])	Фе, 45 (III)
∀	∃ простая носовая *C*	∃ шумная *C*; количество шумных *C* не меньше, чем количество простых носовых *C*	Фе, 45 (IV)
∀	∃ нейтрализация простых носовых *C* в некотором предложении	∃ связка (juncture) или ∃ *C* — после такой нейтрализации (в данном предложении)	Фе, 45 (V)
∀	∃ сложная носовая *C*	∃ простая носовая *C*	Фе, 46 (VI)
∀	∃ сложная носовая *C*	∃ простая носовая *C*; количество простых носовых *C* не меньше количества сложных носовых *C*	Фе, 46 (VII)
∀	∃ сложная носовая *C*	∃ простая носовая *C*; частота встречаемости простых носовых *C* больше частоты встречаемости сложных носовых *C*	Фе, 46 (VIII)

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ носовая *Г*	∃ простая носовая *С*	Фе, 46 (X)
∀	∃ носовая *Г*	∃ неносовая *Г*; количество неносовых *Г* не меньше количества носовых *Г*	Фе, 46 (XI)
∀	∃ носовая *Г*	∃ неносовая *Г*; частота встречаемости неносовых *Г* больше частоты встречаемости носовых *Г*	Фе, 46 (XII)
∀	∃ нейтрализация носовых и неносовых *Г* в некотором предложении	∃ носовая *С* после такой нейтрализации (в данном предложении)	Фе, 46 (XIII)
∀	∃ компактная носовая *С*	{ ∃ высокая диффузная носовая *С* и ∃ низкая диффузная носовая *С*	Як, 210
∀	∃ противопоставление высоких и низких компактных носовых *С*	∃ противопоставление высоких и низких компактных неносовых *С*	Як, 210

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ противопоставление носовых *С* по некоторому тоновому признаку	∃ противопоставление неносовых *С* по всякому такому признаку	Як, 210
∀	∃ противопоставление носовых *Г* по некоторому признаку	∃ противопоставление неносовых *Г* по всякому такому признаку	Як, 210
∀	∃ огубленная передняя *Г*	∃ огубленная задняя *Г*	Typ. Studies
Ԁ	∃ фонологическое ударение	∃ противопоставление фонем в ударных слогах; количество противопоставлений в ударных слогах не меньше, чем количество противопоставлений в неударных слогах	Са, 53. Исключения: некоторые таджикские и сирийские (арабские) диалекты (Фе, 43)
∀	∃ фонологическое слоговое ударение **и** ∃ фонологическое противопоставление долгих и кратких *Г*	**либо:** ∀ противопоставление долгих и кратких *Г* происходит в ударном слоге **либо:** ∀ ударение падает на долгий слог **либо:** ∀ ударение падает на краткий слог	Иванов I, 36. Typ. Studies

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	¬∃ музыкальное ударение	∃ вопросительная интонация	П. Кречмер[22]
∀	—	∃ слог структуры: *СГ*	Trnka, 59
∀	∃ слог структуры: *СССГ*	∃ слог структуры: *ССГ*	Me, 263
∀	∃ слог структуры: *ГССС*	∃ слог структуры: *ГСС*	Me, 263
∀	∃ слог структуры: *ГСС*	∃ слог структуры: *ГС*	Me, 263
∀	∃ слог структуры *ГС*	∃ слог структуры: *Г*	Me, 263
∀	∃ противопоставление *С* по огубленности	¬∃ противопоставление *С* по фарингализации	Phonology, 483—484
∀	∃ противопоставление дентальных и ретрофлексных *С*	¬∃ противопоставление *С* по фарингализации	
∀	∃ противопоставление *С* по напряженности	¬∃ противопоставление *С* по интенсивности	Phonology, 484

[22] P. Kretschmer, *Der Ursprung des Fragetons und Fragesatzes.*

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
$\forall$	$\exists$ противопоставление *C* по интенсивности	$\neg\exists$ противопоставление *C* по придыхательности	Phonology, 484
$\forall$	$\exists$ противопоставление *C* по придыхательности	$\neg\exists$ противопоставление *C* по напряженности	
$\forall$	$\exists$ *C* с двойной смычкой (напр., кликс) — в некоторой позиции	$\neg\exists$ сочетание *C* (cluster) в этой позиции	Phonology, 483—484
$\forall$	$\exists$ противопоставление глухих и звонких *C* **и** $\exists$ звонкий придыхательный *C*	$\exists$ глухой придыхательный *C*, соответствующий этому звонкому придыхательному *C*	Typ. Studies
$\forall$	——	$\neg\exists$ противопоставление палатальных сонорных и звонких палатальных фрикативных *C*	Трубецкой, 171
Ԁ	$\exists$ противопоставление *C* по твердости—мягкости	$\neg\exists$ политония *Г*	Sprachbünde, 239. Исключения: 1) литовский[23], 2) для определенной эпохи— *польский, *украинский, *некоторые русские говоры (П. С. Кузнецов [24])

[23] Ср. K. Horálek, *Sur les problèmes actuels de la typologie structurale des langues*, p. 201.

[24] П. С. Кузнецов, устное сообщение; имеется в виду эпоха после падения редуцированных.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ смыслоразличительное движение тона (регистровая корреляция)	∃ не более трех регистров тона	Трубецкой, 226
∀	∃ свободное ударение	¬∃ смыслоразличительное движение тона в пределах одной моры	Трубецкой, 233
∀	∃ корреляция толчка в одноморных слогоносителях	∃ корреляция толчка в двухморных слогоносителях	Трубецкой, 242
∀	∃ корреляция толчка	∃ просодическая корреляция геминации	Трубецкой, 242
∀	∃ боковой кликс	∃ зубной кликс	Me, 259
∀	∃ зубной кликс	∃ боковой кликс	
∀/ꓒ	∃ больше *C* в языке *A*, чем в языке *B*	ꓒ частота появления *C* в тексте *A* меньше, чем в тексте *B*	И. Крамский[25]; Як, 212

[25] J. Krámský, *Fonologické využiti samohláskových fonémat.*

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	—	⅂∃ менее тринадцати фонем[26]	Иванов II, 160
∀	—	⅂∃ более восьмидесяти одной фонемы[27]	
∀	∃ сочетание двух шумных *C*, отличающихся только своей принадлежностью к разным локальным рядам	∃ другое сочетание *C*, в состав которого входит шумный	Trnka; ср. Трубецкой, 278
Б. Универсалии, сформулированные в фонетических терминах			
∀	∃ сочетание *C*[28] большей длины *m* и ∃ сочетание *C* меньшей длины *n*	∃ отношение числа реальных сочетаний к числу возможных[29] сочетаний длины *m* не большее, чем отношение числа реальных сочетаний к числу возможных сочетаний длины *n*	Гринберг, 45 (1)

[26] 13 фонем — в некоторых полинезийских языках.

[27] 81 фонема — в бзыбском говоре абхазского языка.

[28] «Сочетанием *C*» называется звуковой комплекс, состоящий только из аллофонов согласных фонем (англ.: cluster); количество аллофонов определяет длину того или иного сочетания. Когда говорится далее о «начальных» и «конечных» сочетаниях *C* (в сокращении: «нач.» и «кон.»), имеются в виду начало и конец высказывания. В дальнейшем обсуждаются только начальные или конечные сочетания *C* (таким образом, если говорится: «сочетание *C*», имеется в виду «нач. или кон. сочетание *C*»).

[29] Под «возможными сочетаниями *C*» имеются в виду сочетания, потенциально возможные в языке (без учета ограничений в сочетаемости *C*);

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ сочетание *C* большей длины *m* и ∃ сочетание *C* меньшей длины *n*	∃ количество сочетаний *C* длины *m* не больше количества сочетаний *C* длины *n*	Гринберг, 46 (2)
d	∃ сочетание *C* длины *m*	∃ сочетание *C* длины *m*—1, входящее в данное сочетание длины *m*	Гринберг, 46 (3). Исключения: чатино, паме, кёр д'ален (см. там же)
∀	∃ сочетание шумных *C*	∃ сочетание *C*, где первый компонент—глухой	Гринберг, 48 (5)
d	∃ сочетание шумных *C*	∃ *C* однородный по звонкости с другим *C* в таком сочетании	Гринберг, 48 (5). Исключение: карен (см. там же)
∀	∃ кон. сочетание *C* вида: «носовой + гетерорганный шумный»	∃ кон. сочетание *C* вида: «носовой+гоморганный шумный»	Гринберг, 48 (6)

число таких сочетаний равняется, очевидно, количеству размещений из *S* по *m*, где *S* — совокупность всех фонем в языке, а *m* — длина рассматриваемых сочетаний.

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
d	∃ нач. сочетание *С* вида: «носовой + гетерорганный шумный»	∃ нач. сочетание *С* вида: «носовой+гоморганный шумный»	Гринберг, 49 (6). Исключения: некоторые славянские (в частности, русский, польский, чешский) (см. там же)
∀	∃ нач. сочетание *С* вида: «смычный+смычный»	∃ нач. сочетание *С* вида: «смычный + фрикативный» **или** ∃ нач. аффриката	Гринберг, 49 (7)
d	∃ нач. сочетание *С* вида: «смычный + смычный»	∃ нач. сочетание *С* вида: «фрикативный +смычный»	Гринберг, 49 (7). Исключения: такелма, гуичол (см. там же)
∀	∃ кон. сочетание *С* вида: «смычный + смычный»	∃ кон. сочетание *С* вида: «фрикативный + смычный»	Гринберг, 50 (8)
d	∃ кон. сочетание *С* вида: «смычный + смычный»	∃ кон. сочетание *С* вида: «смычный + фрикативный» **или** ∃ кон. аффриката	Гринберг, 50 (8). Исключение: уэльсский (см. там же)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ сочетание *C* вида: «фрикативный + фрикативный»	∃ сочетание *C* вида: «смычный + фрикативный» **или** ∃ аффриката (нач. или кон.) **или** ∃ сочетание *C* вида: «фрикативный + смычный»	Гринберг, 50—51 (9, 10)
P	∃ нач. сочетание *C* вида: «фрикативный + фрикативный»	∃ нач. сочетание *C* вида: «смычный + + фрикативный» **или** ∃ нач. аффриката	Гринберг, 50 (9). Исключения: исландский, норвежский (см. там же)
P	∃ нач. сочетание *C* вида: «фрикативный + фрикативный»	∃ нач. сочетание *C* вида: «фрикативный + смычный»	Гринберг, 50 (9). Исключение: карен (см. там же)
P	∃ кон. сочетание *C* вида: «фрикативный + фрикативный»	∃ кон. сочетание *C* вида: «смычный + фрикативный» **или** ∃ кон. аффриката	Гринберг, 51 (10). Исключения: уэльсский, делавер (см. там же)

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
d	∃ кон. сочетание *C* вида: «фрикативный + фрикативный»	∃ кон. сочетание *C* вида: «фрикативный + смычный»	Гринберг, 51 (10). Исключение: африкаанс (см. там же)
∀	∃ нач. сочетание смычных *C*, различающихся только по звонкости/глухости	∀ такое сочетание начинается с глухого смычного	Гринберг, 52 (11)
∀	∃ кон. сочетание смычных *C*, различающихся только по звонкости/глухости	∀ такое сочетание оканчивается глухим смычным	
∀	—	¬∃ сочетание звонких и глоттализованных шумных *C*	Гринберг, 52 (14)
∀	—	¬∃ сочетание *C* вида: «латеральный + дрожащий»	Гринберг, 52 (15)
∀	—	¬∃ кон. сочетание *C* вида: «шипящий + свистящий»	Гринберг, 52 (16)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ нач. сочетание *C* вида: «плавный + шумный»	∃ нач. сочетание *C* вида: «шумный + плавный»	Гринберг, 53 (17)
∀	∃ кон. сочетание *C* вида: «шумный + плавный»	∃ кон. сочетание *C* вида: «плавный + шумный»	Гринберг, 53 (18)
∀	—	¬∃ сочетание *C* из трех сонантов	Гринберг, 53 (19)
∀	—	¬∃ нач. сочетание *C* вида: «звонкий полугласный + шумный»	
∀	—	¬∃ кон. сочетание *C* вида: «шумный + звонкий полугласный»	
∀	—	¬∃ нач. сочетание *C* вида: «два звонких сонанта + *C*»	Гринберг, 54 (20)
∀	∃ нач. сочетание *C* вида: «звонкий + глухой (или глухие)»	∀ такое сочетание имеет вид: «звонкий носовой + + гоморганный глухой шумный»	Гринберг, 55 (21)
∀	—	¬∃ кон. сочетание *C* вида: «*C* + два звонких сонанта»	Гринберг, 54 (20)

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ нач. сочетание *C* вида: «звонкий носовой + гоморганный глухой шумный»	∃ нач. сочетание *C* вида: «звонкий носовой + гоморганный звонкий шумный»	Гринберг, 55 (22)
∀	∃ кон. сочетание *C* вида: «глухой (или глухие) + звонкий»	∀ такое сочетание имеет вид: «глухой шумный + + звонкий носовой»	Гринберг, 55 (23)
∀	∃ нач. сочетание *C* вида: «звонкий плавный + носовой»	∃ нач. сочетание *C* вида: «носовой + плавный»	Гринберг, 55 (24)
∀	∃ кон. сочетание *C* вида: «носовой + плавный» или «носовой + носовой» или «плавный + плавный»	∃ кон. сочетание *C* вида: «плавный + носовой»	Гринберг, 56 (25)
Ԁ	∃ нач. сочетание двух звонких шумных *C*	∃ нач. сочетание двух глухих шумных *C*	Гринберг, 56 (26). Исключение: диалект сгав языка карен (см. там же)
∀	∃ нач. сочетание двух звонких шумных *C*	∃ нач. сочетание *C* с начальным глухим шумным	Гринберг, 56 (26)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ кон. сочетание двух звонких шумных *C*	∃ кон. сочетание двух глухих шумных *C*	Гринберг, 57 (27)
∀	∃ нач. сочетание *C* вида: «звонкий шумный + носовой»	∃ нач. сочетание *C* вида: «глухой шумный + носовой»	Гринберг, 57 (28)
∀	∃ сочетание *C* вида: «звонкий шумный + полугласный»	∃ сочетание *C* вида: «глухой шумный + полугласный»	Гринберг, 57 (29)
∀	∃ кон. сочетание *C* вида: «сонант + звонкий шумный»	∃ кон. сочетание *C* вида: «сонант + глухой шумный»	Гринберг, 58 (30)
∀	——	∃¬ сочетание глухих сонорных *C*	Гринберг, 58 (31)
∀	∃ сочетание, в состав которого входят *n* глоттализованных *C*	∃ сочетание, в состав которого входят из *n*—1 глоттализованных *C*	Гринберг, 58 (32)
∀	∃ сочетание *C* вида: «носовой + + плавный»	∃ сочетание *C* вида: «шумный + + плавный»	Гринберг, 59 (36), (33)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ сочетание *C* вида: «плавный+ + носовой»	∃ сочетание *C* вида: «плавный+ + шумный»	Гринберг, 59 (35), (34)
∀	∃ кон. сочетание *C* вида: «носовой+носовой»	∃ кон. сочетание *C* вида: «носовой+шумный»	Гринберг, 60 (37)
Ԁ	∃ нач. сочетание *C* вида: «шумный + носовой»	∃ нач. сочетание *C* вида: «шумный + плавный»	Гринберг, 60 (38). Исключение: санти (дакота) (см. там же)
∀	∃ кон. сочетание *C*	∃ кон. сочетание *C* с дентальным или альвеолярным шумным конечным *C*	Гринберг, 60 (39)
∀	∃ нач. сочетание *C*	∃ нач. сочетание *C* с дентальным или альвеолярным начальным *C*	Гринберг, 61 (40)
∀	∃ аффриката	∃ дентальная или альвеолярная аффриката	Гринберг, 61 (41)
∀	——	¬∃ сочетание *C* вида: «имплозивный + глоттализованный эйективный»	Гринберг, 59 (32)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	—	¬∃ сочетание *C* вида: «имплозивный + шумный»	Гринберг, 59 (32)
∀	—	¬∃ сочетание различных имплозивных *C*	
∀	—	¬∃ отношение количества *Г* к количеству *C* в звуковой цепи большее, чем 2	В. В. Шеворошкин [30]
∀	—	¬∃ отношение количества *Г* к количеству *C* в звуковой цепи меньшее, чем 0,5	
d	—	∃ звуки: [p], [t], [k], [b], [d], [g], [v(w)], [s], [m], [n], [l] или [r], [i], [e], [a], [o], [u]	В. Скаличка[31]

[30] В. В. Шеворошкин, *О структуре звуковых цепей*, стр. 164. Отношение количества гласных к количеству согласных приближается к двум в некоторых полинезийских (самоа, гавайский) и к 0,5 в некоторых германских (немецкий, голландский).

[31] V. Skalička, *O fonémech základních a zvláštních* (мы несколько изменили формулировку автора).

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
МОРФО- И СИНТАКТОФОНОЛОГИЯ			
∀	d/∃ однофонемный корень	∃ более сорока фонем	Иванов II, 177
∀	d слово односложно	d слово одноморфемно и ∃ музыкальное ударение	Иванов II, 176
∀	d слово многосложно и ∃ сочетание *C* в начале слова и ∃ сочетание *C* в исходе слова	∃ сочетание *C* внутри слова	Trnka; Трубецкой, 278
d	∃ кон. сочетание *C* вида: «свистящий + шипящий»	∃ морфемная граница в этом сочетании	Гринберг, 52. Исключение: шилха' (берберский)

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ кон. сочетание *C* вида: «звонкий смычный + +смычный, отличающийся от предыдущего только отсутствием звонкости»	∃ морфемная граница в этом сочетании	Гринберг, 52 (12)
∀	∃ нач. сочетание *C* вида: «дрожащий + латеральный»	∃ морфемная граница в этом сочетании	Гринберг, 52 (15)
∀	∃ сочетание глухого и глоттализованного *C*, которые в остальном идентичны	∃ морфемная граница в этом сочетании	Гринберг, 52 (13)
Ԁ	∃ интонационное различие общего вопроса и соответствующего утверждения	Ԁ соответствующие интонационные признаки — в конце предложения	Гр, 63 (8)
∀	∃ больше фонем в языке *A*, чем в языке *B*	Ԁ длина морфемы в *A* меньше, чем в *B*	Ч. Хокетт[32]; Са, 55
Ԁ/∀	Ԁ слово в языке *A* длиннее, чем в языке *B*	∃ отношение числа фонем к числу слогов в *A*, меньшее, чем в *B*	П. Менцерат В. Мейер-Эпплер[33]

[32] Ch. F. Hockett, *A course in modern linguistics*, p. 93.

[33] P. Menzerath, W. Meyer-Eppler, *Sprachtypologische Untersuchungen;* P. Menzerath, *Typology of languages.*

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
ГРАММАТИКА			
∀	∃ падеж, такой, что имеет только нулевые алломорфы	∃ значение *S* при непереходном *V* для всякого такого падежа	Гр, 75 (38)
∀	∃ множественное число	∃ ненулевой алломорф, выражающий множественное число	Гр, 74 (35)
∀	∃ двойственное число	Ԁ алломорф, выражающий двойственное число — ненулевой	Гр, 74 (35)
∀	∃ тройственное число	Ԁ алломорф, выражающий тройственное число — ненулевой	Гр, 74 (35)
∀	——	¬∃ нейтрализация различий по числу в падежной форме	Гр, 81
∀	∃ морфема числа, морфема падежа, основа *N* в слове; основа *N* расположена не между морфемой числа и морфемой падежа	Ԁ морфема числа расположена между основой *N* и морфемой падежа (в данном слове).	Гр, 75 (39)

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ флексия	∃ деривационный элемент	Гр, 73 (29)
∀	∃ деривационный элемент, флексия, корень в слове; корень расположен не между деривационным элементом и флексией	∀ деривационный элемент расположен между корнем и флексией (в данном слове)	Гр, 73 (28)
∀	∃ прерывистая морфема	∃ префикс **или** ∃ суффикс	Гр, 73 (26)
∀	∃ суффикс **и** ¬∃ префикс	∃ послелог **и** ¬∃ предлог	Гр, 73 (27)
∀	∃ префикс **и** ¬∃ суффикс	∃ предлог **и** ¬∃ послелог	
Ԁ	∃ падеж	∃ число	Гр, 81
∀	∃ род	∃ число	Гр, 74 (36)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ категория лица у *V* **и (или?)** ∃ категория числа у *V*	∃ категория времени у *V* **и (или?)** ∃ категория наклонения у *V*	Гр, 73 (30)
∀	∃ категория рода у *V*	∃ категория времени у *V* **и (или?)** ∃ категория наклонения у *V*	
∀	—	∃ *P*	Хо, 16 (4.1); Як, 210
∀	—	∃ три лица у *P*	Гр, 75 (42); Як, 210
d	—	∃ два числа у *P*	Гр, 75 (42); Як, 210. Исключения: древнеяванский (кави), совр. яванский[34]

[34] См., например, А. С. Теселкин, *Яванский язык*, стр. 38; А. С. Теселкин, *Древнеяванский язык (кави)*, стр. 45.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ род у *N*	∃ род у *P*	Хо, 16 (4.1) Гр, 75 (43)
∀	∃ двойственное число	∃ множественное число	Гр, 74 (34)
∀	∃ тройственное число	∃ двойственное число	
∀	∃ противопоставление одушевленного (активного) и неодушевленного (пассивного) классов у *N*	¬∃ форма множественного числа у *N* пассивного класса **и** ¬∃ эргативный падеж у *N* пассивного класса	Иванов I, 39[35]
d	∃ различие по роду во 2-м лице ед. числа	∃ различие по роду в 3-м лице ед. числа	Ме, 259. И с к л ю ч е н и е: ряд языков центральной Нигерии (см. там же)

[35] Данной универсалии противоречит, возможно, раннее состояние енисейских языков, где реконструируется показатель множественного числа как одушевленных имен (элемент *n*), так и неодушевленных (элемент *ŋ*). Иными словами, в этих языках предполагается противопоставление имен по одушевленности при образовании множественного числа (см. В. Н. Топоров, *О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях*; ср. также Б. А. Успенский, *Замечания по типологии кетского языка*). Однако, поскольку мы не можем достаточно полно реконструировать это состояние, мы не рассматриваем его как исключение к данной универсалии и сохраняем квантор всей универсалии ∀ (а не d), как это и сформулировано В. В. Ивановым. Не исключено в то же время, что следует пересмотреть реконструируемые факты на основании данного универсального соотношения.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
Ԁ	∃ различие по роду в 1-м лице у P	∃ различие по роду во 2-м или 3-м лице у P	Гр, 76 (44) Исключение: тайский
∀	∃ различие по роду во мн. числе у P	∃ различие по роду в ед. числе у P	Гр, 76 (45)
∀	∃ различие по роду в неединственном числе	∃ различие по роду в ед. числе; количество различий по роду в ед. числе не меньше, чем количество различий по роду в неединственном числе	Гр, 75 (37)
∀	∃ согласование V с S или O по роду	∃ согласование A и N по роду и ∃ согласование V с этим S или O по числу	Гр, 74 (31) Гр, 74 (32)
∀	∃ согласование V с N в косв. падеже и ∃ N в им. падеже (в некотором предложении)	∃ согласование V с N в им. падеже (в данном предложении)	Б. Успенский[36]

[36] Б. А. Успенский, *Опыт трансформационного исследования синтаксической типологии*, стр. 59.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	—	∃ союз	Хо, 17 (43)[37]
∀	∃ нейтрализация согласования N и V по числу, такая, что порядок слов становится обязательным в предложении	{ ∀ N после V и ∀ V в ед. числе } (в таком предложении)	Гр, 74 (33)
∀	d/∀ A после N	∀ категория N выражена в A	Гр, 75 (40)
d	{ d S перед V и d O перед V }	∃ падеж	Гр, 75 (41)
d	—	d O после S	Гр, 61 (1) Исключения: языки сиуслав, кус (гр. пенути); кёр д'ален (салишская гр.) (см. там же)

[37] Ср. § 0.8 «Основной части» наст. изд.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	Ԁ *S* после *V* и Ԁ *O* после *S*	∃ *S* перед *V* и ∃ *O* после *V*	Гр, 63 (6)
Ԁ	Ԁ *S* после *V* и Ԁ *O* после *S*	∃ предлог и ꓶ∃ послелог	Гр, 62 (3). Исключение: папаго (юто-ацтекская гр.) (Гр, 85)
Ԁ	Ԁ *S* перед *O* и Ԁ *O* перед *V*	∃ послелог и ꓶ∃ предлог	Гр, 62 (4) Исключения: языки иракв (юж. кушитская гр.), кхамти (тайская гр.); литер. персидский, амхарский (см. там же)
Ԁ	Ԁ *S* после *V* и Ԁ *O* после *S*	Ԁ/∀ *A* после *N*	Гр, 67 (17)
Ԁ	∃ послелог и ꓶ∃ предлог	Ԁ/∀ *N* в род. падеже перед *N*	Гр, 62 (2). Исключения: нек.-е дагестанские, азианические (Гр, 87)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
Ԁ	∃ предлог и ⅂∃ послелог	∀/Ԁ N в род. падеже после N	Гр, 62 (2). Исключения: датский, норвежский, шведский (см. там же); литовский, латышский[38]
∀	Ԁ S перед O и Ԁ O перед V и ∀/Ԁ N в род. падеже после N	∀/Ԁ A после N	Гр, 62 (5)
∀	Ԁ S перед O и Ԁ O перед V	∀ Adv перед A	Гр, 63 (7)
∀	∃ Adv после A	Ԁ качественное A после N и Ԁ O после V	Гр, 69 (21)
∀	Ԁ описательное A перед N	Ԁ неописательное A перед N	Гр, 68 (19)

[38] Приношу благодарность А. А. Зализняку за указание на эти языки.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
Ԁ	∀ описательное A перед N	∀ указательное P перед N и ∀ числительное перед N	Гр, 68 (18) Исключение: эфик (см. там же)
∀	∃ N перед указательным P, числительным и описательным A (в некотором предложении)	либо: ∀ указательное P перед числительным и ∀ числительное перед описательным A (в данном предложении) либо: ∀ указательное P после числительного и ∀ числительное после описательного A (в данном предложении)	Гр, 69 (20)

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	d *S* после *V* и d *O* после *S*	∀ вспомогательный *V*[39] перед *V*	Гр, 67 (16)
∀	∃ *N* после указательного *P*, числительного и описательного *A* (в некотором предложении)	∀ указательное *P* перед числительным и ∀ числительное перед описательным *A* и ∀ описательное *A* перед *N* (в данном предложении)	Гр, 69 (20)
∀	d *O* после *S* и d *O* перед *V*	∀ вспомогательный *V* после *V*	Гр, 67 (16)
∀	∃ относительное высказывание перед *N* (как единственный или альтернативный вариант)	∃ послелог и ⅂∃ предлог **или** ∀ *A* перед *N*	Гр, 71 (24)

[39] Под «вспомогательным» *V* понимается закрытый (т. е. количественно ограниченный) класс глаголов, выражающих категории лица и числа, которые входят в конструкцию с открытым классом глаголов, не изменяющихся по лицу и числу.

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	d приложение (собственное *N*) перед *N*	d *N* в род. падеже после *N*	Гр, 71 (23)
d	d приложение (собственное *N*) после *N*	d *N* в род. падеже перед *N*	Гр, 71 (23) Исключения: славянские
∀	∀ *O* перед *V*	∀ форма *V*, подчиненная основному *V*, перед основным *V*	Гр, 66 (13)
∀	∃ *O* после *V*	∀ форма *V* в выражениях цели и желания после основного *V*	Гр, 66 (15)
∀	d местоименный *O* после *V*	d *O* после *V*	Гр, 72 (25)
∀	d *S* после *V* и d *O* после *S*	∀ вопросительное слово в специальных вопросах—в начале предложения	Гр, 65 (12)
d	∃/d вопросительная частица, относящаяся ко всему предложению в целом,—в начале предложения	∃ предлог и ¬∃ послелог	Гр, 64 (9) Исключения: языки таи, йоруба (см. там же)

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
d	∃/d вопросительная частица, относящаяся ко всему предложению в целом,— в конце предложения	∃ послелог и ¬∃ предлог	Гр, 64 (9). Исключение: литовский (см. там же)
∀	∃ вопросительная частица, относящаяся к определенному слову (в предложении)	d такая вопросительная частица после данного слова (в данном предложении)	Гр, 64 (10)
∀	d *S* после *V* и d *O* после *S*	¬∃ вопросительная частица, относящаяся к определенному слову в предложении	Гр, 64 (10)
∀	∃ *S* после *V* при инверсии	d вопросительное слово (фраза)—в начальной позиции	Гр, 65 (11)
∀	∃ *S* после *V* при инверсии в общих вопросах	∃ *S* после *V* при инверсии в специальных вопросах	Гр, 65 (11)

Продолжение

Квантор универсалии	Условия действия универсалии	Лингвистические явления	Примечания
∀	∃ стандарт сравнения[40] перед показателем степени сравнения и ∃ показатель степени сравнения перед сравниваемым качеством	∃ послелог и ¬∃ предлог	Гр, 70 (22)
d	∀ стандарт сравнения после показателя степени сравнения и ∀ показатель степени сравнения после сравниваемого качества	∃ предлог и ¬∃ послелог	Гр, 70 (22)
∀	—	d условное предложение перед выводом	Гр, 65 (14)
∀	—	∃ указание времени или места в начале предложения	Гр, 81

[40] Под «стандартом сравнения» понимается предмет, с которым сравнивается объект сравнения.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛУЖЕБНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

Данное приложение строится следующим образом. Приводится:

1) название языка;

2) предложение на этом языке, расчлененное вертикальными чертами на элементы (если возможно, линейное членение);

3) перевод предложения на русский язык (в скобках); перевод отсутствует в примере из русского языка;

4) структура предложения, где корневые элементы обозначаются как *X*, а служебные элементы даются в их конкретном виде;

5) характеристика (обязательных) служебных элементов (не являющихся связками) как II 1 (аффиксы) и II 2 (частицы); в отдельных случаях приводимая характеристика иллюстрируется примерами.

Датский

|*Konge*|*n*|, *dronning*|*en*|, *hel*|*e*| *hoff*|*et*| *vent*|*ede* | *gæst*|*er*| *med*| |*te*| *hos* | *princess*|*en*|

('Король, королева, весь двор ждали гостей с чаем у принцессы')

X n X en X e X et Xede Xer med X hos X en

-(*e*)*n* — определенный (постпозитивный) артикль общего рода — II 1
-*e* — показатель определенной формы (прилагательного) — II 1
-*et* — определенный (постпозитивный) артикль среднего рода — II 1
-*ede* — показатель прошедшего времени — II 1
-*er* — показатель мн. числа — II 1
med- — предлог — II 2
hos- — предлог — II 2

Таджикский

|*Дар*| *осмон*|*и* | *соф*|*и*| *беғубор*|*ситора*|*ҳо*|*ме*| *дурахш*|*ид*|*анд*|

('На чистом ясном небе сверкали звезды')

дар Хи Хи Х Хҳо ме Х ид анд

дар- — предлог II 2
-и — показатель изафетной конструкции II 1
-ҳо — показатель мн. числа II 1
ме- — показатель продолженности II 1
-ид — показатель прошедшего времени II 1
-анд — показатель 3-го лица мн. числа II 1

Турецкий

| *Mukadderat*|*ın*|*a*| *iştirak*| *et*|*mek*|*le*| *gurur* | *duy*|*makta*|*yız*|

('Мы чувствуем гордость, так как принимаем участие в его судьбе')

X ın a X X mek le X X makta yız

-ı(n) — показатель принадлежности 3-го лица ед. числа II 2
-a — показатель дат. падежа II 2
-mek — показатель инфинитива II 1
-le — показатель социатива II 2
-makta — показатель длительности II 1
-yiz — показатель 1-го лица мн. числа II 1

Немецкий

|*Die*| *Zahl* | *der* | *neue*|*n* | *Wohn*|*häus*|*er*| *in* | *unser*|*er* *Vor*|*stadt*| *geh*|*t*| *an* | *einig*|*e* | *hundert*|

('Количество новых домов в нашем пригороде достигает нескольких сотен')

Die X der X n XX er in X er X X X t an X e X

die-, *der-* — артикли II 2
-n — показатель мн. числа II 1
-er — показатель мн. числа II 1
in- — предлог II 2
-er — показатель дат. падежа II 1
-t — показатель 3-го лица ед. числа II 1
an- — предлог II 2
-e — показатель мн. числа II 1

Русский

|*Машин*|*а* | *еха*|*л*|*а* | *из* | *лес*|*а* |

Ха Х л а из Х а

-а — показатель женского рода, им. падежа, ед. числа II 1
-л — показатель прошедшего времени
-а — показатель женского рода, ед. числа
из- — предлог II 2
-а — показатель род. падежа, ед. числа, мужского (и среднего) рода I

к отский

|*Чавчыва*|*та* | *к'opa*|*т* |*ны*|*пэла*|*к'энат*|

('Оленеводы оленей покидают')

Х та Х т ны Х к'энат

-тэ/та — показатель эргативного падежа II 2

-т — показатель абсолютного падежа II 2
ны—к'энат/к'инэт — показатель 3-го лица мн. числа 2-го настоящего времени (переходных и непереходных глаголов) II 2[1]

Кетский

|Qim|ən | u | ku|tu|in| aşlin|d|i|ɒtə|

('Женщины тебя видят в лодке')

X ən X ku X in X d i ɒtə

-ən — показатель мн. числа II 1
ku- — показатель 2-го лица объекта II 1
-in — показатель мн. числа субъекта II 1
d—ɒtə — показатель местного падежа II 1
-i- — показатель женск. и средн. рода имени, к которому относится показатель падежа II 1

Хауса

|Yar|o | ya |hau| doki | ya | tafi | a | k'aüye |

('Мальчик сел [на] лошадь [и] отправился в деревню')

X o ya X X ya X a X

-o — показатель мужского рода ед. числа имени II 1
ya- — показатель 3-го лица ед. числа совершенного вида II 1
a- — предлог II 2

Эсперанто

|La| ĉef|a|j| urb|a|j| gazet|o|j| inform|is |pri | la | vizit|o | de| la |pol|a | delegaci|o |

('Главные городские газеты сообщили о посещении польской делегации')

la X a j X a j X o j X is pri la X o de la X a X o

la- — артикль II 2
-a — показатель прилагательного II 1
-o — показатель существительного II 1
-j — показатель мн. числа II 1
-is — показатель личной формы прошедшего времени II 1
pri- — предлог II 2
de- — предлог II 2

Аранта[2]

| Atua | na|la| ara|na| erku|ka|

('Человек этот кенгуру схватил')

---

[1] Можно сказать, превратив конструкцию в непереходную и потому заменив эргативный падеж на абсолютный:

|Чавчыва|т ны|к'ора|пэла|к'энат|

(значение то же)

Хт ныХХк'энат

[2] Характеристика служебных элементов в аранта является в какой-то мере гипотетичной; поэтому приводится комментирующая иллюстрация к данной характеристике (разумеется, эта иллюстрация не может сама по себе служить достаточным ее обоснованием).

X X la X na X ka

-la — показатель активности; здесь: показатель эргативного падежа	II 2	Определяет группу *atua na* (человек этот); без определения было бы: *atuala*
-na — показатель направления (аллативный падеж)	II 2	Ср. *ara ntjarana* (многих кенгуру)
-ka — показатель прошедшего времени (здесь) и род. падежа	II 2	Ср. *wotta erkuka* (опять схватил)

Арабский

Yakūnu-rriǧālu kamā turīdu-nnisā'u[3]

('Мужчины бывают таковы, как того хотят женщины')

|*X*| огласовка имперфекта I породы | конфикс 3-го лица ед. числа м. р. |*al* | *X* | огласовка «pluralis fractus» |*ka*| |*X*|*X*| огласовка имперфекта IV породы |конфикс 3-го лица ед. числа ж. р. |*al*| *X*| огласовка «pluralis fractus» |

огласовка имперфекта I породы	II 1
y—u — конфикс 3-го лица ед. числа м. р.	II 1
al- — артикль	II 1
ka- — предлог	II 2
огласовка имперфекта IV породы	II 1
t—u конфикс 3-го лица ед. числа ж. р.	II 1
огласовка «pluralis fractus»	II 1

Суахили

|*Baada* |*ya* |*robo* |*saa* |*ni*|*li*|*karib*|*ish*|*wa*|*ch*|*umba*|*ni*| *ni*|*ka*|*keti*| *ki*|*ti*|*ni*|

('Через четверть часа меня пригласили в комнату, и я сел на стул')

Baada ya X X ni li X ish wa ch X ni ni ka X ki X ni

baada ya	— предлог	II 2
ni-	— показатель субъекта 1-го лица ед. числа I класса	II 1
-li-	— показатель прошед. времени	II 1
-ish-	— показатель каузативного залога	II 1
-wa-	— показатель пассивного залога	II 1
ch-	— показатель ед. числа IV класса	II 1
-ni	— показатель локативной формы	II 1
ka-	— показатель повествов. формы	II 1
ki-	— показатель ед. числа IV класса	II 1

Зулу

|*u*|*Hlakanyana*| *u*|*ya*|*xwaya*| *u*|*ya*|*wu*|*bamba*| *um*|*vundla*, *u*|*ya*|*wu*|*osa*| *pezulu*| *um*|*lilo*|

---

[3] Расчленение по фразе невозможно; оно показано в линейной записи.

('Ухлаканьяна подкрадывается, хватает зайца, он его жарит над огнем')

u X u ya X u ya wu X um X u ya wu X pezulu um X

u-	— показатель ед. числа I*a* класса	II 1
u-	— показатель субъекта 1-го лица ед. числа I класса	II 1
-ya-	— показатель наст. непосредственного времени	II 1
-wu-	— показатель объекта 3-го лица ед. числа I класса	II 1
um-	— показатель ед. числа I класса	II 1
pezulu-	— предлог	II 2

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ОБ ОДНОЙ БОЛЕЕ ОБЩЕЙ (СРАВНИТЕЛЬНО С ИЗЛОЖЕННОЙ В «СИСТЕМЕ ТЕРМИНОВ И ДОПУЩЕНИЙ») ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Можно построить более общую грамматическую модель для типологического описания (нежели та, которая предложена в разделе «Система терминов и допущений» [1]), которая исходит из меньшего числа исходных понятий, но представляет зато более грубое приближение к языку (т. е. некоторые существенные для языка явления не получают в ней отражения).

Основное отличие этой более общей модели от предложенной выше состоит в том, что она использует исключительно уровень и понятие «грамматической правильности» (в то время как предложенная модель пользуется еще и понятием «реальной правильности») [2]. Таким образом, если изложенная выше модель исходит из двух уровней правильности (причем более подробный уровень используется при внутреннем анализе языка, предшествующем типологическому) [3], то обсуждаемая здесь модель исходит всего из одного, более общего уровня правильности (который используется как при предварительном внутриязыковом, так и при самом типологическом анализе). Мы рассмотрим некоторые изменения в результатах анализа (как внутриязыкового, так и типологического), следующие за принятием этой более общей модели.

Прежде всего при данном подходе факультативные служебные элементы (выделение и элиминация которых имеют большое значение для строимой теории) определяются как такие, которые всегда могут быть устранены из предложения без нарушения его грамматической (а не реальной) правильности. При таком определении в класс факультативных элементов попадают, например, почти все предлоги русского языка (кроме тех, что управляют предложным падежом) и многих других языков; неконвертирующие словообразователь-

[1] См. § 0 («Основной части»).
[2] См. § 0.3.
[3] См. там же.

ные элементы (т. е. деривационные элементы, которые не конвертируют слово в другую часть речи) самых разных языков; показатели пород в арабском и других семитских языках и т. д. Соответственно, все эти элементы исключаются из рассмотрения и не входят в слово[4]. (При таком подходе мы приближаемся к традиционному пониманию слова как единицы, исходной в парадигматике языка.)

При таком упрощении исходных понятий изменяются и результаты самого типологического анализа.

Например, при классификации служебных элементов по их функции[5] многие элементы, характеризуемые в предложенных выше терминах как аффиксы (элементы II 1), в результате описанного упрощения будут отнесены к частицам (элементам II 2). Это относится, в частности, ко многим именным показателям немецкого, скандинавских языков.

В самом деле, имена этих языков могут определяться, наряду с другими способами, сколь угодно длинной последовательностью корней[6]: $N \leftrightarrow XN \leftrightarrow XXN \dots$ и т. д. (аналогичным образом может происходить и определение прилагательных); ср., например, многочисленные шуточные, — но правильные грамматически, — образования из немецкого языка[7]. При этом имя в данных языках может определяться не только корнями, но и словами; таким образом, в языке существуют две (или более) параллельные конструкции: $N \leftrightarrow XN$ и $N \leftrightarrow X'nN$, где n, например, — показатель прилагательного (или: $A \leftrightarrow XA$ и $A \leftrightarrow X'mA$, где m — наречный показатель и т. д.)[8]. Производя анализ только на уровне грамматической правильности (для нас тогда несущественно, что в двух этих конструкциях

---

[4] См. § 0.7.

[5] См. § 2.2.1.

[6] Не так, однако, в русском языке, где хотя и имеется аналогичный способ распространения имени существительного (сложные слова), но распространение при помощи этого способа ограничено — не может быть сколь угодно длинным (сложные слова здесь двусоставны: на абстрактном уровне можно, в общем, рассматривать образование более чем из двух корней в русском языке как исключительные, а в целом — как противоречащие грамматической правильности предложения).

[7] Например, в «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена (см. Марк Твен, Собрание сочинений, т. VI, М., 1960, стр. 465; ср. также там же, т. V, М., 1960, стр. 416; т. XII, М., 1961, стр. 77).

[8] Различные параллельные конструкции (т. е. различные способы атрибутивного распространения) могут быть связаны с разными стилями. Например, распространение определенного слова примыкающими корнями в различных германских языках характерно для языка научной литературы, а также газетного языка (конкретно о последнем см. Å. Åkermalm, *Om verbet atombomba och liknande bildningar i nutida svensk dagspress*). Существенно, однако, что речь здесь идет именно о разных стилях, а не разных языках. В этом случае, анализируя возможность или невозможность определенной операции над текстом, мы не можем утверждать, что некоторая конструкция, которая вообще есть в данном языке, будет грам-

участвуют разные корневые элементы: X и X'[9]), заключаем, что элементы n и m, выражающие атрибутивную функцию слова, факультативны. В самом деле, элементы, оформляющие прилагательное или наречие, в этом случае всегда можно опустить, превратив данное слово в чистый (неоформленный) корень, что не нарушит грамматической правильности предложения, поскольку в языке всякий раз имеется аналогичная конструкция[10].

Соответственно можно говорить об инкорпорации в этих языках и отнести их к инкорпорирующим[11].

В терминах обсуждаемой здесь более общей модели можно, идимо, показать, что, если синтетический служебный элемент вляется по своей функции частицей (элементом II 2), этот элеент факультативный. В самом деле, обратимся к рассуждеию в § 2.4 и будем пытаться построить пример, когда синтетический служебный элемент n, оформляющий слово Y, оформляет и все союзное сочетание $Y\ \alpha\ Z$ (причем Z и Y — слова одного класса в разных категориальных формах). По-видимому, единственный случай, когда это возможно, — это

матически неправильной в рассматриваемом стиле данного языка (именно на такого рода утверждения мы опирались при классификации элементов языка).

Стилистические различия, тем самым, характеризуются факультативностью внутри некоторой обязательной для данного языка грамматики; поэтому они представляются менее существенными при типологическом анализе. В то же время мы можем представить я з ы к, соответствующий определенному стилю некоторого языка (т. е. представить некоторые факультативные явления как обязательные, искусственно устранив из языка все прочие параллельные конструкции), и таким образом получить типологическую характеристику стиля. Ср. в этой связи Б. А. Успенский, *О сосуществовании грамматических структур в языке (Расчленение языка на элементарные структуры и возможность типологической характеристики последних)*.

[9] По определению «грамматической правильности» (см. § 0.3).

[10] Основное отличие чукотского языка от рассматриваемых германских состоит в том, что в чукотской именной конструкции л ю б о е слово (определяющее какое-то другое в предложении) — т. е. любой корневой элемент, оформленный некоторыми служебными, — может терять свое оформление и, превращаясь в корень, инкорпорироваться (не нарушая реальной правильности предложения). Этот процесс не зависит от качества корневого элемента (поэтому оформляющие служебные элементы на уровне реальной правильности признаются факультативными). В немецком же или скандинавских языках на уровне реальной правильности предложения некоторые слова (например, существительные) могут терять оформление и примыкать к определяемому имени — при наличии и других способов связи, другие же (прилагательные) с ним согласуются. Если исходить исключительно из уровня грамматической правильности (когда несущественно различие между корневыми элементами), достаточно наличия в языке первого способа определения (т. е. примыкающих корней), чтобы заключить о факультативности второго.

[11] См. определения в § 2.2.1.2.

случай, когда Z представляет чистый корень; тогда Z оформлено факультативным служебным элементом. При этом Z и Y относятся к одному классу слов (в смысле § 0.7.1); соответственно и служебный элемент n, оформляющий Y, входит в один класс с факультативным элементом, оформляющим Z, и, следовательно, сам факультативен.

КОМБИНАТОРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИСУТСТВИЯ ЭЛЕМЕНТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ (I 1, I 2, II 1, II 2) В ОДНОМ ЯЗЫКЕ

Выше была дана классификация элементов языка, корневых (I) и служебных (II) на основании их сочетаемости друг с другом (§ 2.2). Были выделены четыре типа элементов: I 2 («чистые корни»), I 1 («основы»), II 2 («частицы»), II 1 («аффиксы»). В настоящем приложении исследуются комбинаторные возможности присутствия элементов разных типов в одном языке.

Приложение строится следующим образом. В левой колонке помещается некоторое сочетание типов элементов; так, последовательно рассматриваются все возможные сочетания данных типов. Справа от рассматриваемого сочетания исследуется возможность или невозможность существования языка, все элементы которого относятся к типам элементов, указанным в соответствующей графе левой колонки. В случае, если такой язык возможен, приводится его типологическая характеристика (постольку, поскольку ее можно вывести из данной классификации служебных элементов[1]); если утверждается, что такой язык невозможен, приводятся основания для такого утверждения.

А. Все элементы языка относятся к одному типу

I 2 «совершенно аморфный» язык; невозможен по причинам, изложенным в § 3.1.2.

I 1 невозможен по определению данного типа элементов.

II 2} невозможны по определению служебных элементов.
II 1} (см. § 0.2.1).

Б. Элементы языка относятся к двум типам

I 2, II 2 аморфный язык.

[1] См. § 3.2.

I 2, II 1 невозможен (см. § 3.1.2, § 3.1.2.1).
I 1, II 2 «совершенно агглютинативный» язык (такие языки не распространены — см. § 3.1.3)
I 1, II 1 «совершенно флективный» язык (такие языки не распространены — см. § 3.1.3).

В. Элементы языка относятся к трем типам.

I 2, II 2, II 1 невозможен по определению данных типов элементов.
I 1, II 2, II 1 флективный или агглютинативный (слова в нем согласуются или управляются, но не примыкают).
I 2, I 1, II 2 инкорпорирующий.
I 2, I 1, II 1 агглютинативный или флективный (с примыкающими корневыми элементами и без частиц) (языком приблизительно такого типа является кетский).

Г. Элементы языка относятся к четырем типам.

I 2, I 1, II 1, II 2 флективный или агглютинативный.

* * *

В итоге можно заключить следующее. Не может быть языка, в котором все элементы относились бы к одному типу. Вообще из 13 возможных сочетаний в языке могут быть семь следующих сочетаний: I 2 + II 2; I 1 + II 1; I 1 + II 2; I 1 + II 2 + II 1; I 2 + I 1 + II 2; I 2 + I 1 + II 1; I 2 + I 1 + II 1 + II 2.

При этом языки, характеризующиеся сочетаниями: I 1 + II 1; I 2 + I 1 + II 1 (т. е. языки без элементов II 2 — частиц), видимо, реально мало распространены, так же как и языки с сочетанием: I 1 + II 2.

СПИСОК ПРЕДЛОЖЕННЫХ КРИТЕРИЕВ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИСПОЛЬЗУЮЩИМСЯ В НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЕ

1. Построение типологии исходя из иной единицы соотношения (прежде всего — слова [1]) — см. стр. 52—53.

2. Деление языков на аналитические, синтетические, полисинтетические [2] — ср. § 2.2.1.2. (Это деление опирается на исходное понятие слова, а не элемента — см. там же [3].

3. Определение количества непересекающихся классов корневых элементов в языке [4] — см. § 2.2.2.

4. Определение отношения между множеством служебных и множеством корневых элементов в языке: множество служебных элементов входит во множество корневых, оба множества пересекаются, оба множества не пересекаются — см. § 3.3.4.

---

[1] При построении типологии, исходящей из слова как единицы соотношения, одним из основных допущений, видимо, должно быть допущение о том, что мы знаем — для каждого языка, — какие две словоформы принадлежат одному слову (ср. стр. 53).

[2] Ср. Э. Сепир, *Язык,* стр. 100.

[3] Интерпретацию понятия «аналитический язык» («аналитическая конструкция») в предложенной терминологии см. в § 3.3.4.

[4] При этом имеются в виду абстрактные корневые элементы.

B. USPENSKY

STRUCTURAL LINGUISTIC TYPOLOGY

SUMMARY

The present book comprises two parts and several appendices. Each part is divided into chapters; the second part of the book (the principal one) has, moreover, a special ramification into paragraphs running parallel to the chapter division.

Discussed in the first (Introductory) part of the book are some general problems of linguistic typology and its procedures, with a view to clarifying the notion of *structural linguistic typology.* This involves a study of the subject and the perspectives of structural linguistic typology, and the connections of typology with other trends of linguistic analysis. A critical discussion of different typological trends in linguistics given in this part, makes it possible to define some distinctive methodological features of structural linguistic typology. The notion of an *étalon language* proposed as a standard for language comparison is introduced here.

The author does not, as a rule, give special definitions to the terms used in this part of the book and applies them in their traditional meaning; such a free discussion appears convenient for the formulation of the most general ideas of the present work.

In the second (Principal) part of the book the author, conversely, suggests tentative definitions for all the terms to be used. He attempts to set up an original typological theory on the basis of the general ideas discussed in Part One. This theory is prefaced with a comprehensive exposition of adopted terms and assumptions. The author attempts to investigate the structure of an optimum étalon language for *grammatical* typological comparison, i. e., an optimum structural model for comparison on the grammatical level.

The structure of the étalon language is defined in terms of a specially developed interpretation of the traditional *Morphological Classification* of languages. The concrete languages are characterized by rules of transformations necessary for converting their structures to that of the étalon language; possible

transformations are described in general outline. The work also discusses the possibility of building up special étalon languages for specific typological purposes (e. g. for comparison of word classes in different languages), with a view to attaining a more detailed typological characterization.

The appendices to the book deal in detail with some particular problems touched upon in the previous discussion (e. g. language universals are analysed here at length). The book is supplied with a list of bibliography.

Introductory Part

OBJECT AND METHODS OF STRUCTURAL LINGUISTIC TYPOLOGY

Chapter I, "Subject and Purposes of Structural Linguistic Typology", reviews some general ideas of structural approach to linguistic typology. In the words of A. L. Kroeber, "comparisons today can have more meaning than they would have had before the phoneme and morpheme concepts were formulated". This can be actually extrapolated to all other *emic* notions. In fact, differentiation of *emic* and *etic,* or that of *langue* and *parole, open* and *closed* text, etc., are actually all intended to distinguish the essential features of a language from accidental ones and thus reveal its structure. Such methods as distributional analysis, transform analysis and some others, provide the necessary precision in establishing the structure of a language. It seems fully warranted to take the structure of a language as a starting point in typological linguistic comparison—otherwise one compares isolated phenomena which *per se* (apart from their relations with other phenomena in a language) may not be informative. If structures of various languages are described in adequate terms and on the basis of identical assumptions, it is the comparison of these structures that makes the subject of structural linguistic typology. Structural linguistic typology can thus be understood as systematization of linguistic phenomena from different languages according to their specific structural features (i. e., the features which are essential to the structure of each language).

Typological research makes it possible to establish some language traits that are universal, and also traits that are more or less unique and special. The investigation of language universals is the subject of *universal grammar* whereas the study of specific features in languages makes the basis of *typological classification.* These are two essential branches of typology.

In fact, typological confrontation of diverse languages reveals universal invariants. On this basis one can assert universal presence (or absence) of certain lingual phenomena and also establish some universal regularities, i. e., formulate typological laws. When the connection between phenomena (the typological laws) is known, the occurrence of one phenomenon makes the occurrence of another phenomenon predictable. Thus, one of the main aims of typology is to set up a general theory of language based on investigation of language universals.

The chapter reviews different approaches to establishing language universals. A detailed classification of universals and a list of grammatical and phonological universals discovered so far, are given in the appendices to the book.

Another essential aim of typological research is typological classification, i. e., classification of objects according to their specific features. It can be assumed that the purpose of typological linguistic classification is to offer the most effective method of codifying information on the structures of various languages.

The two general aims of typology mentioned above (the investigation of the universal and the specific in language) are closely connected and implicate each other. On the basis of typology it is possible to set up a universal system applicable to all languages. The introduction of supplementary rules will allow to convert this system into the structures of different concrete languages.

Along with the general aims of typological research, the chapter considers its practical aspect. Typological results can be usefully applied in deciphering, translation (first of all, machine translation as the most formalized domain of translation) and in all areas connected with interlingual coding and recoding. With typological systems being efficiently elaborated, one can describe the process of deciphering as successive substitutions of various typologically possible systems, applied to a text under deciphering. The system which is best suited to the text, is to be regarded as a system giving its proper interpretation. The importance of typology for machine translation is stipulated by the fact that the latter involves the problem of translation from many languages into many other languages. In other words, machine translation is confronted with the problem of elaboration of an intermediate language and transition from the intermediate language to specific languages and vice versa. Hence the theory of machine translation can be in general outline confined to establishing a system of rules in order to select an optimum algorism for a language of a given type.

Further, correlations between empirical and theoretical typologies are examined. Structural linguistic typology is concei-

ved of as a deductive science which serves as the theoretical basis of empirical typology.

Chapter II, "Typology and Some Other Trends of Linguistic Research", mainly deals with interrelations of typological and historical comparative linguistics. This involves both the possibility of typological interpretation of the achievements of historical linguistics and the importance of typology for historical comparative studies. The first case presupposes a typological analysis of trends and tendencies of language changes. Such an analysis, carried out on different linguistic levels, can be directed at the study of both universal and specific features in diachronic development (see above). The fixing and examination of patterns which remain invariant in diachronic transformations of languages may form another essential branch of diachronic typology. Furthermore, the importance of typology for historical comparative linguistics is postulated by the possibility of reconstruction (and verification of available reconstructions) of a definite synchronic system and not of isolated phenomena as was usually done in comparative philology. Typological studies make it possible to predict certain structural features of a reconstructed language and determine the typological probability of a certain reconstruction as well. Besides, typological data can serve independently as the basis of reconstruction. Typology and historical comparative linguistics are counterposed insofar as linguistic diachrony and synchrony can in general be counterposed. In fact, structural typology, judging by its definition, is connected above all with synchronic description, while historical comparative linguistics is primarily connected with diachronic description of languages. Since diachronic development can be regarded as a mere succession of synchronic states, the application of typology to historical comparative linguistics becomes feasible. Various reasons for the inclusion of historical comparative linguistics in typological linguistics are critically examined in this connection.

In the same chapter the correlation of typology and descriptive linguistics is discussed. The idea of describing a language solely by means of the same language, which is particularly characteristic of the descriptive school, is basically opposed to a typological approach, the latter suggesting the investigation of a language through comparison with all other languages. The two approaches can be respectively called *descriptive* and *typological*. The contradiction between these approaches can be seen in the works of linguists of diverse trends (including the descriptivists). It is worth mentioning that the two approaches alternated in the historical development of linguistics.

The correlation of the typological and the descriptive approach in synchronic linguistics can be compared to the corre-

lation of the comparative method and the internal reconstruction method in diachronic linguistics. In both cases, either approach has its own advantages and is complementary to the opposite one. It can be maintained in general that any effective typological investigation involves a compromise of the descriptive and the typological approach and actually makes use of both. In fact, typological comparison presupposes a preliminary analysis of each language compared so as to establish certain features essential to comparison (the choice of such features is dictated by the particular purpose of comparison); otherwise, alien categories would be thrust upon a language, or else comparison would be based on inessential features. On the other hand, typological comparison suggests certain unified methods of studying a language; otherwise, non-comparable things would be compared, with obviously worthless results. Thus typological and descriptive approaches actually implicate each other.

Chapter III, "Methods of Typological Investigation", presents a typological study of different linguistic typologies. Several binary distinctive features are selected, characterizing the method and trend of each typological investigation. A critical examination of linguistic typologies allows the author to specify the methods of structural linguistic typology and to determine the areas of analysis to be carried out in the principal part of the present work. To this end the following distinctive features are set forth:

1) Are *texts* or *systems* of different languages compared?

Correspondingly, *descriptivist* typology is opposed to *structural* typology.

2) Are *all* the languages or *certain* languages (groups of languages) made the subject of comparison?

Correspondingly, *typology* is opposed to *characterology* (V. Mathesius), or *confronting description* ("konfrontační lingvistika", V. Skalička). * Generally speaking, structural typology does not imply any limitation to specific languages—consequently, it proceeds from open data. In this respect, an analogy between intralingual and interlingual studies is pertinent.

3) Is a language compared taken *as a whole,* or is comparison restricted to a certain linguistic *level* (grammatical, phonological, etc.)?

The author's conclusion is that a successive comparison of languages as a whole (and not of their grammatical, phonological and other patterns) is impossible at the present stage—if typology and not characterology is meant.

* It seems reasonable to speak about *confronting description* when some concrete languages are compared and about *characterology* when the languages compared are selected on the basis of some non-typological features, e. g. on the basis of historical, geographical or some other unity.

4) Are general systems of *languages* or particular subsystems of certain *lingual phenomena* compared?

Correspondingly, *general system typology,* i. e., typology of linguistic systems, is opposed to *subsystem typology,* i. e., typological analysis of subsystems which are paradigmatically or syntagmatically restricted.

5) Is a language classified on the basis of its specific *features* or by means of correlating it directly with a certain language *type?*

According to the author, it is necessary to establish a set of typological features, on the basis of which concrete languages as well as language types can be defined. He also thinks it expedient to select features belonging to different aspects of comparison.

6) Is information about a language based on *verbal* or *quantitative* data?

Correspondingly, *qualitative* typology is opposed to *quantitative* typology. The author is in favour of basing structural linguistic typology on non-quantitative methods because *langue* (code) as the subject of structural linguistics does not possess a statistical structure. Yet the introduction of probabilities seems to be necessary so as to study *parole* (message) in relation to *langue.*

7) Is a given typological investigation based exclusively on *linguistic* data or on some *extralinguistic* analysis?

Proceeding from certain general premises of structural linguistic theory, we have to assume that structural linguistic typology is to follow linguistic evidence only, which nevertheless does not preclude various non-linguistic interpretations of its results.

The chapter ends in a dicsussion of requirements imperative for any typological investigation: explicit definitions of terms and assumptions used, maximum delimitation of classification criteria, definition of the *initial unit of analysis* serving as the primary point of correlation between different languages. Typologies which are based on different initial units of analysis — with adequate linguistic methods being observed—are complementary in relation to one another. On the grammatical level the initial unit of analysis may be represented by a morpheme, a word, a syntagm, etc. It is considered convenient, for a number of reasons, to select a *morpheme* as the initial unit of analysis on this level.

A typological investigation, as was mentioned above, requires a preliminary intralingual study of each language under investigation in uniform terms. Such a study precedes an interlingual typological study. It is expedient to carry out a preliminary intralingual study on a more concrete (detailed) level of

description. Conversely, a typological comparison must be carried out on a sufficiently abstract level. Intralingual analysis on a more detailed level yields some structurally essential units. After that, on a more general level, relevant units from different languages are identified through respective typological methods.

Chapter IV, "Typology and Étalon Language", introduces the notion of *étalon language* (in Russian: язык-эталон) as a tool for typological comparison. The étalon language is generally understood as an abstract linguistic model which is used as a standard in typological comparison (on a given level). It is suggested that languages should be distinguished according to the degree of their proximity to an adopted étalon language. The degree of proximity can be formally established in terms of transformational rules by means of which the structure of a given language is converted to the structure of an étalon language.

It is demonstrated in this chapter that various cases of implicit and explicit use of a certain étalon language in linguistics are by no means rare. *

On determining an étalon language (on a given level) and rules of transformation from an étalon language to languages under examination it is possible to obtain a consistent and uniform description of these languages. An étalon language can thus be considered a *metalanguage* in relation to the described languages. With respect to a definite linguistic level, e. g. the grammatical level, one can say that the characteristics of a certain language type (say, agglutinative) appear as the characteristics of metalanguage in relation to some other type of language (e. g. inflected) on condition that each language of the latter type is described through a corresponding language of the former type, either natural or artificial.

One must distinguish between minimum and maximum types of étalon languages. An étalon language of minimum type can be defined as a Boolean product of all languages examined in a certain aspect; i. e., it can be defined as a model which is invariant for these languages. An étalon language of maximum type can be defined as a Boolean sum of all specific features

---

* One may actually say that the implicit use of an étalon language occurs in quite a number of linguistic statements. In fact, an ordinary linguistic statement about the existence of a certain phenomenon in a language (e. g., a statement of the type "there is a category of tense in Latin") implies an indirect reference to another language or languages in which the same phenomenon is present. In other words, it is maintained that this language, as well as some other languages, possesses something in which they all differ from certain other languages. Thus most of the statements about the properties of a specific language, e. g., "there are such and such phenomena in this language", are based on typology and obviously refer to some étalon. An étalon may naturally change according to the contents of a statement.

in languages under examination. For a number of reasons an étalon language of minimum type should be considered basic for typological comparison.

In accordance with the above statements, structural linguistic typology can be set up by establishing an étalon language (metalanguage) and transformations from étalon language to concrete languages and back (on various levels). In the second part of the book a similar task for the grammatical level is undertaken.

Principal Part

TENTATIVE THEORY OF STRUCTURAL GRAMMAR TYPOLOGY

Chapter I, "Basic Notions", sets forth a system of terms and assumptions used for description of compared grammatical models. It is assumed, in particular, that one can recognize any sentence of a given language as *grammatical* or *non-grammatical;* * break up a sentence into minimum productive morphemes *(elements);* divide them into classes according to their interchangeability in a grammatical sentence; find *categories;* define *words* and distribute them into classes. It is also assumed that the rules of *equivalency* among the elements, or the combinations of elements in a language, are known. On the basis of such rules various operations can be carried out which do not destroy the grammaticalness of a sentence.

Each term used by the author gets its own definition. A small number of initial terms are defined according to their contents; the rest of the terms are defined formally (through initial definitions).

Chapter II, "Explication of Terms of Traditional Morphological Classification of Languages on the Basis of Assumed Notions", suggests a general (and preliminary) classification of languages on the basis of a certain classification of elements. Such an approach also admits of a more precise interpretation of the traditional Morphological Classification of languages. A preliminary classification obtained in this way is further used by the author to determine the structure of an étalon language. For this purpose, the following classification of grammatical elements is proposed.

The grammatical elements of any language can be divided into:

* The present work proceeds from two levels of grammaticalness. As proposed above, the more concrete level is used for a preliminary intralingual analysis which precedes a typological analysis. The more abstract level is used for an interlingual typological analysis.

Group *I: root elements.* Root elements cannot, in any language, be enumerated taxatively.

Group *II: auxiliary elements.* * Auxiliary elements can be enumerated taxatively in a language; it is assumed that they are actually listed for each language.

The auxiliary elements (elements *II*) can be further divided into:

II 1. Elements *II 1 (affixes)* modify a word without modifying any equivalent combination of words. Most of the Latin or Russian inflexions can serve as a typical example.

Thus, the expansion of a phrase through equivalent combinations can take place (at least in one instance) outside the complex modified by the elements of this group.

II 2. Elements *II 2 (particles)* modify a word as well as any equivalent combination of words. Latin or Russian prepositions can illustrate the point, as well as Turkish postpositions, most auxiliary elements of incorporating languages, etc.; yet French prepositions turn out to belong to Group *II 1.*

Thus, the expansion of a phrase through equivalent combinations takes place inside the complex modified by the elements of this group.

The two groups of auxiliary elements are mutually excluding. Elements *II 2* are marked among auxiliary elements. An auxiliary element is recognized as element *II 1* if it can be proved that it does not belong to Group *II 2.* Conversely, the recognition of an auxiliary element as element *II 2* calls for its verification with all equivalency rules adopted for the language. The chapter presents practical rules which provide for the identification of types of auxiliary elements in a language by setting certain transformations. **

Root elements (elements *I*) are classified in accordance with their combinableness with auxiliary elements.

Elements *I 1 (stems)* are combined with elements *II 1* and *II 2* (the combination of a stem with auxiliary elements forming a word).

Elements *I 2 (pure roots)* are not directly combined with auxiliary elements.

Auxiliary elements are also divided into *analytical* and *synthetical.* An analytical element does not express more than one grammatical category, whereas a synthetical element expresses several grammatical categories at a time. The interrelation

* One can distinguish *obligatory* and *facultative* auxiliary elements. In the following analysis attention is focused on obligatory auxiliary elements, i. e., it is the minimum conditions of grammaticalness of a sentence that are principally considered.

** This classification of auxiliary elements is borne out by exemples from various languages (see appendices to the book).

between the two classifications of auxiliary elements is analyzed. It can be stated, in particular, that synthetical auxiliary elements are, as a rule, represented by elements *II 1* and not by elements *II 2*. This relation, which is not obligatory but typologically highly probable, is accounted for in the chapter.

At this stage it becomes possible to typologize languages according to the frequency of the occurrence of different elements. In this way we can arrive at a general classification of languages based on the above classification of elements. Besides, we can interpret the traditional types of the Morphological Classification of languages in terms proposed above.

The characteristic feature of *incorporating* languages is the predominant occurrence of elements *II 2, I 1* and *I 2,* while elements *II 1* are not typical of such languages.

The characteristic feature of *amorphous* languages is the predominant occurrence of elements *I 2* and the absence of elements *I 1*.

Inflective and *agglutinative* languages, while possessing mostly elements *II 1, II 2* and *I 1* (elements *I 2* are less typical of such languages), can be differentiated by the respective use of synthetical and analytical elements.

On this basis it becomes possible to account for some causes of the inadequate interpretation of certain languages in terms of the Morphological Classification.

The author goes on to discuss the combinatory possibilities of the coexistence of elements of different groups in a single language, as well as the definition of languages with possible combinations of different elements, i. e., the definition of *a priori* models. A special conclusion is made that a *fully amorphous* language (a language possessing no auxiliary elements whatsoever) is theoretically impossible. Proceeding from some of the most general assumptions about language, it is possible to show that each language must possess certain auxiliary elements indicating the order of reduction of components in a sentence. Without this, the sentences of a language could be interpreted in many contradictory ways, and the language itself would not be communicative. In an amorphous language such elements do not carry any additional information and possess a highly abstract meaning, being functionally similar to brackets in mathematical notation. Elements of this kind are specially defined and correspondingly called *bracket elements*.

In Chapter III, "Definition of Étalon Language for Typological Comparison of Linguistic Structures in Terms Obtained", the above definitions are used to describe the structure of the étalon language—the most rational one for typological comparison. The conclusion is made that the structure of the étalon language should be characterized as amorphous. This is illus-

trated by a number of transformations which can reduce the structure of every language, by means of certain intralingual operations, to an amorphous structure through the successive stages of agglutinative and incorporating structures.

In effect, we find that:

a) the structure of a language with analytical elements (an agglutinative language) is to be regarded as the structure of a metalanguage in relation to a corresponding language with synthetical elements (an inflected language);

b) the structure of a language with elements *II 2* (an incorporating language) is to be regarded as the structure of a metalanguage in relation to a corresponding language with elements *II 1* (an agglutinative or an inflected language);

c) the structure of an amorphous language is to be regarded as the structure of a metalanguage in relation to a corresponding language of any type (incorporating, agglutinative or inflected).

These statements are based on the grounds that in the light of their mutual transformations the former structures are prior to the latter ones. In fact, all of these transformations, i. e., the successive reductions of a language structure to an amorphous structure, are reversible: the original structure can be reconstructed by means of reverse transformations. However, it should be mentioned that the transformations of a language structure into an amorphous structure can be described by means of a finite set of general and rather simple rules (uniform for all languages), and, accordingly, these transformations can be defined on a very general level of description. On the contrary, the reverse transformations are characterized by much more complex and detailed rules which are different for each language, i. e., reverse transformations require a very specific and detailed level of description.

Thus the structures of different languages can be presented according to the degrees of their proximity to the structure of an amorphous étalon language. One can say that the structures of different languages can be classified according to the degree of their *complexity* (an amorphous structure being regarded as the *simplest*). The degree of proximity is formally determined by the number of transformations from the structure of a given language to the structure of the étalon language (the amorphous structure). Possible types of transformations are described. When defining the degree of complexity of a structure it is necessary to take into account both the number of different transformational steps and the number of monotype transformations within each step. Then, in general outline, the structure of any language can be characterized with the help of the following scheme: an amorphous structure+introduction of obligatory

auxiliary elements (not "bracket elements") + expansion of obligatory auxiliary elements (through rules of government and agreement) + synthetism of elements. The types of the Morphological Classification of languages are in this way distributed according to their complexity, in the following order: amorphous, incorporating, agglutinative, inflective languages.

The approach suggested provides for describing different linguistic phenomena consecutively, from simple to more complex. In particular, on this basis one can typologically define a structural construction in a language and also achieve a general characterization of the language itself. Both tasks would practically amount to the same if each language consisted of typologically homogeneous constructions. This is an ideal case but practically this does not hold true of most languages. Consequently a more detailed typological characterization presupposes the introduction of an additional basis of comparison. It seems reasonable to use comparison of equivalency rules in various languages as an additional basis of typological characterization since it is generally assumed that a language is represented as a certain sentence (or several sentences) + equivalency rules allowing to transform this sentence into all other sentences of the language. It can be also shown that different systems of equivalency rules in a certain language determine the existence of different word classes in this language. Hence the presence of certain word classes in a language can serve as a typological characteristic of equivalency rules in this language. The comparison of word classes in different languages can thus serve as an additional basis of detailed typological classification.

Chapter IV, "Special (Supplementary) Étalon Language for Comparison of Word Classes in Various Languages", is devoted to comparison and typological characterization of word classes in different languages. This requires a preliminary determination (on the intralingual level) of the basis on which word classes are established in a language. After this, we can go over to an analysis of the methods of comparison and identification of word classes in different languages (on the interlingual level).

A typological comparison of word classes requires a certain invariant basis, i. e., it is necessary to attach certain invariant values to word classes so as to compare word classes according to their values. This is exactly what linguists do when they designate word classes of structurally different languages by the same terms (e. g. nouns, verbs, adjectives, etc.) Such a comparison can be based on the semantic values of word classes or on their morphological structure, or, finally, on their functions. It appears reasonable to distinguish between word classes in a language on the basis of differences in morphologi-

cal structure; then one can determine the functional value of a word class on the basis of its combinableness with the other word classes of the same language. The combinableness of word classes is used to determine the relations of word classes in a separate language. After this, word classes of different languages can be compared and identified on the basis of adequate relations (which mean an adequate function of a word class in respective languages). The combinableness of a word class in a language can be described by indicating the equivalency rules pertaining to this word class (namely, rules like $ZY \leftrightarrow Y$ where Z and Y represent some word classes including the word class under description). Thus the value of a certain word class is determined by a list of equivalency rules which demonstrate its combinableness with other word classes (a list which forms a finite set consisting of the equivalency rules of a certain type). The relations of the values of word classes in a language can be accordingly described by means of elementary set-theory procedures. In this way we can establish the system of word classes in a language, as well as the system of its equivalency rules.

The next step is to compare the systems of word classes in different languages, identify definite word classes and designate them with the same symbols (e. g. with the symbols *A, N, V, Adv* etc., which stand for adjective, noun, verb, adverb respectively). Further, word classes of the same designation which belong to different languages can be compared. This can be done by establishing an étalon language a comparison with which would allow to determine the values of word classes. Such an étalon language serves as a metalanguage which makes the basis for the typological description of word classes in different languages.

The process of the designation of word classes is described in the following part of the chapter. The designation of word classes is based on the comparison of equivalency rules in a certain language with some typologically predictable relations of word classes (e. g. $AN \leftrightarrow N$, $VN \leftrightarrow V$, $AdvV \leftrightarrow V$ etc.) It can be maintained that such typical relations take place in all languages which possess corresponding word classes. In this case certain classes can be designated as *A, N, V, Adv* if their combinations do not run counter to the above relations. Such relations, consecutively determined and taken as a whole, will make up a required metalanguage sufficient for the definition of any word class value. (Such a metalanguage also makes up an étalon language for the typological description of word classes.) Thus, the determination of word classes values in a language is carried out by means of tentative hypotheses and their verification through the formulas of a metalanguage. The word classes of a language

under examination are arbitrarily designated as *Y, Z, W...* (*X* always designates the class of roots). After that the relations of equivalency in such classes (their combinableness) are described, i. e., the system of word classes in a given language is established. Furthermore, the variables *Y, Z, W...* are successively checked against the values *A, N, V, Adv...* until the equivalency rules of a certain language optimally match the formulas (equivalency rules) of a metalanguage. *

An étalon language (metalanguage) for the definition of the values of word classes in various languages should be thought of as a language which possesses all the equivalency rules that exist in any languages under examination. Such a language will necessarily possess all possible word classes. Judged as such, this language will be highly complex, i. e., it will stand extremely far from an amorphous language. (One can easily prove the statement that the degree of complexity depends on the increasing number of equivalency rules.) **

If we construct, or select from among the existing languages, a complex étalon language (a metalanguage) with the largest possible number of word classes and various equivalency rules, we can describe the values of word classes in different languages by comparing them with such an étalon language. In fact, in this case any other language will be obviously simpler than the adopted étalon language, due to the number of word classes: two or more word classes of the étalon language will equal one word class in a compared language, and consequently a certain word class of a language, less complex than the étalon language, will cover two or more word classes of the étalon language. A word class which covers the values of several word classes of the étalon language, or of any more complex language possessing a larger number of word classes, can be conceived of as the result of the neutralization of these classes in such a language. One can tentatively destroy formal differences between some classes of the étalon language (thus decreasing the number of word classes) with a view to investigating the changes in the equivalency rules. By changing the étalon language in such a way, i. e., by identifying two word classes and by substituting the values of one class in the equivalency rules of the other class, one can achieve a universal pattern corresponding to any language under examination.

The author illustrates this point by the following example.

---

* It should be noted that *X* is a free variable; it can take on any missing value which is sufficient for the designated word class to completely fit into a certain word class of the metalanguage. (The function of the root class can be compared with that of the joker in card playing.)

** It should be noted that the complex étalon language is a maximum type, and the simple étalon language is a minimum type (see above).

The system of Russian word classes is described on a sufficiently abstract level. By means of successive identifications this system is converted to simpler systems of word classes which correspond to various languages with a smaller number of word classes. (The final result of these identifications is evidently an amorphous language.) The values of word classes in these languages can be accordingly described and compared through the corresponding word classes in Russian. In this case the Russian language plays the role of a metalanguage (an étalon language) for a limited number of languages. The example demonstrates the possibility of constructing a universal étalon language for the typological identification of word classes in any language. It also demonstrates the possibility of various manipulations with the values of word classes in languages in order to get *a priori* systems which can be afterwards associated with actual languages. A typological determination of a system of word classes can be established both according to the number of transformation (identifications of word classes) from the complex étalon language to a language under examination and according to the number of transformations from a language under examination to the simple (amorphous) étalon language.

Chapter V, "Some Concluding Statements", contains some principal conclusions concerning the typological interpretation of a language on the basis of the suggested approach.

There can be several ways of deriving a more complex language from an amorphous étalon language. The latter is specifically characterized by the absence of obligatory auxiliary elements (except bracket elements) and the absence of differentiation of word classes. Both factors are essential to the typologization of a language and complementary to each other. It is therefore suggested that the typological definition of a language should be made through its comparison with the amorphous étalon language on two grounds:

a) the description of transformations necessary for converting the structure of a certain — sufficiently long — sentence of a given language to that of an amorphous language;

b) the description of transformations necessary for reducing the system of word classes of a given language to that of an amorphous language.

These two bases of comparison are considered to be the most essential since both syntagmatics and paradigmatics of language are taken into account. Some other criteria for a typological comparison are also suggested—criteria that can supplement a definition obtained.

In conclusion, the concepts of relative simplicity and complexity of linguistic models are discussed. The general meaning

of these concepts (which were used before as preliminary ones) is clarified. The investigation of these concepts makes it possible to show that simple (amorphous) étalon language is not an arbitrary but an optimum model providing for the most economical typological description of languages.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография включает как работы, непосредственно посвященные теме данной книги (эту часть библиографии мы старались сделать возможно более полной), так и различные работы по смежным вопросам, затронутым в предыдущем изложении. Таким образом, в библиографию включены все работы, цитированные в книге[1], причем собственно типологическая часть ее расширена. Отмеченные звездочкой (*) работы были нам недоступны (сведения о таких работах получены из косвенных источников).

В случае, если работа цитировалась не по оригиналу, мы приводим в библиографии отдельной рубрикой как перевод, так и оригинал работы (причем делаются соответствующие отсылки: «см. оригинал» и «см. перевод»[2]). В прочих случаях дополнительные библиографические сведения (как то: наличие переводов, переиздания и т. п.) даются в скобках к оригинальному названию[3]. При этом сначала мы приводим то издание, на которое делалась ссылка в тексте; дополнительные библиографические сведения приводятся в квадратных скобках.

Ссылки на рецензии даются в библиографии по именам рецензентов.

Александров П. С., *Введение в теорию групп,* изд. 2, М., 1951.

«Аналитические конструкции в языках разных типов» (тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР), Л., 1963.

Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М., *О точных методах исследования языка (О так называемой «математической лингвистике»),* М., 1961.

Балли Ш., *Общая лингвистика и вопросы французского языка* (перевод с франц.), М., 1955. [В оригинале см.: Bally Ch., *Linguistique générale et linguistique française.*]

Белокриницкая С. С., Быкова Л. Н., Ефимов М. Б., Жеребин В. М., Иванов В. В., Николаева Т. М., Тарасова Г. А., *О зависимости строения правил автоматического анализа от типа языка,* — «Питання прикладної лінгвістики (Тези доповідей міжвузівської наукової конференції)», Чернівці, 1960.

[1] В библиографию не включены литературные (не научные) источники, из которых мы брали языковой пример (выходные данные такого источника указывались в тексте при ссылке).

[2] Библиографические ссылки в самой библиографии, как и в тексте книги, приводятся без выходных данных (с указанием лишь автора и названия работы).

[3] Необходимо оговориться, однако, что мы никак не претендуем на полноту библиографических сведений.

Боас Ф., *Введение* [к] «Руководству по языкам американских индейцев» (перевод с англ.), — [в хрестоматии:] В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*, ч. II, М., 1960 [В оригинале см.: Boas F., *Introduction*].

Богораз В. Г., *Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь*, М.—Л., 1937.

Бодуэн де Куртенэ И. А., *Заметки на полях сочинения В. В. Радлова*, — [в кн.:] Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т. II, М., 1963 [немецкий вариант см.: Baudouin de Courtenay J., *Die Klassifikation der Sprachen*].

Бодуэн де Куртенэ И. А., *Некоторые общие замечания о языковедении и языке*, — [в кн.:] Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т. I, М., 1963.

Бодуэн де Куртенэ И. А., *О задачах языкознания*, — [в кн.:] Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т. I, М., 1963.

Бодуэн де Куртенэ И. А., *Подробная программа лекций в 1876—77 учебном году*, — [в кн.:] Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т. I, М., 1963.

Бодуэн де Куртенэ И. А., *Подробная программа лекций в 1877—78 учебном году*, — [в кн.:] Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т. I, М., 1963.

Бодуэн де Куртенэ И. А., *Языкознание*, — [в кн.:] Бодуэн де Куртенэ И. А., *Избранные труды по общему языкознанию*, т. II, М., 1963.

Бурлакова М. И., Николаева Т. М., Сегал Д. М., Топоров В. Н., *Структурная типология и славянское языкознание*, — «Структурно-типологические исследования», М., 1962 [сокращенный вариант см. под тем же названием в сборнике «Актуальные проблемы советского славяноведения», М., 1961].

Бурлакова М. И. — см. также Лекомцева М. И.

Вандриес Ж., *Язык. Лингвистическое введение в историю* (перевод с франц.), М., 1937 [в оригинале см.: Vendryes J., *Le langage. Introduction linguistique à l'histoire*].

Виноградов В. В., *О формах слова*, — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. III, 1944, вып. I.

Волоцкая З. М., Молошная Т. Н., *О некоторых понятиях морфологии*, — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

Волоцкая З. М., Молошная Т. Н., Николаева Т. М., Ревзин И. И., Цивьян Т. В., *Об одном походе к типологии славянских языков (на материале системы склонения существительного)*, — «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов», М., 1963.

Генко А. Н., *Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта*, М., 1955.

Глисон Г., *Введение в дескриптивную лингвистику* (перевод с англ.), М., 1959. [В оригинале см.: Gleason H. A., Jr. *An introduction to descriptive linguistics*].

Гринберг Дж., *Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных*, — ВЯ, 1964, № 4.

Гринберг Дж. — см. также Greenberg J. H.

Гринкова Н. П., *Некоторые случаи повторения предлогов в кировских диалектах*, — «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948.

Гумбольдт В. фон, *О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода* (перевод с нем.), СПб., 1859. [В оригинале см.: Humboldt W. von, *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts*].

Гухман М. М., *Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования*, — ВЯ, 1957, № 5.

Дельбрюк Б., *Введение в изучение индоевропейских языков* (перевод с нем.) [в хрестоматии:] В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и*

XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1960. [В оригинале см.: Delbrück B., *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen*].

Добрушин Р. Л., *Математические методы в лингвистике,* — «Математическое просвещение», вып. 6, М., 1961 [первоначальный вариант см. в «Бюллетене объединения по проблемам машинного перевода», № 5, М., 1957, под заглавием «Элементарная грамматическая категория»].

Долгопольский А. Б., *Сохраняемость лексики, универсалии и ареальная типология,* — «Совещание по типологии восточных языков» (тезисы докладов), М., 1963.

Елизаренкова Т. Я., *К типологии фонологических систем некоторых новоиндийских языков,* — «XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1963 [англ. перевод: Elizarenkova T., *Concerning the phonological typology of some new indo-aryan languages,* Moscow, 1963].

Ельмслев Л., *Метод структурного анализа в лингвистике,* — [в хрестоматии:] В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях,* ч. II, М., 1960 [перепечатано из: AL, vol. VI, 1950—1951, fasc. 2—3 (фамилия автора транслитерирована здесь: Л. Иельмслев). Англ. вариант: Hjelmslev L., *Structural analysis of languages,* — «Studia linguistica», I, Lund — Copenhague, 1947].

Ельмслев Л. — см. также Hjelmslev L.

Жирков Л. И., *Всегда ли случайно типологическое сходство языков?,* — ВЯ, 1959, № 1.

Жирков Л. И., *К вопросу о слове-предложении в полисинтетических языках,* — «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948.

Жирков Л. И., *Ко всем ли языкам применим латинский алфавит? Опыт слоговых алфавитов Сев. Америки,* — «Культура и письменность Востока», кн. VII—VIII, М., 1931.

Жирков Л. И., *К реформе алфавитов восточных народностей (Опыт графического анализа алфавитов),* — «В борьбе за новый тюркский алфавит», М., 1926.

Жирков Л. И., *Лингвистический словарь,* М., 1946.

Жукова А. Н., *Два основных способа связи определения с определяемым в корякском языке,* — «Ученые записки» Ленинградского Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 101 (Ф-т народов Севера), Л., 1954.

Зализняк А. А., *О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией,* — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962.

Зализняк А. А., *Синхронное описание и внутренняя реконструкция,* — «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков» (тезисы докладов на научной сессии), М., 1964.

Зализняк А. А., *«Условное ударение» в русском словоизменении,* — ВЯ, 1964, № 1.

Звегинцев В. А., *Дескриптивная лингвистика* (предисловие к кн.: Г. Глисон, *Введение в дескриптивную лингвистику),* М., 1959.

Звегинцев В. А., *Современные направления в типологическом изучении языков,* — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963.

Иванов В. В., *И. А. Бодуэн де Куртенэ и типология славянских языков,* — «И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти)», М., 1960.

Иванов В. В., *Вероятностное определение лингвистического времени (в связи с проблемой применения статистических методов в сравнительно-историческом языкознании),* — «Вопросы статистики речи» (материалы совещания), Л., 1958.

Иванов В. В., *Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова,* — ВЯ, 1957, № 3.

Иванов В. В., *Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины,* — «Материалы по машинному переводу», сб. 1, Л., 1958.

Иванов В. В., *Машинный перевод и установление соответствий между*

языковыми системами, — «Машинный перевод». Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР, вып. 2, М., 1961.

Иванов В. В., *Некоторые вопросы машинного перевода в СССР,* — «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», М., 1961.

Иванов В. В., *Некоторые проблемы современной лингвистики,* — «Народы Азии и Африки», 1963, № 4.

Иванов В. В., *n-мерное пространство языка,* — «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, М., 1957.

Иванов В. В., *Об агглютинации в индоевропейском основообразовании и формообразовании,* — «Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков» (тезисы докладов), Л., 1961.

Иванов В. В., *Об исследовании древнеармянской фонологической системы в ее отношении к индоевропейской,* — ВЯ, 1962, № 1.

Иванов В. В., *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (структурно-типологический очерк)* (в печати).

Иванов В. В., *Понятие нейтрализации в морфологии и лексике,* — «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, М., 1957.

Иванов В. В., *Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии,* — «Вестник МГУ», Историко-филологическая серия, 1957, № 2.

Иванов В. В., *Теория отношений между языковыми системами и основания сравнительно-исторического языкознания,* — «Тезисы совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 года», Л., 1959.

Иванов В. В., *Типология и сравнительно-историческое языкознание,* — ВЯ, 1958, № 5.

Иванов В. В., *Языкознание и математика,* — «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», М., 1957, № 5.

Иванов В. В., Лекомцев Ю. К., *Проблемы структурной типологии,* — «Совещание по типологии восточных языков» (тезисы докладов), М., 1963.

Иванов В. В., Топоров В. Н., *К реконструкции праславянского текста,* — «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (доклады советской делегации)», М., 1963.

Иельмслев Л. — см. Ельмслев Л.

Иохельсон В. И., *Унанганский (алеутский) язык,* — «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934.

Исаченко А. В., *К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков,* — «Slavia», XXVII, 1958, № 3.

Исаченко А. [В.], *Опыт типологического анализа славянских языков* (перевод с нем.), — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963. [В оригинале см.: Isatschenko A. V., *Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen*].

Исаченко А. В. — см. также Issatchenko A.

«Исследования по структурной типологии» [сб. статей], М., 1963.

Калужнин Л. А., Скороходько Э. Ф., *Некоторые замечания о лексической семантике,* — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

Кацнельсон С. Д., *К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы,* — ВЯ, 1958, № 3.

Кацнельсон С. Д., *О грамматической категории,* — «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 2.

Климов Г. А., *К типологической характеристике картвельских языков (в сопоставлении с другими иберийско-кавказскими языками),* — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.

Климов Г. А., *Этимологический словарь картвельских языков,* М., 1964.

Клычков Г. С., *Вопросы типологии в курсе сравнительной грамматики индоевропейских языков,* М., 1963 (ротапринтное издание 1-го МГПИИЯ).

Клычков Г. С., *Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка,* — ВЯ, 1963, № 5.

Кнорозов Ю. В., *Письменность индейцев майя,* М.—Л., 1963.
Колоколов В. С., *Краткий китайско-русский словарь,* М., 1935.
«Конфереиция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии, 20—23 мая 1963 г.» (Тезисы докладов), М., 1963.
Корсаков Г. М., *Инкорпорирование в палеоазиатских и северо-американских индейских языках. (Общая характеристика по материалам гиляцкого, чукотского, корякского языков и языка дакота),* — «Советский Север», Сборник статей по вопросам экономики, истории, этнографии, языка и культуры народов советского Севера, 4, Л., 1939.
Крамский И., *К проблеме артикля,* — ВЯ, 1963, № 4.
Крамский И. — см. также Krámský J.
Крейнович Е. А., *Об инкорпорировании в нивхском языке,* — ВЯ, 1958, № 6.
Крейнович Е. А., *Фонетика нивхского (гиляцкого) языка* [с приложением статьи: Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, *Экспериментальное исследование фонем нивхского языка*], М.—Л., 1937.
Кузнецов П. С., *Морфологическая классификация языков* (материалы к курсам языкознания), М., 1954 [нем. перевод: Kuznetcov P. S., *Die Morphologische Klassifikation der Sprachen,* Halle a. S., 1956].
Кузнецов П. С., *О принципах изучения грамматики* (материалы к курсам языкознания), М., 1961.
Кулагина О. С., *Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств,* — «Проблемы кибернетики», вып. 1. М., 1958. [Первоначальный вариант см. в «Бюллетене объединения по проблемам машинного перевода», № 3, М., 1957, под заглавием «Об одном способе определения лингвистических понятий»].
Леков И., *Насоки в развоя на фонологичните системи на славянските езици,* София, 1960.
Леков И., *Отклонения от флективного строя в славянских языках,* — ВЯ, 1956, № 2.
Леков Ив., *Типология на фонемните съчетания у Н. С. Трубецкой — предпоставка на съвремените представи за езика като естествен код,* — «Език и литература», 1963, № 5.
Лекомцев Ю. К., *К типологии различения грамматических классов,* — «Народы Азии и Африки», 1963, № 6.
Лекомцева М. И., *Типология фонологических систем,* — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.
Лекомцева М. И., Сегал Д. М., Судник Т. М., Шур С. М., *О фонологических проблемах типологии,* — «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам типологии, 20—23 мая 1963 г.» (тезисы докладов), М., 1963.
Лекомцева М. И., Сегал Д. М., Судник Т. М., Шур С. М., *Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков,* — «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (доклады советской делегации)», М., 1963.
Лекомцева М. И. — см. также Бурлакова М. И.
Макаев Э. А., *Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика,* — ВЯ, 1964, № 1.
Марков А. А., *Теория алгорифмов,* — «Труды Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР», XLII, М.—Л., 1954.
Мартине А., *Основы общей лингвистики* (перевод с франц.), — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963. [В оригинале см.: Martinet A., *Éléments de linguistique générale*].
Мартине А., *Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии)* (перевод с франц.), М., 1960. [В оригинале см.: Martinet A., *Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique*].
Мартынов В. В., *Общая теория аккомодации и типология языков,* —

«Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии, 20—23 мая 1963 г.» (тезисы докладов), М., 1963.

Маслов Ю. С., *Към типологията на глаголния вид,* — «Език и литература», 1963, № 1.

Мачавариани Г. И., *К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях,* — «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.)», М., 1964.

Мельников Г. П., *Морфологический строй языка и способы словоразграничения,* — «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии, 20—23 мая 1963 г.», М., 1963.

Мельников Г. П., *О некоторых типах словораэграничительных сигналов в языках тюркских и банту,* — «Народы Азии и Африки», 1962, № 6.

Мельчук И. А., *Автоматический анализ текстов (на материале русского языка),* — «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (доклады советской делегации)», М., 1963.

Мельчук И. А., *К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике,* — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 4, М., 1960.

Мельчук И. А., *Морфологический анализ при машинном переводе (преимущественно на материале русского языка),* — «Проблемы кибернетики», вып. 6, М., 1961.

Мельчук И. А., *Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов (общие принципы и некоторые итоги),* — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 7, М., 1962.

Мельчук И. А., *О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках,* — ВЯ, 1963, № 4.

Мельчук И. А., *О термине «внутренняя флексия» в связи с агглютинацией,* — «Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков» (тезисы докладов), Л., 1961.

Мельчук И. А., *Статистика и зависимость рода французских существительных от их окончания,* — «Вопросы статистики речи» (материалы совещания), Л., 1958 [первоначально опубликовано в «Бюллетене объединения по проблемам машинного перевода», № 7, М., 1958].

Меновщиков Г. А., *Эскимосско-алеутские языки,* — «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959.

Мещанинов И. И., *Агглютинация и инкорпорирование,* ВЯ, 1962, № 5.

Мещанинов И. И., *Глагол,* М.—Л., 1948.

Мещанинов И. И., *Новое учение о языке. Стадиальная типология,* Л., 1936.

Мещанинов И. И., *Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения,* Л., 1940.

Мещанинов И. И., *Различные виды классификации языкового материала,* — ВЯ, 1959, № 3.

Мещанинов И. И., *Структура предложения,* М.—Л., 1963.

Мещанинов И. И., *Типологические сопоставления и типология систем,* — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1958, № 3.

Мещанинов И. И., *Члены предложения и части речи,* М.—Л., 1945.

Мещанинов И. И., *Эргативный строй и его отношение к другим языковым структурам,* — «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948.

Милевский Т., *Предпосылки типологического языкознания,* — «Исследования по структурной типологии», М., 1963. [Польский вариант работы см. в BPTJ, 1962].

Милевский Т. — см. также Milewski T.

Молл Т. А., Инэнликэй П. И., *Чукотско-русский словарь,* Л., 1957.

«Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.

Москович В. А., *Типология семантического поля,* — «Проблемы формализации семантики языка» (тезисы докладов), М., 1964.

Пауль Г., *Принципы истории языка* (перевод с нем.), М., 1960. [В оригинале см.: Paul H., *Prinzipien der Sprachgeschichte*].
Петерсон М. Н., *Введение в языковедение*, изд. 2, М., 1929—1931.
Петерсон М. Н., *Очерк синтаксиса русского языка*, М.—Пг., 1923.
Петерсон М. Н., *Русский язык*, М.—Л., 1925.
Петерсон М. Н., *Современный русский язык*, М., 1929.
Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 5, М., 1935, [изд. 7, М., 1956].
Плетнер О. В., Поливанов Е. Д., *Грамматика японского разговорного языка*, — «Труды Московского института востоковедения им. Нариманова», вып. XIV, 1930.
Поливанов Е. Д., *Введение в языкознание для востоковедных вузов*, Л., 1928.
Поливанов Е. Д., *Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. Труды Хорезмской экспедиции*, Ташкент, 1933.
Поливанов Е. Д., *Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам*, ч. I, Ташкент—Самарканд, 1935.
Поливанов Е. Д., *Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком*, Ташкент, 1933.
Поливанов Е. Д., *Словарь лингвистических терминов*. [Публикация избранных статей В. П. Григорьевым], — ВЯ, 1960, № 4.
Поливанов Е. Д., *Факторы фонетической эволюции языка*, — «Ученые записки Ин-та языка и литературы РАНИОН», т. III, М., 1928.
«Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков» (тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР), Л., 1961.
«Проблемы сравнительной филологии». (Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского), М.—Л., 1964.
Рамстедт Г., *Грамматика корейского языка* (перевод с англ.), М., 1951. [В оригинале см.: Ramstedt G. J., *A Korean grammar*].
Рассел Б., *История западной философии* (сокращ. перевод с англ.), М., 1959. [В оригинале см.: Russel B., *History of Western philosophy and its connection with political and social circumstances from the earliest times to the present day*].
Рашевский П. К., *Геометрия и ее аксиоматика*, — «Математическое просвещение», вып. V, 1960.
Ревзин И. И., *К типологии форм степеней сравнения в славянских языках*, — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.
Ревзин И. И., *Модели языка*, М., 1962.
Ревзин И. И., *Некоторые формальные особенности парадигмы глагола (к проблеме внутренней типологии)*, — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.
Ревзин И. И., *О логической форме лингвистических определений (на примере определения морфемы)*, — «Применение логики в науке и технике», М., 1961.
Ревзин И. И., *О понятии «множества отмеченных фраз» в теоретико-множественной концепции О. С. Кулагиной*, — «Тезисы совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 г.», Л., 1959.
Ревзин И. И., *О понятиях однородного языка и языка с полной трансформацией (ЯПТ) и возможности их применения для структурной типологии*, — «Структурно-типологические исследования», М., 1962.
Ревзин И. И., *О типологических работах П. Менцерата и В. Мейер-Эпплера*, — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.
Ревзин И. И., [рец. на кн.:] Vladimír Skalička, *Vývoj jazyka*, — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.
Ревзин И. И., *Совещание в г. Горьком, посвященное применению математических методов к изучению языка художественной литературы*, — «Структурно-типологические исследования», М., 1962.
Реформатский А. А., *Введение в языкознание*, М., 1955.

Сгалл П., Новак П., *Пражская типология и модели языка,* — «Тезисы совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 г.», Л., 1959.

Сепир Э., *Язык. Введение в изучение речи* (перевод с англ.), М.—Л., 1934. [В оригинале см.: Sapir E., *Language. An introduction to the study of speech*].

Скаличка В., *Типология и тождественность языков,* — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

Скаличка В. — см. также Skalička V

Скорик П. Я., *Грамматика чукотского языка, ч. I. (Фонетика и морфология именных частей речи),* М.—Л., 1961.

Скорик П. Я., *Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений,* — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VI, 1947, вып. 6.

Скорик П. Я., *Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация,* Л., 1948.

Смирницкий А. И., *Аналитические формы,* — ВЯ, 1956, № 2.

Смирницкий А. И., *Синтаксис английского языка,* М., 1957.

«Совещание по типологии восточных языков» (тезисы докладов), М., 1963.

Старинин В. П., *Структура семитского слова. Прерывистые морфемы,* М., 1963.

«Структурно-типологические исследования» (сб. статей), М., 1962.

Судник Т. М., Шур С. М., *Диалектология и структурная типология,* — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

Суник О. П., *Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Поссессивный строй предложения,* Л., 1947.

Супрун А. Е., *Семантические универсалии и семантические множители,* — «Проблемы формализации семантики языка» (тезисы докладов), М., 1964.

Сухотин Б. В., *Алгоритмы лингвистической дешифровки,* — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.

Сухотин Б. В., *Общая задача дешифровки. Алгоритм установления связи слов в предложении,* — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962.

Сухотин Б. В., *Экспериментальное выделение классов букв с помощью электронной вычислительной машины,* — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.

Теселкин А. С., *Древнеяванский язык (кави),* М., 1963.

Теселкин А. С., *Яванский язык,* М., 1961.

Толстой Н. И., *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава,* — ВЯ, 1963, № 1.

Топоров В. Н., *Введение вероятности в языкознание и его последствия,* — «Тезисы совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 г.», Л., 1959.

Топоров В. Н., *Исследование по географической типологии кельтского глагола:* H. Wagner, *Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln,* — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

Топоров В. Н., *О введении вероятности в языкознание,* — ВЯ, 1959, № 6.

Топоров В. Н., *О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях,* — «Вопросы структуры языка», М., 1964.

Топоров В. Н., [рец. на кн.:] Иван Леков, *Насоки в развоя на фонологичните системи на славянските езици,* — «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

Топоров В. Н., [рец. на работу:] L. Hjelmslev, *Sur l'indépendance de l'épithète,* — «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

Топоров В. Н., [рец. на кн.:] Z. Stieber, *Rozwój fonologiczny języka polskiego;* С. К. Шаумян, *История системы дифференциальных элемен-*

тов в польском языке, — «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

Трубецкой Н. С., *Мысли об индоевропейской проблеме,* — ВЯ, 1958, № 1 [немецк. вариант: Trubetzkoy N. S., *Gedanken über das Indogermanenproblem,* — AL, vol. I, 1939, fasc. 2].

Трубецкой Н. С., *Основы фонологиии* (перевод с нем.), М., 1960. [В оригинале см.: Trubetzkoy N. S., *Grundzüge der Phonologie*].

Уивер У., *Перевод* (перевод с англ.), — «Машинный перевод», М.,1957 [В оригинале см.: Weaver W., *Translation*].

Уорф Б. Л., *Лингвистика и логика* (перевод с англ.), — «Новое в лингвистике», I, М., 1960. [В оригинале см.: Whorf B. L., *Linguistics and logic*].

Успенский Б. А., *Замечания по типологии кетского языка,* — «Вопросы структуры языка», М., 1964.

Успенский Б. А., *Лингвистическая жизнь Копенгагена,* — ВЯ, 1962, № 3.

Успенский Б. А., *О сосуществовании грамматических структур в языке. (Расчленение языка на элементарные структуры и возможность типологической характеристики последних),* — «Совещание по типологии восточных языков» (тезисы докладов), М., 1963. [См. также полный текст в сб. «Лингвистическая типология и восточные языки» (в печати)].

Успенский Б. А., *Опыт трансформационного исследования синтаксической типологии,* — «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

Успенский Б. А., *Принципы структурной типологии,* М., 1962.

Успенский Б. А., [рец. на кн.:] H. Spang-Hanssen, *Probability and structural classification in language description,* — ВЯ, 1962, № 2.

Успенский Б. А., [рец. на кн.:] «Universals of language», — ВЯ, 1963, № 5.

Успенский Б. А., *Семиотика у Честертона,* — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962.

Успенский Б. А., *Типологическая классификация языков как основа языковых соответствий. (Структура языка-эталона при типологической классификации языков),* — ВЯ, 1961, № 6.

Успенский В. А., *К определению части речи в теоретико-множественной системе языка,* — «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, М., 1957.

Фитиалов С. Я., *О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике,* — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.

Фортунатов Ф. Ф., *Сравнительное языковедение,* [в кн.:] Ф. Ф. Фортунатов, *Избранные труды,* т. I, М., 1956. [Имеется также отдельное литографированное издание 1900 г.].

Фридрих И., *Дешифровка забытых письменностей и языков* (перевод с нем.), М., 1961 [в оригинале см.: Friedrich J., *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*].

Холодович А. А., *Вопросы типологического описания языков,* — «Совещание по типологии восточных языков» (тезисы докладов), М., 1963.

Холодович А. А., *Из истории типологии,* — «Совещание по типологии восточных языков» (тезисы докладов), М., 1963.

Хомский Н., *Синтаксические структуры* (перевод с англ.), — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962. [В оригинале см.: Chomsky N., *Syntactic structures*].

Цивьян Т. В., *Имя существительное в балканских языках (к структурно-типологической характеристике балканского языкового союза)* (в печати).

Черкасский М. А., *О типологии лингвистических объектов,* — «Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка» (материалы расширенного заседания лингвистического семинара), Алма-Ата, 1963.

Чёрч А., *Введение в математическую логику,* I (перевод с англ.), М., 1960 [в оригинале см.: Church A., *Introduction to mathematical logic,* vol. I].

Чикобава А. С., Шарадзенидзе Т. С., *Классификация языков*, — БСЭ, изд. II, т. 21.

Шарадзенидзе Т. С., *Классификации языков и их принципы*, Автореферат докт. дисс., Тбилиси, 1955.

Шаумян С. К., *Генерализация и постулирование конструктов в изучении структуры языка*, — «Тезисы совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 г.», Л., 1959.

Шаумян С. К., *О сущности структурной лингвистики*, — ВЯ, 1956, № 5.

Шаумян С. К., *Предисловие* [к сб.:] «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.

Шаумян, С. К., *Проблемы теоретической фонологии*, М., 1962.

Шаумян С. К., Соболева П. А., *Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке*, — «V Международный съезд славистов (доклады советской делегации)», М., 1963.

Шахматов А. А., *Исследование о двинских грамотах XV в.*, СПб., 1903.

Шеворошкин В. В., *Карийский вопрос*, — ВЯ, 1962, № 5.

Шеворошкин В. В., *К исследованию некоторых закономерностей строения звуковых цепей* (Автореф. канд. дисс.), М., 1964.

Шеворошкин В. В., *О начальном этапе дешифровки буквенных письменностей*, — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962.

Шеворошкин В. В., *О структуре звуковых цепей*, — «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.

Щерба Л. В., *О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов*, [в кн.:] Щерба Л. В., *Избранные работы по русскому языку*, М., 1957.

Щерба Л. В., *Очередные проблемы языковедения*, — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. IV, 1945, вып. 5 [перепечатано в кн.: Щерба Л. В., *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, т. 1, Л., 1958].

Юшманов Н. В., *Амхарский язык*, М., 1959 [первое изд. данной работы см.: Юшманов Н. В., *Строй амхарского языка*, Л., 1936].

Юшманов Н. В., *Строй арабского языка*, Л., 1938.

«Языки и письменность народов Севера», под ред. Я. П. Алькора, ч. I. «Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов», под ред. Г. Н. Прокофьева, М.—Л., 1934; ч. III. «Языки и письменность палеоазиатских народов», под ред. Е. А. Крейновича, М.—Л., 1937.

Якобсон Р. О., *К характеристике евразийского языкового союза*, Париж, 1931 [перепечатано в кн.: Jakobson Roman, *Selected writings*, vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962].

Якобсон Р. О., *Морфологические наблюдения над славянским склонением. (Состав русских падежных форм)*, — «American contributions to the Fourth International Congress of slavists. Moscow, September, 1958», 's-Gravenhage, 1958.

Якобсон Р. О., *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*, — «Сборники по теории поэтического языка», вып. V, Берлин—Москва, 1923.

Якобсон Р. и Халле М., *Фонология и ее отношение к фонетике* (перевод с англ.), — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962 [в оригинале см.: Jakobson R. and Halle M., *Phonology in relation to phonetics*].

Якобсон Р. — см. также Jakobson R.

Яковлев Н. [Ф.], *Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории)*, — «Культура и письменность Востока», кн. 1, М., 1928.

Яковлев Н. [Ф.], Ашхамаф Д. [А.], *Грамматика адыгейского литературного языка*, М.—Л., 1941.

Яхонтов С. Е., *О морфологической классификации языков*, — «Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков», Л., 1961.

Яхонтов С. Е., *Проект китайского алфавита*, — ВЯ, 1957, № 3.

Aginsky B. W. and E. G., *The importance of language universals,* — «Word», vol. 4, 1948, № 3.
Åkermalm Å., *Om verbet atombomba och liknande bildningar i nutida svensk dagspress,* — «Nysvenska studier». Uppsala, 1954.
Allen W. S., *On the linguistic study of languages.* An inaugural lecture, Cambridge (Great Britain), 1957.
Allen W. S., *Relationship in comparative linguistics,* — «Transactions of the Philological Society», Hertford, 1953.
Allen W. S., *Structure and system in the Abaza verbal complex,* — «Transactions of the Philological society», Hertford, 1956.
Avram A., *Sur la typologie phonologique quantitative,* — «Preprints of papers for the Ninth International Congress of linguists, Aug. 27—31, 1962», ed by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.
Bally Ch., *Linguistique générale et linguistique française,* 3-ème édition, Berne, 1950 [См. русский перевод: Балли Ш., *Общая лингвистика и вопросы французского языка* (ссылки делаем по русскому тексту)].
Bar-Hillel J., *Logical syntax and semantics,* — «Language», vol. 30, 1958, № 2 (part I).
Bar-Hillel J., *On recursive definitions in empirical sciences,* — «Reports of the 11th International Congress of Philosophers», vol. V, 1953.
Bar-Hillel J., *A quasi-arithmetical notation for syntactic description,* — «Language», vol. 29, 1953, № 1.
Baudouin de Courtenay J., *Die Klassifikation der Sprachen,* IF, Bd XXVI, Anzeiger, 1910 [См. также под тем же названием в: «Verhandlungen der 50. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Graz am 28 September bis 1. Oktober 1909», Leipzig, 1910].
Baudouin de Courtenay J. — см. также Бодуэн де Куртенэ И. А.
Bazell C. E., *Linguistic typology.* An inaugural lecture, London, 1958.
*Bazell C. E., *Le principe de compensation dans les systèmes morphologiques,* — «İstanbul üniversitesi edebiyat fakültesi yayinlarindan garp fil. dergi(si)», 1947.
Bazell C. E., *Syntactic relations and linguistic typology,* — «Cahiers Ferdinand de Saussure», VIII, 1949.
Belić A., *Constant features in language. The conditions of language-formation,* — «Archivum linguisticum», vol. 4, 1952, fasc. 1.
Benveniste E., *La classification des langues,* — «Conferences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», XI, Paris, 1954 [русский перевод: Бенвенист Э., *Классификация языков,* — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963].
Benveniste E., *La phrase nominale en indo-européen,* — BSLP, vol. XLVI, 1950, fasc. 1.
Benveniste E., *La phrase rélative, problème de syntaxe générale,* — BSLP, vol. LIV, 1958, fasc. 1.
Benveniste E., *Structure des rélations de personne dans le verbe,* — BSLP, vol. XLIII, 1947, fasc. 1.
Bloomfield L., *Language,* N. Y., 1933, [2d ed. — 1935].
Boas F., *Introduction* [to the] «Handbook of American Indian Languages», Washington, 1911 [см. русский перевод извлечений из данной работы: Боас Ф., *Введение* (ссылки делаем по русскому тексту)].
Bollinger D., *Intonation as a universal,* — «Preprints of papers for the IX International Congress of linguists. Aug. 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.
Borgstrøm K., *Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms,* — «Word», vol. 10, 1954, No. 2—3.
Borgstrøm K., *Thoughts about Indo-European vowel gradation,* — «Norsk Tidskrift for Sprogvidenskab», XV, Oslo, 1949.
Brøndal V., *Morfologi og Syntax. Nye Bidrag til Sprogets Theori,* København, 1932.
Brøndal V., *Ordklasserne. Partes Orationis. Studier over de sproglige*

Kategorier, København, 1932 [Traduction française: Brøndal V., *Les parties du discours (Partes orationis). Études sur les catégories linguistiques,* Copenhague, 1948].

Byrne J., *General principles of the structure of language,* London, 1885.

Cantineau J., *Les oppositions significatives,* — «Cahiers Ferdinand de Saussure», X, 1952.

Carnap R., *Introduction to semantics,* Cambridge (Mass.), 1946.

Carnap R., *Logische Syntax der Sprache,* — «Schriften zur wiss. Weltauffassung», VIII, Wien, 1934 [English translation: Carnap R., *Logical syntax of language,* London—New York, 1937].

Casagrande J. B., *Language universals in anthropological perspective,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Cherry E. C., Halle M., Jakobson R., *Towards the logical description of languages in their phonemic aspect,* — «Language», vol. 29, 1953, No. 1 [русский перевод: Черри Е., Халле М., Якобсон Р., *К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте,* — «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962].

Chmielewski J., *The typological evolution of Chinese language,* — RO, t. XV, 1939—1949.

Chmielewski J., *Uwagi o znaczeniu języków neindoeuropejskich dla nauki o języku,* I, — «Rozprawy komisji językowej [Łódźk. t-wa naukowego]», t. I, Łódź, 1954.

Chomsky N., *Some methodological remarks on generative grammar,* — «Word», vol. 27, 1961, № 2 [русский перевод: Хомский Н., *Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике,* — ВЯ, 1962, № 4].

Chomsky N., *Syntactic structures,* 's-Gravenhage, 1957 [см. русский перевод: Хомский Н., *Синтаксические структуры* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Church A., *Introduction to mathematical logic,* vol. I. Princeton, 1956 [см. русский перевод: Чёрч А., *Введение в математическую логику,* I (ссылки делаем по русскому тексту)].

Coseriu E., *Forma y sustancia en los sonidos del lenguaje,* Montevideo, 1954.

Cowgill W., *A search for universals in Indo-European diachronic morphology,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Critchley M., *The language of gesture,* London, 1939.

Delbrück B., *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen,* 6 Aufl., Leipzig, 1919 [см. русский перевод извлечений из данной книги: Дельбрюк Б., *Введение в изучение индоевропейских языков,* — в хрестоматии: В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях,* ч. I, М., 1960 (ссылки делаем по указанному русскому тексту). Есть также полный русский перевод 1-го издания (Воронеж, 1884—1888) и 3-го издания (СПб., 1904)].

Diderichsen P., *Elementær dansk Grammatik,* København, 1946.

Doke C. M., *Bantu languages, inflexional with a tendency towards agglutination,* — «African Studies», vol. 9, 1950, № 1 [русский перевод: Док К. М., *Языки банту, флективные с тенденцией к агглютинации,* — сб. «Африканское языкознание», М., 1963].

Entwistle W. J., *Aspects of language,* London, 1953.

Ferguson Ch. A., *Assumptions about nasals; a sample study in phonological universals,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Finck F. N., *Die Haupttypen des Sprachbaues,* Leipzig, 1909 [3 Aufl. — Leipzig, 1936].

Finck F. N., *Die Klassifikation der Sprachen,* Marburg, 1901.

Fischer-Jørgensen E., *On the definition of phoneme categories on a distributional basis,* — AL, vol. VII, 1952, fasc. 1—2.

Fodor I., *La typologie des langues slaves et le genre grammatical,* — «Славянска филология», т. III, Доклади, съобщения и статии по езикознание, София, 1963.
Frei H., *De la linguistique comme science de loi,* — «Lingua», vol. I, 1948, N. 1.
Frei H., *Interrogatif et Indéfini. Un problème de grammaire comparée et de linguistique générale,* Paris, 1940.
Frei H., *Systèmes de déictiques,* — AL, vol. IV, 1944, fasc. 3.
Friedrich J., *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen,* Berlin, 1954 [см. русский перевод: Фридрих И., *Дешифровка забытых письменностей и языков* (ссылки делаем по русскому тексту)].
Fries Ch., *The structure of English. An introduction to the construction of English sentences,* N.Y. 1952.
Garvin P., *On the relative tractability of morphological data,* — «Word», vol. 13, 1957, No. 1.
Ginneken J. van, *Ein neuer Versuch zur Typologie der älteren Sprachstrukturen,* — TCLP, VIII, 1939.
Ginneken J. van, *La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité,* — «Verhandelingen van de Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen», N. R., XL, Amsterdam, 1939.
Gleason H. A. Jr., *An introduction to descriptive linguistics,* N.Y., 1955 [см. русский перевод: Глисон Г., *Введение в дескриптивную лингвистику* (ссылки делаем по русскому тексту)].
Graff W. L., *Language and languages, an introduction to linguistics,* New York—London, 1932.
Grammont M., *La dissimilation consonantique dans les langues indoeuropéennes et dans les langues romanes,* Dijon, 1895.
Grammont M., *Traité de phonétique,* Paris, 1933.
Gray L. H., *Foundations of language.* N. Y., 1939 [2d ed. — 1950].
Greenberg J. H., *Essays in linguistics,* Chicago, 1957 [2d ed. — N.Y., 1958].
Greenberg J. H., *Is the vowel-consonant dichotomy universal,* — «Word», vol. 18, 1962, No. 1—2.
Greenberg J. H., *The logical analysis of kinship,* — «Philosophy of science», vol. 16, 1949, No. 1.
Greenberg J. H., *The nature and uses of linguistic typologies,* — IJAL, vol. 23, 1957, No. 2.
Greenberg J. H., *A quantitative approach to the morphological typology of language,* — IJAL, vol. 26, 1960, No. 3 [Reproduced from: «Method and perspective in anthropology», ed. by R. Spencer, Minneapolis, 1954 [русский перевод: Гринберг Дж., *Квантитативный подход к морфологической типологии языков,* — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963].
Greenberg J. H., *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.
Greenberg J. H., *Some universals of word order,* — «Preprints of papers for the Ninth International Congress of linguists, Aug. 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1963.
Greenberg J. H., Osgood Ch., Jenkins J., *Memorandum concerning language universals,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.
Greenberg J. H. — см. также Гринберг Дж.
Groot A. W. de, *Classification of word-groups,* — «Lingua», vol VI, 1957, N. 2.
Groot A. W. de, *Structural linguistics and syntactic laws,* — «Word», vol. 5, 1949, No. 1.
Groot A. W. de, *Structural linguistics and word classes,* — «Lingua», vol. 1, 1948.
Halle M., *On the role of simplicity in linguistic descriptions,* — «Pro-

ceedings of Symposia in applied mathematics», vol. XII. «Structure of language and its mathematical aspects», ed. by R. Jakobson, Providence, 1961.
Halliday M. A. K., *Categories of the theory of grammar,* — «Word», vol. 17, 1961, No. 3.
Halliday M. A. K., *Some aspects of systematic description and comparison in grammatical analysis,* — «Studies in linguistic analysis. Special volume of the Philological Society», Oxford, 1957.
Hamp E. P., *The interconnection of sound production, perception and phonemic typology,* — «Proceedings of the 4th International Congress of phonetic sciences, Helsinki, 1961», 's-Gravenhage, 1962.
Harris Z. S., *Discontinuous morphemes,* — «Language», vol. 21, 1945, No 3.
Harris Z. S., *Methods in structural linguistics,* Chicago, 1951.
Hartmann P., *Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen,* — «II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 10—15 Oktober 1961», Innsbruck, 1962.
Hartmann P., *Zur Typologie des Indogermanischen,* Heidelberg, 1956.
*Haudricourt A. G., *La géographie des consonnes dans l'Océan pacifique,* — «Compte-rendu sommaire des scéances de la Société de biogéographie», t. 23, 1946, No. 202.
*Haudricourt A. G., *Méthode pour obtenir les lois concrètes en linguistique générale,* — BSLP, vol. XL, 1939.
Hill A., *Grammaticality,* — «Word», vol. 27, 1961, № 1, [русский перевод: Хилл А., *О грамматической отмеченности предложений,* — ВЯ, 1962, № 4].
*Hill A., *Incorporation as a type of language structure,* — «University Virginia studies», I, Charlottesville, 1941.
Hill A., *Indtroduction to linguistic structures,* N.Y., 1958.
Hjelmslev L., *Animé et inanimé, personnel et non-personnel,* — «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. I, Paris, 1956 [Reproduite en: Hjelmslev L., *Essais linguistiques,* — TCLC, XII, 1959].
Hjelmslev L., *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale, I* («Acta Jutlandica», vol. VII, 1935, № 1), *II* («Acta Jutlandica», vol. IX, 1937, № 2).
Hjelmslev L., *La comparaison en linguistique structurale,* — AL, vol. IV, 1944, fasc. 3.
Hjelmslev L., *Langue et parole,* — «Cahiers Ferdinand de Saussure», II, 1942 [русский перевод: Ельмслев Л., *Язык и речь* — в хрестоматии: В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях,* ч. II, М., 1960].
Hjelmslev L., *Omkring sprogteoriens grundlæggelse,* København, 1943 (Festskrift udgivet af Københavns Universitet), [English authorized translation: Hjelmslev L., *Prolegomena to a theory of language,* («Indiana university publications in anthropology and linguistics», VIII), Baltimore, 1953; русский перевод: Ельмслев Л., *Пролегомены к теории языка,* — «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960].
Hjelmslev L., *Principes de Grammaire générale.* («Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelser», XVI, 1), København, 1928.
Hjelmslev L., *Quelques réflexions sur le système phonique de l'indoeuropéen,* «Mélanges linguistiques offertes à M. Holger Pedersen» (= «Acta Jutlandica», IX, 1937, N 1).
Hjelmslev L., *Sur l'indépendance de l'épithète,* — «Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelser», XXXVI, 5.
Hjelmslev L., *Le verbe et la phrase nominale,* — [в кн.:] L. Hjelmslev, *Essais linguistiques* — TCLC, XII, 1959.
Hjelmslev L. — см. также Ельмслев Л.
Hjelmslev L. and Uldall H. J. — см. Uldall H. J.
Hockett Ch. F., *A course in modern linguistics,* N.Y., 1958.
Hockett Ch. F., *Logical considerations in the study of animal commu-

nication, — «Animal sounds and communication», ed. by W. E. Lannon and W. N. Tavolga, Publication No. 7 of the American Institute of Biological Sciences, Washington, 1960.

Hockett Ch. F., *The problem of universals in language,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Hoenigswald H. M., *Are there universals of linguistic change,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Holmer N., *Ibero-caucasian as a linguistic type,* — «Studia Linguistica», Lund-Copenhague, I, 1947.

Horálek K., *Sur les problèmes actuels de la typologie structurale des langues,* — «Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici par ses amis étrangeres à l'occasion de son soixantième anniversaire» («Cercetări de lingvistică», 1958, Supliment), Bucarest, 1958.

Householder F. W., *First thoughts of syntactic indices,* — IJAL, vol. 26, 1960, № 3.

Humboldt W. von, *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts,* — «W. von Humboldts Gesammelte Werke», Bd. 6, Berlin, 1848 [см. русский перевод: Гумбольдт В. фон, *О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода* (ссылки делаем по русскому тексту)].

*Hymes D. H., *On typology of cognitive styles in language,* — «Anthropological linguistics», vol. 3, 1961, № 1.

Hymes D. H., *Positional analysis of categories: a frame for reconstruction,* — «Word», vol. 11, 1955, № 1.

Isatschenko A. V., *Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen,* — «Linguistica Slovaca», I, 1939—1940 [см. русский перевод: Исаченко А. В., *Опыт типологического анализа славянских языков* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Issatchenko A., *Tense and auxiliary verbs with special reference to Slavic languages,* — «Language», vol. 16, 1940, № 3.

Issatchenko A. }
Isatschenko A. V. } — см. также Исаченко А. В.

Jakobson R., *Implications of language universals for linguistics,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Jakobson R., *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze,* — «Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar. Jan. 1940 — Dec. 1942» («Uppsala Universitets årsskrift», 1942, 9), Uppsala—Leipzig, 1942.

Jakobson R., *Langues paléosibériennes,* — «Les langues du monde», [2-ème éd.]. Paris, 1952.

Jakobson R., *Notes on Gilyak,* — «The Bulletin of the Institute of History and Philology (of the Academia Sinica)», vol. XXIX, 1958 («Studies presented to Yuen Ren Chao on his sixty-fifth birthday»).

Jakobson R., *Phonology and phonetics* [в кн.]: Jakobson R., *Selected writings,* vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962.

Jakobson R., *Retrospect* [в кн.]: Jakobson R., *Selected writings,* vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962.

Jakobson R., *Shifters, verbal categories and the Russian verb,* Harvard, 1957.

*Jakobson R., *The significant features of Indo-European,* — «American Association for the advancement of Romance philology», Bulletin No. 3, May 1944, 11.

Jakobson R., *Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues,* — «Actes du IV Congrès International de linguistes», Copenhague, 1938. [Reproduced in: Jakobson R., *Selected writings,* vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962].

Jakobson R., *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics,* — «Proccedings of the 8-th International Congress of

linguists», Oslo, 1958 [Reproduced in: Jakobson R., *Selected writings*, vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962. Русский перевод: Якобсон Р., *Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание*, — «Новое в лингвистике», М., 1963 (в русском издании не переведены «Заключительные замечания» Якобсона к докладу на съезде)].

Jakobson R., *Über die phonologischen Sprachbünde*, — TCLP, IV, 1931. [Reproduced in: Jakobson R., *Selected writings*, vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962].

Jakobson R., *Why «mama» and «papa»*, — «Perspectives in psychological theory», ed. by B. Kaplan and S. Wapner, N. Y., 1961.

Jakobson R., Fant C. G. M., Halle M., *Preliminaries to speech analysis: the distinctive features and their correlates*, — «Massachusetts Institute of Technology. Acoustics Laboratory, Technical report», No. 13, 3-nd pr., Cambridge (Mass.), 1955 [reproduced in: Jakobson R., *Selected writings*, vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962].

Jakobson R. and Halle M., *Fundamentals of language*, 's-Gravenhage, 1956 [Reproduced in: Jakobson R., *Selected writings*, vol. I (Phonological studies), 's-Gravenhage, 1962. Deutsche autorisierte Übersetzung: Jakobson R., und Halle M., *Grundlagen der Sprache*, Berlin, 1960 («Schriften zur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», Nr. 1)].

Jakobson R. and Halle M., *Phonology in relation to phonetics*, [в кн.:] «Manual of phonetics», ed. by L. Kaiser, Amsterdam, 1957 [см. русск. перевод: Якобсон Р. и Халле М., *Фонология и ее отношение к фонетике* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Jakobson R. — см. также Якобсон Р. О.

Jespersen O., *Language*, London, 1928.

*Juilland A., *Descriptive grammar and linguistic typology* [в печати].

Juilland A., *Outline of a general theory of structural relations*, 's-Gravenhage, 1961.

*Karlgren B., *Le Proto-Chinois, langue flexionnelle*, — «Journal Asiatique», ser. XV, 9, 1920, I.

Kluckhohn C., *Universal categories of culture*, — «Anthropology today», ed. by A. L. Kroeber, Chicago, 1953.

Kluckhohn C., *The use of typology in anthropological theory*, — «Men and cultures. Selected papers of the Vth International Congress of anthropological and ethnological sciences», ed. by A. F. C. Wallace, Philadelphia, 1960.

Knobloch J., *Die historisch-komparative Methode und die allgemein vergleichende Methode*, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd 9, 1956, Hft. 4.

Knobloch J., *La voyelle thématique -e-/-o, serait-elle un indice d'objet indo-européen?*, — «Lingua», vol. III, 1953, No. 4.

*Knobloch J., *Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs der o-Stämme auf -sjo*. — «Die Sprache», Bd II, 1951, Hft 3.

*Koch W. A., *Substitution and typology*, — «Orbis», 1964.

Kovalyv P., *The problem of the typology of the Slavonic languages*, — «The Slavonic and East-European Review», vol. XXXIII, 1954, No. 80.

Krámský J., *Fonologické využití samohláskových fonémat*, — «Linguistica Slovaca», IV—VI, 1946—1948.

Krámský J., *A quantitative typology of languages*, — «Language and Speech», II, 1959, No. 2.

Krámský J. — см. также Крамский И.

Kretschmer P., *Objektive Konjugation im Indogermanischen*, Wien, 1947.

Kretschmer P., *Der Ursprung des Fragetons und Fragesatzes*, — «Scritti in onore di A. Trombetti», Milano, 1936.

Kroeber A. L., *Noun incorporation in American languages*, — «XVI Internationaler Amerikanisten-Kongress», Wien, 1909.

Kroeber A. L., *On typological indices I: ranking of languages,* — IJAL, vol. 26, 1960, No. 3.

Kučera H., *Statistical determination of isotopy,* — «Preprints of papers for the Ninth International Congress of linguists. Aug. 27—31 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.

Kuryłowicz J., *L'apophonie en indo-européen,* Wrocław, 1956.

Kuryłowicz J., *Aspect et temps dans l'histoire du Persan,* — RO, t. XVI, 1950 (Kraków, 1953) [русский перевод: *Вид и время в истории персидского языка,* — [в кн.:] Е. Курилович, *Очерки по лингвистике,* М., 1962].

Kuryłowicz J., *Études indo-européennes, I,* Kraków, 1935.

Lambeck J., *The mathematics of sentence structure,* — «American Mathematical Monthly», 65, 1958, No. 3.

*Lazarfeld P. F., *Some remarks on the typological procedures in social research,* — «Zeitschrift für Sozialforschung», IX, 1937.

Lehman W., *Proto-Indo-European phonology,* Austin, 1952.

*Leroy M., *Les langues du monde et la typologie linguistique,* — «Mémoires et publications de la Société des Sciences, des Arts et des Lettres du Hainaut», 74 (1960).

Lettenbauer W., *Synthetische und analytische Flexion in den slavischen Sprachen,* — «Münchener Beiträge zur Slavenkunde. Festgabe für Paul Diels», München, 1953.

Levin S. R., *Poetry and grammaticalness,* — «Preprints of papers for the Ninth International Congress of linguists, Aug. 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.

Lewy E., *Apriorische Konstruktion der Sprachtypen,* IF, Bd LVI, 1938.

Lewy E., *Der Bau der europäischen Sprachen,* — «Proceedings of the Royal Irish Academy», XLVIII, section C, No. 2, Dublin, 1942.

Lewy E., *Betrachtung des Russischen,* — «Zeitschrift für slavische Philologie», 2, 1925.

Lewy E., *Kurze Betrachtung der ungarischen Sprache,* — «Ungarische Jahrbücher», IV, 1931.

Lewy E., *Zur urindogermanischen Flexion,* — IF, Bd LVI, 1938, Hft I.

Liede A., *Dichtung als Spiel. Studien zur Umsinnspoesie an den Grenzen der Sprache,* Bd 1—2, Berlin, 1963.

*Lohmann J., *Allgemein-grammatische Ordnungsgesetze,* — «Zeitschrift für Phonetik», III.

Lohmann J., *M. Heideggers ontologische Differenz und die Sprache,* — «Lexis», I, 1948.

Lohmann J., *Was ist und was will die Sprachwissenschaft,* — «Lexis», I, 1948.

Malkiel Y., *A tentative typology of etymological studies,* — IJAL, vol. 23, 1957, No. 1.

Malkiel Y., *A tentative typology of Romance historical grammars,* — «Lingua», vol. IX, 1960, No. 4.

Malkiel Y., *A typological classification of dictionaries on the basis of distinctive features,* — IJAL, vol. 28, 1962, No. 1.

Mańczak W., *Tendences générales du développement morphologique,* — «Lingua», vol. XII, 1963, No. 1.

Marcus S., *Langues complètement adéquates et langues réguliers,* — «Zeitschrift für Mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik», 1964, Nr. 1.

Marcus S., *Lingvistică matematică. Modele matematice în lingvistică,* Bucureşti, 1963.

Marcus S., *Typologie des langues et modèles logiques,* — «Acta mathematica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XIV, 1963, fasc. 3—4.

Martinet A., *Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique,* Berne, 1955 [см. русский перевод: Мартине А., *Принципы экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии)* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Martinet A., *Éléments de linguistique générale,* Paris, 1960 [см. русский перевод: Мартине А., *Основы общей лингвистики* (ссылки делаем по русскому тексту)].
Martinet A., *Les «laryngales» indo-européennes,* — «Proceedings of the 8th International Congress of linguists», Oslo, 1958.
Martinet A., *Linguistique structurale et grammaire comparée,* — «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. I, Paris, 1956.
Martinet A., *Phonology as functional phonetics,* London, 1950.
Marty A., *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie,* Halle a. S., 1908.
Mathesius V., *On linguistic characterology with illustrations from modern English,* — «Actes du 1er Congrès international de linguistes», Leiden, 1928.
Meillet A., *Linguistique historique et linguistique générale,* Paris, 1948.
Meinhof C., *Die Entstehung flektierender Sprachen. Eine Untersuchung,* Berlin, 1936.
Meinhof C., *Die Sprachen der Hamiten,* Hamburg, 1912.
Menzerath P., *Typology of languages,* — «The Journal of the Acoustical Society of America», vol. XXII, 1950, 6.
Menzerath P., Meyer-Eppler W., *Sprachtypologische Untersuchungen, I: Allgemeine Einführung und Theorie der Wortbildung,* — «Studia Linguistica», a. IV, 1950, N 1—2.
Merriggi P., *Sur la structure des langues grouppantes,* — «Psychologie du langage», Paris, 1933.
Milewski T., *Analyse typologique de la langue ojibwa,* — BPTJ, t. 20, 1960.
Milewski T., *Comparaison des systèmes phonologiques des langues caucasiènnes et américaines,* — «Lingua Posnaniensis», V, 1955.
Milewski T., *The conception of the word in the languages of North American natives,* — «Lingua Posnaniensis», III, 1951.
Milewski T., *Phonological typology of American languages,* — «Lingua Posnaniensis», IV, 1953.
Milewski T., *Podstawy teoretyczne typologii języków,* — BPTJ, t. 10, 1950.
Milewski T., *Le problème des lois en linguistique générale,* — «Lingua Posnaniensis», VI, 1957.
Milewski T., *La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amerique du Nord,* — «Lingua Posnaniensis», II, 1950.
Milewski T., *Typologia syntaktyczna języków amerykańskich,* — BPTJ, t. 12, 1953.
Milewski T., *Typology of American Indian languages,* — «Preprints of papers for the Ninth International Congress of linguists, Aug. 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.
Milewski T. — см. также Милевский Т.
Mistèli F., *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues,* Berlin, 1893.
Moore B. R., *A statistical morpho-syntactic typology study of Colorado (Chibcha),* — IJAL, vol. 27, 1961.
Müller Fr., *Grundriss der Sprachwissenschaft,* Wien, 1876—1888.
Murdock G. P., *Typology in the area of social organization,* — «Men and cultures. Selected papers of the Vth International Congress of anthropological and ethnological sciences», ed. by A. F. C. Wallace, Philadelphia, 1960.
Novák L'., *Základná jednotka gramatického systému a jazyková typologia,* — «Sborník Matice slovenskej», ročn. XIV, 1936, č. 1.
Oppert G., *On the classification of languages. A contribution to comparative philology,* Madras—London, 1879.
Osgood Ch. E., *Language universals and psycholinguistics,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.
Parker-Rhodes A. F., *Is there an interlingual element in syntax,* — «Pre-

prints of papers for the Ninth International Congress of linguists, August 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.

Parker-Rhodes A. F., *A new model of syntactic description*. National Physical laboratory, paper 34, Teddington, 1961.

Parker-Rhodes A. F., *Some recent work on thesauric and interlingual methods in machine translation,* — «An international conference for standards on a common language for machine searching and translation», Cleveland (Ohio), 1959.

Passy P., *Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux,* Paris, 1891.

Paul H., *Prinzipien der Sprachgeschichte,* 2 Aufl, Halle, 1886 [см. русский перевод: Пауль Г., *Принципы истории языка* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Pavlovič M., *Principe de corrélation et typologie linguistique,* — «Зборник за филологиjу и лингвистику», I, Нови Сад, 1957.

Petráček K., *Die innere Flexion in den semitischen Sprachen. Entstehung und Entwicklung des Systems, I—V,* — AOr, 28—32, 1960—1964.

Pierce J. C., *Possible electronic computations of typological indices for linguistic structures,* — IJAL, vol. 28, 1962, No. 4.

Pierce J. C., *A statistical study of consonants in New World languages,* — IJAL, vol. 23, 1957, No. 1, 2.

Pierce J. C., *Typological indices for written vs. spoken Turkish,* — IJAL, vol. 29, 1963, No. 1 (part I).

Pike K. L., *Language in relation to a unified theory of human behaviour,* I, Glendale, 1954.

Pike K. L., *A problem in morphology — syntax division,* — AL, vol. V, 1945—1949.

Pike K. L., *Taxemes and immediate constituents,* — «Language», vol. 19, 1943.

«Prisciani institutiones grammaticae», — «Grammatici latini», ed. Keil, II—III, Leipzig, 1855—59.

Ramstedt G. J., *A Korean grammar,* Helsinki, 1949 [см. русский перевод: Рамстедт Г., *Грамматика корейского языка* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Reinhold C. A., *Zur phonetischen Typologie der Sprachen,* — «Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences», Ghent, 1939.

Robins R. H., *Noun and verb in universal grammar,* — «Language», vol. 28, 1952, No. 3 (part I).

Russel B., *History of Western philosophy and its connection with political and social circumstances from the earliest times to the present day,* London, 1948 [см. сокращ. русский перевод: Рассел Б., *История западной философии* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Růžička R., *Zur syntaktischen Typologie moderner slawischer Literatursprachen,* — «Zeitschrift für Slawistik», Bd VIII, 1963, Hft 6 («Beiträge zum V. internationalen Slawistenkongress», Teil 5).

Salzmann Z., *A method for analyzing numerical systems,* — «Word», vol. 6, 1950, No. 1.

Sandfeld Kr., *Balkanfilologien. En oversigt over dens resultater of problemer,* København, 1926 [Traduction française: Sandfeld Kr., *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats,* Paris, 1930].

Sapir E., *Central and North American languages,* — «Encyclopaedia Britannica», ed. XIV, 1929, vol. V.

Sapir E., *Glottalized continuants in Navaho, Nootka and Kwakiutl (with a note on indo-european),* — «Language», vol. 14, 1938, No. 4.

Sapir E., *Language. An introduction to the study of speech,* N.Y., 1921 [см. русский перевод: Сепир Э., *Язык. Введение в изучение речи* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Sapir E., *The problem of noun incorporation in American languages,* — «American anthropologist», vol. 13 (new series), 1911. No. 2.

Sapir E., *Sound patterns in language* [в кн.:] — E. Sapir, *Selected writings*. Berkley and Los-Angeles, 1949 [reproduced from «Language», 1925].
Saporta S., *Methodological considerations regarding a statistical approach to typologies,* — IJAL, vol. 23, 1957, No. 2.
Saporta S., *Phoneme distribution and language universals,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.
Saussure F. de, *Cours de linguistique générale,* 15-ème éd., Paris, 1960 [русский перевод: Соссюр Ф. де, *Курс общей лингвистики,* М., 1933].
Sayce A. H., *Principles of comparative philology,* vol. II, London, 1879.
Schlegel A. W., *Observations sur la langue et la littérature provençale,* 1818.
Schlegel F., *Ueber die Sprache und Weisheit der Indier,* Heidelberg, 1808.
Schleicher A., *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen,* Weimar, 1861—1862 [4 Aufl. — 1876].
Schleicher A., *Zur Morphologie der Sprache,* — «Mémoires de l'académie des sciences de St. Petersbourg», série VII, t. I, n⁰. 7, SPb., 1859.
Schmidt W., *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde,* Heidelberg, 1926.
Schnorr von Carolsfeld H., *Transitivum und Intransitivum,* — IF, Bd LII, 1934, Hft I [русский перевод: Карольсфельд Г. Ш., *О переходных и непереходных глаголах,* — «Эргативная конструкция предложения», М., 1950].
*Seidel E., *Studien zur Sprachtypologie. Romäno-russische Kriterien,* — «Bulletin linguistique», XIII, 1945.
Shannon C. E., *The redundancy of English,* — «Cybernetics» (Transactions of the 7th Conference), N.Y., 1951.
Siertsma B., *A study of glossematics. Critical survey of its fundamental concepts,* The Hague, 1955.
Skalička V., *O fonémech základních a zvláštních* [в кн.]: V. Skalička, *Vývoj jazyka.* Soubor statí, Praha, 1960.
Skalička V., *O současném stavu typologie,* — «Slovo a slovensnost», ročn. XIX, 1958, č. 3.
Skalička V., *The structure of languages of the Ancient Orient,* — AOr, 18, 1949.
Skalička V., *Sur les langues polysynthétiques,* — AOr, 23, 1955, N 1.
Skalička V., *Sur le rôle de la flexion interne dans la langue,* — «Linguistica Slovaca», IV—VI, 1946—1948.
*Skalička V., *Sur la typologie de la langue chinoise parlée,* — AOr, 15, 1946, N 3—4.
Skalička V., *Typ češtiny,* Praha, 1950.
Skalička V., *Typologie a komparativistika,* — «Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii», Praha, 1963.
Skalička V., *Typologie a konfrontační lingvistika,* — «Československá rusistika», ročn. VII, 1962, č. 4.
Skalička V., *Typologie slovanských jazyků, zvláště ruštiny,* — «Československá rusistika», ročn. III, 1958, č. 2—3 [перепечатано в кн.: Skalička V., *Vývoj jazyka,* Praha, 1960].
Skalička V., *Über die Typologie der Bantusprachen,* — AOr, 15, 1946, N 1—2 [русск. перевод: Скаличка В., *О типологии языков банту,* — «Африканское языкознание», М., 1963].
Skalička V., *Vývoj české deklinace. Studie typologická,* — «Studie pražského lingvistického kroužku», IV, Praha, 1941.
Skalička V., *Z nové typologické literatury,* — «Slovo a slovesnost», ročn. XXI, 1960, č. 1.
Skalička V., *Zur ungarischen Grammatik,* Prag, 1935.
Skalička V. — см. также Скаличка В.
Sommerfelt A., *La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque,* Oslo, 1938.

Sommerfelt A., *Quelques réflexions sur l'origine des pronoms indo-européens*, «Revue des études indo-européenes», t. I, 1938, fasc. 2—4.
Spang-Hanssen H., *Probability and structural classification in language description*, Copenhagen, 1959.
*Spitzer L., *Sobre un nuevo método de tipologia lingüística*, — «Anales del Instituto de Lingüistíca», Mendoza, 1942.
Stan I., *Problems of linguistic typology*, — «Revue de linguistique», t. VIII, 1963, No 2 [румынский вариант см. в: «Cercetări de lingvistică», 1963, N 1].
Stankiewicz E., *Towards a phonemic typology of the Slavic languages*, — «American contributions to the Fouth International Congress of slavists. Moscow, september 1958», 's-Gravenhage, 1958.
Steinthal H., *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*, Berlin, 1860.
Steinthal H., *Die Klassifikation der Sprachen, dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee*, Berlin, 1850.
Tailleur O., *Un îlot basco-caucasien en Sibérie: les langues iénisséinnes*, — «Orbis», t. VII, 1958, nº 2.
Tauli V., *Morphological analysis and synthesis*, — AL, vol. V, 1945—1949, fasc. 2.
Tauli V., *The structural tendencies of languages (I — General tendencies)*, Helsinki, 1958 («Annales Academiae scientiarum fennicae»).
Tauli V., *Trend of the structural change of languages*, — «Orbis», t. XII, 1963, nº 1.
Tesnière L., *Synthétisme et analytisme*, — «Charisteria. Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli Linguistici Pragensis sodalibus oblata», Pragae, 1932.
Togeby K., *Structure immanente de la langue française*, — TCLC, VI, 1951.
Trager G. L., *The theory of accentual systems*, — «Language, culture and personality. Essays in memory of Edward Sapir», ed. by L. Spier, A. J. Hallowell, S. S. Newman, Menasha, 1941.
*Trager G. L., *The typology of paralanguage*, — «Anthropological Linguistics», vol. 3, 1961, part I.
Trnka B., *General laws of phonemic combinations*, — TCLP, VI, 1931 [см. также под тем же названием в: «Actes du IV Congrès International de linguistes», Copenhague, 1938].
Trnka B., *Méthode de comparaison analytique et grammaire comparée historique*, — TCLP, I, 1929.
Trubetzkoy N. S., *Grundzüge der Phonologie*, — TCLP, VII, 1938 [2 Aufl.: Göttingen, 1958. Traduction française: Troubetzkoy N. S., *Principes de phonologie*, Paris, 1949. См. русский перевод: Трубецкой Н. С., *Основы фонологии* (ссылки делаем по русскому тексту)].
Trubetzkoy N. S. (Troubetzkoy N. S.) — см. также Трубецкой Н. С.,
Tucker A. N., *Introduction to the natural history of language*, London, 1908.
Tucker N. A., *Problèmes de typologie dans la classification des langues Non-Bantou de l'Afrique du Nord-Est*, — «Journal de la Société des Africanistes», XXX, 1960.
Uhlenbeck C. C., *Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen*, — IF, Bd XII, 1901. [Русск. перевод: Уленбек X. К., *Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков*, «Эргативная конструкция предложения», М., 1950].
Uldall H. J., *Outline of glossematics. A study in the methodology of humanities with special reference to linguistics* (= Hjelmslev L., Uldall H. J., *Outline of glossematics...*, part 1), — TCLC, X_1, 1957 [русск. пер. первой части данной работы: Ульдалль X. И., *Основы глоссематики. Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике*, ч. 1: *Общая теория*, — «Новое в лингвистике», М., 1960, вып. 1].

Ullmann S., *Descriptive semantics and linguistic typology,* — «Word», vol. 9, 1953, № 3.

Ullmann S., *Semantic universals,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

«Universals of language», — Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, april 13—15, 1961, ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Vendryes J., *La comparaison en linguistique,* — BSLP, vol. XLI, 1946, fasc. 1, n⁰ 124.

Vendryes J., *Le langage. Introduction linguistique à l'histoire,* Paris, 1921 [см. русск. перевод: Вандриес Ж., *Язык. Лингвистическое введение в историю* (ссылки делаем по русскому тексту). Есть также английский и испанский переводы].

Vergote J., *Onderzoek naar de grondslagen van de algemene grammatica,* Brussel, 1951.

Voegelin C. F., *The Boas plan for the presentation of American Indian languages,* — «Proceedings of the American Philosophical Society», 96, 1952.

Voegelin C. F., *Methods for typologizing directly and by distinctive features (in reference to Uto-Aztecan and Kiowa Tanoan vowel systems),* — «Lingua», vol. XI, 1962.

Voegelin C. F., *On developing new typologies and revising old ones,* — «Southwestern Journal of Anthropology», 11, 1955.

Voegelin C. F., *Six statements for a phonemic inventory,* — IJAL, vol. 23, 1953, No. 2.

Voegelin C. F., *Subsystem typology in linguistics,* — «Men and cultures. Selected papers of the Vth International Congress of anthropological and ethnological sciences», ed. by, A. F. C. Wallace, Philadelphia, 1960.

Voegelin C. F., *Subsystems within systems in cultural and linguistic typology,* — «For Roman Jakobson», 's-Gravenhage, 1956.

Voegelin C. F., *Typology of density ranges II: contrastive and non-contrastive syntax,* — IJAL, vol. 27, 1961, No. 4.

Voegelin C. F., Ramanujan A. K., Voegelin F. M., *Typology of density ranges I: introduction,* — IJAL, vol. 26, 1960, No. 3.

*Voegelin C. F. and F. M. and Hale K. L., *Typological and comparative grammar of Uto-Aztecan: I (Phonology),* — «Indiana university publications in anthropology and linguistics», Baltimore, 1962.

Voegelin C. F. and F. M., Wurm S., O'Grady G., Matsuda T., *Obtaining an index of phonological differentiation from the construction of non-existent minimax system,* — IJAL, vol. 29, 1963, No. 1.

Voegelin C. F., Yegerlehner J., *The scope of whole system («distinctive feature») and subsystem typologies,* — «Word», vol. 12, 1956, No. 3.

Wagner H., *Die sprachgeographische Stellung des Germanischen und der germanischen Sprachen,* Utrecht, 1951.

Wagner H., *Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln. Ein Beitrag zur geographischen Typologie des Verbums,* Tübingen, 1959.

Watkins C., *Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure,* — «Preprints of papers for the Ninth International Congress of linguists, Aug. 27—31, 1962», ed. by M. Halle, Cambridge (Mass.), 1962.

Weaver W., *Translation,* — «Machine translation of languages», ed. by W. N. Locke and A. D. Booth, 1965 [см. русский перевод: Уивер У., *Перевод* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Weinreich U., *Languages in contact: findings and problems,* — «Publications of the Linguistic Circle of New York, 1», N.Y., 1953 [2d ed — The Hague, 1963].

Weinreich U., *On the semantic structure of language,* — «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963.

Wells R. S., *Archiving and language typology* — IJAL, vol. 20, 1954, No. 2.

Wells R. S. [рец. на сб.:] «Recherches structurales», — «Language», vol. 27, 1951 No. 4.

Wendt H. F., *Sprachen*, Frankfurt/M. — Hamburg, 1961 («Das Fischer Lexikon», 25).

Whorf B. L., *Linguistics and logic* — [в кн.:] Whorf B. L., *Language, thought and reality. Selected writings* [см. русский перевод: Уорф Б. Л., *Лингвистика и логика* (ссылки делаем по русскому тексту)].

Winkler H., *Das Uralaltaische und seine Gruppen*, Berlin, 1885.

Winkler H., *Die Zugehörigkeit der finnischen Sprachen zum uralaltaischen Sprachstamm*, — «Keleti Szemle», XII.

Wolff H., *Subsystem typologies and area linguistics*, — «Anthropological linguistics», vol. I, 1959, № 7.

Yegerlehner J., Voegelin C. F., *Frequencies and inventories of phonemes from nine languages*, — IJAL, vol. 23, 1953, No. 2.

Yngve V. H., *A model and an hypothesis for language structure*, — «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 104, 1960, No. 5.

Yngve V. H., *Sentence-for-sentence translation*, — «Mechanical Translation», vol. II, 1955, No. 1.

Zgusta L. [рец. на кн.:] C. E. Bazell, *Linguistic typology*, — AOr, 28, 1960, N 4.

Zgusta L. [рец. на кн.:] Б. А. Успенский, *Принципы структурной типологии*, — AOr, 31, 1963, № 3.

СОКРАЩЕНИЯ

англ. — английский
арабск. — арабский
вьетнамск. — вьетнамский
датск. — датский
нем. — немецкий
нивхск. — нивхский
русск. — русский
франц. — французский
чукотск. — чукотский
шведск. — шведский
эспер. — эсперанто

БСЭ — «Большая Советская Энциклопедия»
ВЯ — «Вопросы языкознания», Москва.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
AL — «Acta Linguistica», Copenhague.
AOr — «Archiv Orientální», Praha.
BPTJ — «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», Kraków.
BSLP — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», Paris.
IF — «Indogermanische Forschungen», Straßburg — Berlin — Leipzig.
IJAL — «International Journal of American Linguistics», Baltimore.
RO — «Rocznik Orientalistyczny». Kraków.
TCLC — «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», Copenhague.
TCLP — «Travaux du Cercle linguistique de Prague», Prague.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Абсолютная (полная) универсалия 12, 179
Абстрактная единица (единица в системе, единица-схема, sign-design) 36 (сн. 9), 52, 65, 67, 81, 83 (сн. 49), 85 (сн. 58, 59), 92 (сн. 82), 93, 108, 109, 234 (сн. 4)
Агглютинативный язык (тип) 47, 80, 96, 97, 111 (сн. 47), 118, 120—123, 127, 130, 131, 135, 136, 233
Адвербиальный корень 108
Алломорфизм (языков) 17, 24, 31, 39
Аморфный язык (тип) 96, 97, 107, 109, 114—117, 120—123, 131—136, 161, 164, 165, 167, 169—171, 172, 175, 232
Аналитическая конструкция 110 (сн. 45), 123 (сн. 87)
Аналитический элемент 109—113, 118—122, 126, 127
Аналитический язык (тип) 44 (сн. 47), 97 (сн. 4), 97 (сн. 5), 106, 110 (сн. 45), 123, 124, 234
Аппозитивное сочетание (конструкция) 91
Аппозитивный тип связи 91
Ареальная лингвистика 48 (сн. 73); см. также Языковой союз
Артикль 103
Атрибут (определение) 100 (сн. 17), 122, 137, 162 (сн. 60, 62), 163 (сн. 64)
Атрибутивное сочетание (конструкция) 91, 146, 171, 230
Атрибутивный тип связи 90, 95, 171 (сн. 10)
Аффикс (элемент II 1) 51, 99—104, 107—114, 118—122, 128, 223—227, 229, 232, 233

Базелла классификация 36 (сн. 10), 43, 56, 57

Вероятность типологическая 28, 47, 112
Взаимная универсальная импликация 180
Взаимозаменяемость (служебных элементов) 77, 78, 87 (сн. 65)
Включение значений одного класса слов в другой 148, 152 (сн. 21)
Внелингвистические критерии, см. Экстралингвистические критерии
Внутренней реконструкции метод 33
Внутриязыковая операция 64, 137 (сн. 37), 142, 174 (сн. 21)
Внутриязыковой анализ, см. Интралингвистический анализ
Вокализм праиндоевропейский 27, 28 (сн. 24), 187
Времени категория 145, 167
Время типологическое 135
Вспомогательный глагол 104
Вынесение за скобку 100, 111, 112, 128—130
Выражение
— категории 76 (сн. 20), 79, 94 (сн. 89), 109
— функции 93, 94
— элемента 73, 112 (сн. 49)
Выражения план 9, 29, 31, 32 (сн. 38), 80 (сн. 39), 82, 102

Генетическая (генеалогическая) классификация языков 31
Генетический метод, см. Внутренней реконструкции метод, Сравнительно-исторический метод
Герундий 134, 137, 149
Гипотезы (при структурном анализе), см. Допущения
Глагол 119, 120, 145, 148, 150, 151, 154—160, 162—164; см. также

Вспомогательный г., Непереходный г., Переходный г.
Глагольный корень 108
«Глокая куздра» 20 (сн. 54), 76 (сн. 19)
Глоссематика 17, 32, 50 (сн. 79)
Гомогенности принцип 39 (сн. 20), 51, 62 (сн. 16)
Грамматика, грамматический уровень 43, 65, 73, 74, 76, 93, 94, 108, 125, 128, 172, 228
Грамматическая единица, см. Единица
Грамматическая правильность 20 (сн. 54), 71, 74—77, 83, 84 (сн. 56), 86, 87, 108, 118, 125, 228—230
Грамматическая типология 43, 53; см. также Морфологическая т., Синтаксическая т.
Грамматическая универсалия 12, 181, 182
Грамматическое понимание 88 (сн. 69)
Гринберга классификация 24 (сн. 4), 35, 42, 47, 49

Дедуктивная универсалия 12—14, 17, 179
Дедукция (в типологии) 13, 14, 37, 154 (сн. 28), 157 (сн. 40), 179
Деепричастие 150
Дескриптивная лингвистика, см. Дескриптивный анализ
Дескриптивный анализ (метод) 10 (сн. 4), 32, 33, 35, 36 (сн. 8), 61 (сн. 15)
Дешифровка 18; 19, 20 (сн. 54)
Диалектология 38 (сн. 14), 61
Диахроническая типология 23—25, 50 (сн. 81), 112 (сн. 48), 135, 136
Диахроническая универсалия 12, 180
Диахрония 12 (сн. 9), 23—25, 30, 135, 136
Дистрибуция, дистрибутивный анализ 10, 15, 16, 55, 65, 94, 127, 128 (сн. 14)
Дополнение (глагольное), см. Объект
Дополнение значений одного класса слов до другого 149, 150
Допущения (гипотезы) при структурном анализе 10 (сн. 4), 37, 39, 52—53, 71, 155, 157

Единица (грамматическая) 86, 87, 92, 93
Единица в системе, см. Абстрактная единица
Единица в тексте, см. Конкретная единица
Единица-событие (sign-event), см. Конкретная единица
Единица соотношения при типологическом анализе 21, 52, 53, 67, 72, 234; см. также Операционная е. с., Предельная е. с.
Единица-схема (sign-dēsign), см. Абстрактная единица

Жестов язык 114 (сн. 55)
Животных коммуникация 11 (сн. 8)

Закрытый (текст, материал) 10, 21, 35, 36 (сн. 9), 39
Значение грамматическое, см. Функция
— класса слов 144 сл.
Значение переменной 125, 156—158

Изоморфизм
— методов 16, 175
— уровней описания 151
— языков (языковых явлений) 17, 24, 31, 39
Изоморфная система 173
Изотип 48 (сн. 73)
Именное предложение 156
Именной корень 108
Импликационная универсалия (универсальная импликация) 12, 180, 182, 183; см. также Взаимная универсальная импликация, Простая универсальная импликация
Имя 119, 120, 145
— прилагательное, см. Прилагательное
— собственное, см. Собственное имя
— существительное, см. Существительное
Инвариант (инвариантная модель) в диахроническом преобразовании 25
Индуктивная универсалия 12—14, 179
Индукция (в типологии) 13, 14, 37, 51, 157 (сн. 40), 179
Инкорпорация 51, 96 (сн. 3), 105 (сн. 31), 106, 122, 137, 138, 230
Инкорпорирующий язык (тип) 21 (сн. 58), 96, 105—107, 114, 120, 122, 130, 131, 230, 233

Интерлингвистический (межъязыковой, типологический) анализ 15, 16, 39, 55, 66, 77, 146, 147, 152, 173, 174, 228
Интерпретация
— понятий 3, 4, 67, 71, 78 (сн. 26)
— материала 28, 47, 49, 51
Интерференция языков 30, 61 (сн. 10)
Интралингвистический (внутриязыковой) анализ 15, 16, 39, 55, 66, 77, 146, 147, 152, 173, 174, 228; см. также Предварительный (внутренний) анализ при типологическом сравнении
Инфикс см. Аффикс
Инфинитив 134, 137, 150, 151 (сн. 19)
Исключения (исключительные, единичные случаи) 12, 66, 79, 179
Исходный класс слов 149—151
Исчисление 9, 17, 162

Картографирование типологическое 48 (сн. 73)
Категориальная форма 80, 111, 147, см. также Категория
Категория 26 (сн. 14), 71, 76 (сн. 20), 79—82, 94, 109—112, 125, 126, 128—131, 135, 144, 145, см. также Необходимая категория
Квалитативная типология 49, 66
Квантитативная типология 49, 66
Квантор 182—184
Класс (каких-то единиц) 65 (сн. 30), 83, 94
— слов 72 (сн. 1), 85 (сн. 59), 86, 102 (сн. 21), 144—170, 174
— элементов
— корневых 72 (сн. 1), 79 85, 95, 108, 109, 125, 165, 234
— служебных 72 (сн. 1), 77—80, 82, 109, 110, 125, 234
Классификация (текста, материала) 56
Классификация языков см. Генетическая к., Типологическая к.; Морфологическая к., Базелла к., Гринберга к., Сепира к.
Код *vs.* сообщение, см. Язык *vs.* речь
Количественная универсалия 181
Коммуникационная типология 11
Компаративный метод, см. Сравнительно-исторический метод
Комплексное сопоставление языков 40, 44
Комплетивное сочетание (конструкция) 91, 146. 171
Комплетивный тип связи 90, 95, 156 (сн. 35), 171 (сн. 10)
Конкретная единица (единица в тексте, единица-событие, sign-event), 36 (сн. 9). 52, 65, 67, 81, 83 (сн. 49), 85 (сн. 58, 59), 92 (сн. 82), 93, 108, 109, 234 (сн. 4)
Консонантизм
— праиндоевропейский 26, 28 (сн. 24)
— пранивхский 27 (сн. 16)
Конструкт 13, 36 (сн. 9)
Конструкция
— одномерная 48; см. также Язык *vs.* конструкция
— структурная, см. Структура. См. также Аналитическая к.; Аппозитивная к., Атрибутивная к., Комплетивная к., Координационная к., Предикативная к.; Ядерная к.; Экзоцентрическая к., Эндоцентрическая к.
Конфикс 73; см. также Аффикс
Координатное сравнение, см. Многомерное сравнение
Координационное сочетание (конструкция) 91, 146
Координационный тип связи 90, 95, 146
Корневой элемент (корень) 72, 73, 76, 79, 85, 98—100, 106—109, 113—116, 123, 125, 130, 131, 132 (сн. 25), 156—159, 165—167, 169, 170, 234; см. также Адвербиальный корень, Глагольный корень, Именной корень; Основа, Чистый корень
Корнеизолирующий язык (тип) 134, 135
Критерии определения классов слов, см. Морфологический к., Семантический к., Синтаксический к.

Лексикография 22, 62 (сн. 19), 73
Лексическая типология 43

Максимальный язык-эталон 63, 161 (сн. 56)
Машинный перевод 9, 17 (сн. 45), 18, 20, 21, 57 (сн. 103), 62, 127, 129, 132 (сн. 24)

Межъязыковой анализ, см. Интерлингвистический анализ
Местоимение 27 (сн. 19), 144
Мета- 58 (сн. 2), 127 (сн. 8)
Метапонятие 13 (сн. 13), 179
Метасистема 35, 58 (сн. 2)
Метатеория 58 (сн. 2), 62 (сн. 16)
Метаязык, см. Язык-эталон
Минимальность (морфемы) 72
Минимальный язык-эталон 63, 161 (сн. 56)
Многозначность 88 (сн. 69), 115, 131
Многомерное (координатное) сравнение 48, 66, 97, 143
Многоязычие 63 (сн. 22)
Морфема 21, 44 (сн. 47), 52, 53, 65 (сн. 34), 67; см. также Элемент
Морфологическая классификация языков
— традиционная (Шлегеля — Гумбольдта) 4, 40 (сн. 26), 46, 51, 54 (сн. 97), 96, 97, 143
— интерпретации (современные) 42, 47, 51, 56, 64, 96, 97, 113—136, 143, 232, 233
Морфологическая типология 40 (сн. 26), 42, 51 (сн. 89), 53
Морфологический критерий определения классов слов 145, 146
Морфология, морфологический уровень 40 (сн. 26), 42, 43, 54, 65; см. также Синтаксиса — морфологии различение
Морфонологическая типология 42 (сн. 41), 53, 54 (сн. 97)
Морфонология, морфонологический уровень 53, 54, 65
Мысленный эксперимент 13 (сн. 14), 39 (сн. 23), 66, 179

Наречие 145, 154, 155
Нейтрализация 78 (сн. 28), 100 (сн. 17), 162, 173
Неколичественная универсалия 181
Необходимая категория 81, 82, 94, 126, 130, 135
Неоднородность, см. Однородность
Непереходный глагол 148
Неполная универсалия, см. Статистическая универсалия
Непосредственно составляющие 87 (сн. 66)
Непростота формальная, см. Формальная простота
Непротивопоставленность элементов см. Противопоставленность элементов
Нулевой элемент (признак) 65 (сн. 30), 78, 82, 83, 168

Обратимость, обратимости принцип 64, 126, 129, 130, 131, 174 (сн. 20)
Обучение языкам 21, 61
Общая типология (типология общих систем) 45, 46, 64
Объединение значений классов слов 149, 150
Объект (дополнение) 90, 129 (сн. 16), 149, 150, 155, (сн. 30), 162 (сн. 60, 61), 163 (сн. 64)
Обязательное употребление элементов 80, 81, 99, 100, 115 (сн. 58), 122
Обязательный служебный элемент 80—82, 85, 98 (сн. 11), 117, 125 (сн. 4), 131, 167, 168
Огласовка 73, 112 (сн. 49)
Одномерное сравнение 143
Однородность
— структурная (языков) 97, 122 (сн. 81), 127 (сн. 10), 140—142
— формальная (по Ревзину), см. Согласованность
Окрестность 78 (сн. 24)
Онтогенез 24 (сн. 7), 27 (сн. 19)
Операционная единица соотношения (при типологическом анализе) 53, 54, 67
Операционная универсалия 179
Определение, см. Атрибут
Определение рекурсивное 67
Определять 87, 88 (сн. 69), 92, 98, 99, 115, 129, 131, 145, 153, 229, 230 (сн. 10)
Основа (элемент I 1) 107—109, 118—120, 122, 124, 232
Основоизолирующий язык (тип) 134, 135
Отглагольное существительное 134, 137
Открытый (текст, материал) 10, 21, 35 (сн. 4), 36 (сн. 9), 39, 41 (сн. 27), 66
Отмеченность, см. Правильность
Относиться 84, 85, 87, 92, 98, 100 (сн. 17), 115, 123 (сн. 87)
Оформлять 98—102, 110—112, 130

Падежа категория 104, 144, 145
Панхрония 25, 30
Парадигматика 35 (сн. 3), 45, 47, 170, 172

Перевод 20, 170 (сн. 9)
Переменная 125, 156—158
Пересечение скобок (в формальной записи) 128 (сн. 15), 129 (сн. 16)
Переходности — непереходности категория 76 (сн. 20)
Переходный глагол 148
Подкласс (слов) 148, 149 (сн. 16), 150, 151, 174 (сн. 21)
Подлежащее, см. Субъект
Полисинтетический язык (тип) 47 (сн. 63), 106, 129 (сн. 16), 234
Полная универсалия, см. Абсолютная универсалия
Полный стиль (эксплицитный субкод) 55, 65
Порядок (компонентов в синтагматической цепочке) 65 (сн. 30), 115, 131, 134
Последовательность классификации 54, 55
Послелог, см. Предлог/послелог
Правила эквивалентности 71, 88—91, 95, 102, 141—143, 146—151, 157—167
— для свертывания/развертывания конструкции 88, 92, 146
— для субституции 88
см. также Характерное правило эквивалентности
Правильность (отмеченность) 74—77; см. также Грамматическая п., Семантическая п., Реальная п., Уровни правильности
Праязык 26 (сн. 14), 63
Предварительный (внутренний) анализ при типологическом сравнении 33, 37, 55, 56, 68, 77, 82 (сн. 42), 146, 147, 152; см. также Интралингвистический анализ
Предельная единица соотношения (при типологическом анализе) 53, 54, 67
Предикативное сочетание (конструкция) 91, 152 (сн. 23), 171; см. также Ядерная конструкция
Предикативный тип связи 91, 95, 155, 156, 171 (сн. 10)
Предлог/послелог 51, 72, 73, 85 (сн. 60), 103, 104, 124 (сн. 87), 139, 228
Предложение 53, 67, 75, 76, 80, 84, 93, 98, 110, 114, 115
Прерывистая морфема 73
Префикс, см. Аффикс
Признаки типологические 23 (сн. 1), 31 (сн. 37), 46—48, 65; см. также Типы *vs.* признаки
Прикладные задачи типологии 18 сл.
Прилагательное 122, 137, 145, 154—156, 158—160, 162—164, 166, 168, 229
Примыкание 96 (сн. 3), 119, 122, 137
Причастие 149—151
Продуктивность (грамматической единицы) 72
Производный класс слов 149—151
Промежуточный язык 21, 170
Просодический способ 73
Простая универсалия 180
Простая универсальная импликация 180
Простота (по Кулагиной), см. Формальная простота
Простота описания (по Халле) 80
Простота/сложность языка, языковой модели 131 сл., 173—175
Противопоставленность элементов 78 (сн. 27)
Пустой элемент 79, 94, 117, 125 (сн. 4), 126 (сн. 5), 132 (сн. 25)

Равновесие частей языковой системы 43, 44
Развертывание 87—92, 98, 99, 102, 110, 140, 142, 146, 152 (сн. 23)
— неограниченное (бесконечное) 89, 90
— ограниченное 91
Раздельноморфный язык (тип) 57 (сн. 103)
Разность значений классов слов, см. Дополнение значений одного класса слов до другого
Реальная правильность 75—82, 90 (сн. 73), 228
Реальный уровень 77, 93
Редупликация 73, 94, 112 (сн. 49)
Реконструкция сравнительно-историческая 18, 26—29
Рефлексивность 78, 79 (сн. 29), 173
Речь, см. Язык *vs.* речь
Рода категория 47 (сн. 63), 76 (сн. 20), 94 (сн. 89)
Родство языков 29

Свертывание 84, 87, 89—92, 115—117, 131, 146, 152 (сн. 23), 170
Свобода элементов (в тексте), см. Связанность элементов
Свободная вариация (элементов) 78, 79

Связанность элементов (в тексте) 101, 125, 127—129
Связка 84, 85, 88 (сн. 70), 117
Сегментация (текста, материала) 56
Семантика, семантический уровень 60, 62, 116, 144, 157
Семантическая правильность 20 (сн. 54), 75
Семантическая универсалия 12, 43 (сн. 44), 181
Семантический критерий определения классов слов 144, 157
Семантический множитель 62
Семантическое поле 62
Семиотика 25 (сн. 11), 83
Семиотическая типология 11
Сепира классификация 10 (сн. 5), 35 (сн. 5), 42, 47, 49
Символическая типология 31
Символическая универсалия 31
Символический уровень 31
Симметричность 79 (сн. 29), 173
Сингармонизм 47 (сн. 63), 117 (сн. 62)
Синтагматика 35 (сн. 3), 45, 47, 170, 172
Синтаксис, синтаксический уровень 42, 43, 54, 65
Синтаксиса — морфологии различение 42, 43, 54, 65
Синтаксическая типология 43, 53
Синтаксический критерий определения классов слов (критерий функционирования) 145, 146
Синтетический элемент 109—113, 118—121, 126, 127, 230
Синтетический язык (тип) 44 (сн. 47), 106, 110 (сн. 45), 234
Синхроническая универсалия 12, 180, 182
Синхрония 12 (сн. 9), 23, 25, 30
Система 172, 173
Система *vs.* текст, см. Язык *vs.* речь
Система классов слов языка 147, 151, 152, 157
Скобки 116, 117, 123 (сн. 87), 131, см. также Элемент-скобка
Слитноморфный язык (тип) 57 (сн. 103)
Слово 21, 51, 33—54, 71, 83, 85, 86, 98—102, 108, 110—112, 116, 118, 123, 125, 130, 144 сл.; см. также Служебное слово
Словоформа 85 (сн. 59), 86 (сн. 64)
Сложение языков 120 (сн. 74)
Сложная универсалия 180
Сложность языка, см. Простота/сложность языка
Служебное слово 104, 124 (сн. 89)
Служебный элемент 72 сл.; см. также Аффикс, Частица, Обязательный э., Факультативный э., Аналитический э., Синтетический э., Нулевой э., Пустой э., Элемент-скобка, Связка
Смешанный тип 143
Собственно лингвистическая типология 11
Собственно лингвистическая универсалия 12, 180, 181, 182
Собственное имя 144, 157
«Совершенно агглютинативный» язык (тип) 118
«Совершенно аморфный» язык (тип) 114, 115, 231
«Совершенно флективный» язык (тип) 118, 232
Согласование 118, 126, 127—129, 132, 137
Согласованность (формальная однородность) языка 77 (сн. 20)
Содержания план 9, 30, 31, 32 (сн. 38), 80 (сн. 39), 82, 102
Соответствовать (о классах слов разных языков) 159
Соответствующая конструкция 137
Соотношение универсальное, см. Универсалия
Сопоставительное описание 38; см. также Характерология
Сочетаемость 72, 117, 146, 159
Сочетание, см. Аппозитивное с., Атрибутивное с., Комплетивное с., Координационное с., Предикативное с., Союзное с.
Союз 85, 88, 90
Союзное сочетание 102 (сн. 21), 111, 230; см. также Координационное сочетание
Сравнительно-исторический метод, сравнительно-историческое языкознание 23—32, 63 (сн. 20)
Статика (статическое состояние) 50 (сн. 81), 55, 65
Статистическая (неполная) универсалия 12, 179, 184
Статистические методы в типологии 12, 48—50 (сн. 81)
Стиль (субкод) 55
Структура (структурная конструкция) слова, фразы и т. д. 71, 83, 84, 94, 125, 127 (сн. 10), 133, 140—142, 169, 170

Структура языка 10, 25, 30—32, 50, 57
Структурная типология 4, 9, 10, 23, 32, 34, 46, 50, 51, 57, 63, 64
Субкод, см. Стиль
Субституция 87, 93
Субъект (подлежащее) 129 (сн. 16), 155 (сн. 30)
Сумма значений классов слов, см. Объединение значений...
Суффикс, см. Аффикс
Существительное 145, 148, 154 сл.

Текст, см. Система *vs.* текст, Открытый т., Закрытый т.
Телеология 136 (сн. 36)
Теоретико-множественная сумма (объединение) 63, 149, 161 (сн. 56)
Теоретико-множественное произведение 63
Теоретическая типология 21
Теория 67
Термины в типологии 9, 11, 12, 51, 172, 180, 181
Типологическая классификация 17
Типология, см. Собственно лингвистическая т., Семиотическая т., Коммуникационная т., Структурная т., Диахроническая т., Общая т., Частная т., Квалитативная т., Квантитативная т., Теоретическая т., Эмпирическая т., Грамматическая т., Лексическая т., Морфологическая т., Морфонологическая т., Символическая т., Фонетическая т., Фонологическая т., Комплексное сопоставление языков
Типология типологий 34
Типы *vs.* признаки 31 (сн. 37), 46—48, 65
Типы (синтаксической) связи, см. Аппозитивный т., Атрибутивный т., Комплетивный т., Координационный т., Предикативный т.
Тождество значений классов слов 148, 149
Транзитивность 79 (см. 29), 101 (сн. 19), 173
Трансформационный анализ 10, 43 (сн. 42)
Трансформация, трансформационный шаг 43 (сн. 42), 63, 64, 131—133, 137, 142, 165, 169, 170, 174
Трубецкого признаки 23, 31 (сн. 37), 38, 39 (сн. 18), 40

Универсалия (универсальное соотношение) 11—17, 48, 179—222; см. также Собственно лингвистическая у., Экстралингвистическая у., Фонетическая у., Фонологическая у., Грамматическая у., Семантическая у., Символическая у., Синхроническая у., Диахроническая у., Элементарная у., Импликационная у., Абсолютная у., Статистическая у., Дедуктивная у., Индуктивная у., Операционная у., Количественная у., Простая у., Сложная у.
Универсальная грамматика 17, 19, 171
Универсальная импликация, см. Импликационная универсалия
Универсальная система 16, 17, 20, 21, 162; см. также Максимальный язык-эталон
Универсальное соотношение, см. Универсалия
Управление 101 (сн. 19), 118, 127, 128
Уровней языка связь 43 (сн. 45), 44
Уровни
— абстракции (описания) 54, 55, 67, 146—147, 152, 173—175; см. также Эмический у., Этический у., Уровни правильности
— правильности 77, 107 (сн. 38), 228
— языка, см. Фонология, Морфонология, Морфология, Синтаксис, Грамматика, Семантика, Символический у., Реальный у., Синтаксиса — морфологии различение, Уровней языка связь

Факультативное употребление элементов 80, 81, 99 (сн. 14), 136
Факультативный служебный элемент 80—83, 86, 125 (сн. 4), 131, 167, 168, 228, 230, 231
Флективный язык (тип) 96, 118—122, 126, 130—132
Фонетическая типология 41
Фонетическая универсалия 41 (сн. 28), 182 (сн. 1)
Фонологическая типология 41, 42
Фонологическая универсалия 12, 14, 181, 182

Фонология, фонологический уровень 41
Форма класса слов 147, 152 (сн. 21)
Формальная непростота, см. Формальная простота
Формальная простота 78 (сн. 27), 104 (сн. 26)
Фраза 84
Фузия 109
Функционирования критерий (при определении классов слов), см. Синтаксический критерий
Функция 84, 92—94, 98, 101 (сн. 20), 102 (сн. 21), 107—117, 130, 131, 134, 145, 146, 151, (сн. 18), 154—161, 164—167

Характерное правило эквивалентности 156, 158 (сн. 45), 159
Характерология 37—40, 64; см. также Сопоставительное описание

Цепочка элементов 72, 75, 84, 94, 125, 127—129, 172 (сн. 17)

Частица (элемент II 2) 73, 100—106, 110, 112, 114—116, 118—120, 122, 128, 129, 138, 223, 229—233
Частная типология (типология частных подсистем) 45, 46, 64
Часть речи, см. Класс слов
Числительное 148
Чистый корень (элемент I 2) 107—109, 114—116, 119—124, 135, 158, 167, 169, 232
Член предложения 13 (сн. 13), 43 (сн. 42), 61 (сн. 13), 91

Эволюция языковая 24, 25, 135, 136
Эквивалентность 71, 86—89, 92, 98, 99, 114; см. также Правила эквивалентности
Экзоцентрическая конструкция 87 (сн. 66)
Эксплицитный субкод, см. Полный стиль
Экстралингвистическая универсалия 180
Экстралингвистические критерии (при типологическом анализе) 11, 38, 39, 50, 51, 62 (сн. 16)
Элемент 72 сл.
— I, см. Корневой э.
— I 1, см. Основа
— I 2, см. Чистый корень
— II, см. Служебный э.
— II 1, см. Аффикс
— II 2, см. Частица
См. также Обязательный э., Факультативный э., Нулевой э., Пустой э., Элемент-скобка, Связка, Аналитический э., Синтетический э.
Элемент-скобка 117, 118, 121 (сн. 79), 132, 169 (сн. 1)
Элементарная (неимпликационная) универсалия 12, 180
Эллипсис 55, 58 (сн. 2), 65, 94
Эмический уровень 9, 54, 65, 94
Эмпирическая типология 21
Эмпирическая универсалия, см. Индуктивная универсалия
Эндоцентрическая конструкция 87 (сн. 66)
Этический уровень 9, 54

Ядерная (предикативная) конструкция 91, 146, 153, 155, 156, 162, 165
Язык 71, 141, 171, 172
Язык *vs.* конструкция 48, 97, 139—143, 169
Язык *vs.* речь (система *vs.* текст) 3, 9, 35—37, 50, 52, 64
Язык-посредник 20, 62, 132 (сн. 24)
Язык-эталон (метаязык) 58—64, 97, 126, 130—132, 134, 137, 142, 153, 154, 157, 158, 160—162, 164, 165, 167—175; см. также Максимальный я.-э., Минимальный я.-э.
Языки (языковые типы), см. Аморфный я., Инкорпорирующий я., Агглютинативный я., Флективный я., Корнеизолирующий я., Основоизолирующий я., Аналитический я., Синтетический я., Полисинтетический я., Слитноморфный я., Раздельноморфный я., «Совершенно аморфный» я., «Совершенно агглютинативный» я., «Совершенно флективный» я.
Языковой союз 30, 38
Якобсона — Фанта — Халле признаки 16, 42, 62

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . .

Вводная часть

Предмет и метод структурной типологии языков

Глава 1. Предмет и задачи структурной типологии языков 9
Глава 2. Типология и другие направления лингвистического исследования 23
Глава 3. Методы типологического исследования 34
Глава 4. Типология и язык-эталон 58

Основная часть

Построение структурной типологической теории для грамматической характеристики языков

Глава 1. Исходные понятия 71
§ 0. Система терминов и допущений 71
Глава 2. Уточнение понятий традиционной морфологической классификации языков 96
§ 1. Предварительные замечания 96
§ 2. Классификация элементов 98
§ 3. Возможность характеристики языков через классификацию элементов; интерпретация традиционной морфологической классификации в полученных терминах 113
Глава 3. Определение (в полученной терминологии) структуры языка-эталона для типологического сравнения языковых структур 125
§ 4. Взаимоотношение между разными типами языков. Приведение языков одного типа к языкам другого типа . . . 125
§ 5. Оценка структурных явлений различных языков и возможность общей оценки языков на основании предложенного метода 136
Глава 4. Построение специального (дополнительного) языка-эталона для сравнения классов слов разных языков 144
§ 6. Предварительные замечания. Система классов слов одного языка 144
§ 7. Принципы сопоставления классов слов разных языков . . 152
Глава 5. Некоторые обобщающие замечания 169
§ 8. Заключительные замечания по типологической характеристике языка 169
§ 9. О понятиях относительной простоты или сложности некоторой модели языка 171

Приложения

Приложение I. Классификация языковых универсалий 179
Приложение II. Список синхронических универсалий из области фонологии и грамматики 182
Приложение III. Классификация служебных элементов разных языков 223
Приложение IV. Об одной более общей (сравнительно с изложенной в «Системе терминов и допущений») грамматической модели . 228
Приложение V. Комбинаторные возможности присутствия элементов разных типов (I 1, I 2, II 1, II 2) в одном языке . . . 232
Приложение VI. Список предложенных критериев, дополнительных по отношению к использующимся в настоящей работе . . . 234
Summary 235
Библиография 251
Сокращения 274
Указатель терминов 275

CONTENTS

Preface 3

Introductory Part

Object and Methods of Structural Linguistic Typology

Chapter I. Subject and Purposes of Structural Linguistic Typology . 9
Chapter II. Typology and Some Other Trends of Linguistic Research . 23
Chapter III. Methods of Typological Investigation 34
Chapter IV. Typology and Étalon Language 58

Principal Part

Tentative Theory of Structural Grammar Typology

Chapter I. Basic Notions 71
§ 0. Terms and Assumptions 71
Chapter II. Explication of Terms of Traditional Morphological Classification of Languages on the Basis of Assumed Notions . . . 96
§ 1. Some Preliminary Statements 96
§ 2. Classification of Grammatical Elements 98
§ 3. Possibility of Language Typologization Through the Above Classification of Grammatical Elements. Interpretation of Traditional Types of Morphological Classification of Languages in Newly Coined Terms 113
Chapter III. Definition of Étalon Language for Typological Comparison of Linguistic Structures in Terms Obtained 125
§ 4. Interrelations of Different Types of Languages. Possible Conversion of Languages of One Type to Languages of Another Type 125
§ 5. Typological Appraisal of Structural Phenomena of Different Languages. Possibility of General Typologization of Language on the Basis of Evolved Theory 136
Chapter IV. Special (Supplementary) Étalon Language for Comparison of Word Classes in Various Languages 144
§ 6. Preliminary Remarks. Establishment of System of Word Classes in a Language 144
§ 7. Principles of Identification of Word Classes in Different Languages 152
Chapter V. Some Concluding Statements 169
§ 8. Concluding Remarks on Typological Interpretation of a Language 169
§ 9. Notions of Relative Complexity and Simplicity of a Linguistic Model 171

Appendices

I. Classification of Language Universals 179
II. List of Synchronic Phonological and Grammatical Universals . . 182
III. Classification of Grammatical Auxiliary Elements of Some Languages 223
IV. Notes on a More General Grammatical Model 228
V. Combinatory Possibilities of Coexistence of Grammatical Elements of Different Types in a Language 232
VI. Some Supplementary Bases of Comparison 234
Summary in English 235
Bibliography 251
Abbreviations 274
Index 275

Борис Андреевич Успенский

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати
Ученым советом филологического факультета
Московского государственного университета

*

Редактор *С. Н. Злобина*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Е. Г. Григорьева* и *В. П. Попкова*

*

Сдано в набор 10/X 1964 г.
Подписано к печати 23/IV 1965 г.
А-09503. Формат $60 \times 90^1/_{16}$
Печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 19,04.
Тираж 3500 экз. Изд № 1268
Зак. № 2023. Темплан 1965 г. № 1249
Цена 1 р. 20 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4